УЧРЕДИТЕЛИ:
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ЯРОСЛАВА МУДРОГО,
АДМИНИСТРАЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
издается с 1995 года **№1 (17) 2000 год**

СЕРДЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ И НИЗКИЙ ПОКЛОН
АДМИНИСТРАЦИИ ЧУДОВСКОГО РАЙОНА
ЗА ПОМОЩЬ ЖУРНАЛУ

СОДЕРЖАНИЕ:

«Я РАД, ЧТО БАРАНОВСКИЙ ЕСТЬ НА СВЕТЕ...» К 50-летию поэта 2

КАФЕДРА

Анатолий ГАВРИКОВ - Университет в 2000 году 5

НОВГОРОД

Владимир ЯДРЫШНИКОВ - Прошлое и настоящее Нередицы 7
Людмила СЕКРЕТАРЬ - Судьба возвращенного храма 14

ЭХО

Геннадий КОВАЛЕНКО - Рюрик - легенда и символ 17
Валентин ПАПЕШИН - Без лести предан 22
Сергей ТРОЯНОВСКИЙ - Останки всесильного графа 29
Георгий АКИМЧЕНКО - Стон безымянных могил 31
Илья СМИРНОВ - Солеварни в Неноксе 35

ИМЕНА

Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ - Воспоминания о сестрах Гиппиус 38
Александр ХОДЯКОВ - «То, чего больше не будет» 48

ПЕРО

Владимир ВИКТОРОВ - Стихи 52
Тамара СИГАЛОВА - Стихи 56
Наталия ПУНЖИНА - Стихи 58
Марк КОСТРОВ - На пути к Русскому озеру 61

РОДНИКИ

Ирина ПАВЛОВА - Как на Курине жили 64
- Хутор Наволок 72

EX LIBRIS

Инна ГРИГОРЬЕВА, Николай САЛОНИКОВ - Библиотека Новгородской духовной семинарии: 1706-1925 годы 76
Валентин ПАПЕШИН - Библиотека графа Алексея Андреевича 84
Людмила ПЕТРОВА - Боровичская уездная публичная библиотека 90

АРХИВ

Алексей ПШАНСКИЙ - Правнуки Великого моста 94
Людмила СЕКРЕТАРЬ - Волховский мост: век XVII 98
- Волховский мост: век XVIII 98
Татьяна ДАНЬКО - Последний мост старого Новгорода 99
Ирина ЩУКИНА - Белозерск глазами путешественников 101

МАСТЕРА

Татьяна ЗОЗУЛЕНКО, Татьяна ВОЛОДИНА - Бокалов звон хрустальный 104
Надежда ДЗЮБА - Русь тканная 110
Наталия ПУНЖИНА - Тайна души бессмертна 114

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
Тамара СИГАЛОВА

Научный консультант
академик Российской академии наук
Валентин ЯНИН

Леонид БАРАНОВСКИЙ
Валерий БОЛЬШАКОВ
Марина БУРЬЯК
Анатолий ДОНЧЕНКО
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО
Иван ИВАНОВ
Вячеслав ИЩЕНКО
Геннадий КОВАЛЕНКО
Николай КУРМЫШЕВ
Наталья МОРЫЛЕВА
Александр НИКАНОРОВ
Владимир ПОВЕТКИН
Юрий ПОЛЯКОВ
Алексей ПШАНСКИЙ
(старший редактор)
Эдуард РАНЕНКО
Ирина САВИНОВА
Владимир СОРОКА
Владимир ТЮРИН
Владимир ХРАБРОВ
Владимир ЯРЫШ

«Я РАД, ЧТО БАРАНОВСКИЙ ЕСТЬ НА СВЕТЕ...»

Совсем недавно, 4 января 2000 года, замечательному новгородскому поэту и нашему другу **Леониду БАРАНОВСКОМУ** исполнилось 50 лет. Жизнь его складывалась не всегда гладко и просто, но через все препоны и неурядицы он, не отчаявшись и не озлобившись, сумел пронести глубокую порядочность, открытую душу, доброе сердце и дарованный ему Господом талант. Регулярные читатели нашего альманаха знакомы с творчеством Леонида Ивановича по публикациям его стихов в №№2-96 (9) и 1-99 (14), а также по его сборнику «Тюремное ремесло», выпущенному приложением к «Челу» в 1997 году.

Сперва предполагалось, как обычно, дать в этом выпуске к Юбилею поэта расширенную подборку *его* стихов. Но это успеется, – в ближайшем будущем мы так и поступим. А вот Юбилей – прекрасный случай опубликовать *другую подборку*: стихов и поздравлений, адресованных юбиляру его «собратьями по перу», старшими и младшими. Все приведенные ниже стихи посвящены Леониду Барановскому – Поэту и Человеку.

Мы поздравляем Леонида Ивановича с 50-летием и желаем ему здоровья, долгих и плодотворных лет жизни и соответствующего уровню его таланта признания, которое он давно уже заслужил.

Редакция альманаха «Чело»

Тамара СИГАЛОВА

Мой друг!
Какая нынче скверная зима,
Разбитым зеркалом
отсвечивают лужи,
Расплывчаты и неуклюжи
в них отражаются дома.
Пощипывает сердце у тебя
и бьет в висок губительная сила,
Когда б могла –
сейчас бы отломила
От сердца своего –
тебе бы отдала.
Земля больна,
ты знаешь это верно,
И потому в мороз и зной
Вселенную освобождать от скверны
Метлой, скребком,
пронзительной строкой
Ты по утрам выходишь ежедневно...

Мой друг!
Летящих строчек рой
Пусть на оставит твоего причала,
Забудь!
И все начни сначала
Дверь в неизведанное –
приоткрой.

Ирина НАЗАРОВА

Храни Вас, Лёня, Ангел белокрылый,
Дай Бог Вам полной мерою любви!
На этом свете, обретая силу,
мы все возводим храмы на крови –
кто – на своей, кто – на чужой. Незримо
дни этой жизни тленной промелькнут,
и наша суть пред Господом без грима
предстанет, беззащитная, на Суд.
Земная суетность в расчет там не берется,
на чашах будут совесть и грехи,
добро и зло взаиморазочтется,
на чаше с совестью останутся стихи.
Тогда на стыке между тьмой и светом
Ваш Ангел скажет: «Отче, отпусти
ему грехи, он честным был поэтом,
и тяжкий крест пришлось ему нести.
Он жизнь не строил на костях собратьев,
не добивался недостойно благ...
У них там привечают всех по платью,
и все у них там, Господи, не так.
Кто сил душевных про запас не прячет,
тот уязвим, тому больней всего;
я видел, Отче, он стихами плачет...
И я хочу вступиться за него.
Ведь тут всем по заслугам воздается,
отсюда путь в бессмертие открыт,
так пусть сегодня в небесах зажжется
звезда по имени поэта – Леонид!»

Анатолий АВДОШЕНКО

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ РЕКВИЕМ

Взойду ли я к горнему свету
Иль кану, как в омут, во мглу?
Меня как бы вовсе и нету,
И я ничего не могу.

Собранья, лобзанья, страданья,
Пропойский паноптикум рож...
Всему отдаю эту дань я,
И сам на бомжа стал похож.

Мы пили напару цикуту,
А думали: это – вино.
...Я пялиться в телек не буду –
В бесовское это окно.

Отбросы, обмылки, обноски...
Рыданья в отверстый проём...
Давай с тобой, брат Барановский,
За здравие душ чифирнём!

Звезда за стеклом замерцала
Для путников дальних дорог.
Побудем без хлеба и сала,
Беседы зажжём костерок.

И нам дан был промысел Божий.
Посеяли, да не пожать...
Неужто и на раздорожье
Придется поврозь нам лежать?

Любимая, прочь ностальгию:
Внук в спальне, ликуя, орёт.
...Простите вы нас, дорогие.
Что сделаешь? Круговорот...

Владимир ИСАКОВ

Кому-то жизнь в России опостылит,
Кому-то тошно станет спозаранок...
А ты – в конвойную смотрел навылет,
Прислушиваясь к песням лесбиянок.

Кому-то рваться в бой как иноверцу,
Хватаясь каждый раз за пистолеты...
А ты – братался с урками, и сердце
Легко разменивал на сигареты.

Но только в лязг последнего вагона
Сквозь сны о воле, страшные до жути,
Вплетались строки, заглушая стоны,
И визг, и стук колес на перепутье...

Не каждому судьба дана как небо!
Как воздухом дышать – уже не модно...
Твои стихи – простая корка хлеба
В день голодный.

Геннадий СТРЕЛКОВ

Я помню тех, кого никто не помнит,
Поскольку те, кто знали их, ушли.
Л. Барановский

Мы все уходим.
Так тому и быть.
От мелочности – к мелкой распродаже.
И, кажется, сумеем мы решить
Свои проблемы
И чужие даже.

В дыму похмелья
Ближе даже враг.
Хоть он запомнит
Как мы тут сидели!
И кто ушел,
Тот сделал все не так,
И нас качают
Странные качели.

И вся страна –
Столыпинский вагон.
Останется ведь кто-то
На перроне.
Мы все уходим,
Так велит закон.
Я помню тех,
Кого никто не помнит.

Алексей ПШАНСКИЙ

Судьба ли, рок, расклад планет,
иль крест – зови как хочешь, Лёня:
Поэт – и в Африке Поэт,
и при лопате, и на зоне.

Не дутый мэтр, не корифей,
а так – подобье разночинца,
ты в Ад спускался, как Орфей,
но петь и там не разучился.

Да не утихнет голос твой,
который не свели до cod'ы
ни срок, ни возраст, ни конвой,
ни блага горькие свободы.

Пусть ты не «классик» до поры,
но – не грусти, наплюй на это,
что те, кому ты мёл дворы,
в тебе не ведали Поэта, –

придет черед иных наград,
все переборки убирая:
как Рукописи не горят,
так и Стихи не умирают.

Бесценна жизнь, или ни в грош –
конца пока не видно спору,
но ты Поэтом и помрешь.
И – дай-то Бог! – еще нескоро.

Валерий БОЛЬШАКОВ

Других поэтов, если и читают
Поэты, то ревнуя, не любя.
Они обычно всем предпочитают
Себя, или похожих на себя.

Мне неприятны проявленья эти
Гордыни. Нарциссизм бестолков.
Я рад, что Барановский есть на свете,
Что пишет он не так, как Большаков.

Что обреченный жить судьбой поэта,
Он «по небесным замыслам Творца»
По-своему решает без конца
«Задачку, у которой нет ответа».

Владимир ХРАБРОВ

Болезней, хворей и недугов
Атаки с возрастом сильней,
Работает мотор с натугой,
А печень... Ну да леший с ней!
Никак той шутке не поверить:
"**О**й, Лёнь, тебе уж – пятьдесят".
Волнует нас, не зная меры,
Сто раз на дню любовь опять,
Как в юности... а впрочем, юность
От нас пока что не ушла.
Мы сможем совершить и глупость,
Уйдя в любовные дела.

Латать пока что рановато
Еще надежный свой каркас.
О процедурах и зарплатах
Не будем говорить сейчас.
И в самом деле. Мелочь эка!
Да разве ж это нам помеха?
У нас резерв, еще – полвека.

Владимир ВИКТОРОВ

Не хочу, в эмпиреях филоня,
Век закончить на жестком одре...
Прочитай мне высокое, Лёня,
В память сердца об этой дыре,

Где тоскливо, где ветер не свищет,
Где полеты поэтов не в честь...
Прочитай издалека, дружище,
Как никто не сумеет прочесть.

Я любовью и верой пропитан.
Потому, уходящему в высь,
Ни к чему предаваться обидам,
Если мог и без них обойтись.

Татьяна ЩИПАНОВА

НЕЮБИЛЕЙНОЕ

Лёне Барановскому, молодому человеку, на память о поэтическом вечере и разговорах о вечном.

Мне стало сниться, что меня хоронят,
И в путь последний бережно несут.
Теперь уже не бросят, не уронят,
И донесут на мой последний суд.
И будет все не так,
Как принято от веры,
Кто в гроб сегодня лег –
Жил праведно всегда,
Исчезнет глупый такт,
И в честь такой премьеры
Всё скажут прямо в лоб
Друзья и филера.
Покойник, скажут, был,
Конечно, не подарок.
Он вел себя всегда
Не так, как надлежит.
Он в жизни столько налепил помарок
И потому так рано здесь лежит.
Теперь давленье в норме
Все покойно,
Не дрогнет – хоть портрет
С него пиши.
Ему уже не слышно, и не больно.
И умер он, видать, от всей души.

Ирина САВИНОВА

БЕЛЫЙ КОНЬ

Где мой ходит белый конь,
Звонкие копыта?
Сердце брошено в огонь,
Радость позабыта.
День за днем спешу за ней –
Ветреной удачей.
Смех становится больней,
Ночь в подушку плачет.
Смех меняю на слезу,
Слезы – на признанье.
Белый конь в глухом лесу,
Словно наказанье.
От моих горючих бед
Лес тот поредеет.
От моих сгоревших лет
Станет конь добрее:
Выйдет в поле невзначай –
Грива вся в колечках,
Да и крикнет: «Привыкай!
Где ж твоя уздечка?!»

УНИВЕРСИТЕТ В 2000 ГОДУ

А.Л. Гавриков

Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого – один из молодых в системе высшей школы, но уже вошел в число крупнейших вузов России и считается лучшим наравне с пятнадцатью университетами страны. На 22 факультетах и в 5 колледжах учатся более 18 тысяч студентов. С ними работают 107 докторов наук и 434 кандидата наук. В минувшем учебном году университет выпустил почти 2000 молодых специалистов различных профессий. Каким же видится наш университет в 2000 году? Какова роль его в жизни нашей области и города? На вопросы журналиста отвечает президент НовГУ Анатолий ГАВРИКОВ.

Анатолий Леонидович, в конце марта в Москве состоится первая международная конференция университетов стран СНГ и Балтии. Основная тема работы форума – «Университеты и общество». Как Вы сами понимаете ее?

Думаю, что тема «Университеты и общество» выражает суть концепции нашего вуза, причем эти две величины не противопоставляются, а взаимосвязаны.

Большинство старейших университетов развивались по строго классическому принципу чистой науки, науки ради сохранения отраслей знаний, создания фундамента образования. Однако время и развивающееся общество требуют от высшей школы также решения конкретных прикладных задач. Сегодня востребована подготовка высококвалифицированных специалистов различных профессий, способных заниматься не только теоретическими изысканиями, но и применением знаний на практике. Особенно это касается региональных университетов.

Практическое поле деятельности определяет само общество, оно предъявляет территориальный запрос. Например, в последние годы обществу потребовались дизайнеры, архитекторы-реставраторы, юристы, менеджеры и финансисты. И мы постарались учесть это. Допускаем даже вариант подготовки небольшого числа специалистов, которые необходимы. Нынче такими стали работники лесного хозяйства. Но при этом мы остаемся университетом, придавая большое значение и уделяя внимание фундаментальной подготовке, гуманитаризации, развивая классические университетские направления подготовки и выполняя широкий спектр научных исследований.

Как видите, наша концепция совмещения науки и ее практического применения вполне отвечает требованиям современности.

Общество все время развивается, поднимается планка профессиональных знаний. Как быть выпускникам университета, которые получили дипломы несколько лет назад и сейчас испытывают некоторое отставание в своих знаниях?

Для них мы разрабатываем концепцию открытого образования. Раньше существовал такой вид профессиональной учебы как переподготовка. Сейчас же мы хотим дать более широкий спектр новых знаний по выбору самого специалиста. Это может быть целый цикл или отдельная дисциплина, могут быть и другие формы обучения. И в этом направлении проявляется наша концепция единства университета с объективной действительностью.

Каковы результаты объединения прежних самостоятельных вузов в университет?

Уже седьмой год работают в едином коллективе прежние НПИ и НГПИ, и уже третий год в составе университета НГСХА. Практически по всем показателям имеем позитивные сдвиги. Заметно к лучшему изменилась научная деятельность; серьезное продвижение имеем в информационных технологиях; втрое расширен спектр специальностей; опыт интеграции стал достоянием всей России. Здесь уместно добрым словом вспомнить первого президента нашего университета Владимира Васильевича Сороку, отдавшего много сил и творческой энергии на претворение в жизнь этого интеграционного проекта. Я был тронут до глубины души словами наших студентов в телевизионной программе «Логос», которые поступили в университет уже после смерти Владимира Васильевича, о том, что и студенты НовГУ-3000 будут с гордостью вспоминать, что они учатся в университете, созданном первым президентом профессором В.В. Сорокой.

Оправдывает ли себя форма существования институтов в едином университете?

Прошедшие годы показывают, что эта система начинает себя оправдывать. У нас исключилось дублирование общеобразовательных дисциплин, и вместе с тем появилась специализация. Например, преподаватели кафедр философии, отечественной истории, которые существуют в Гуманитарном институте, читают свои дисциплины студентам всех факультетов. Основы педагогического мастерства и психологии получают выпускники многих факультетов, занятия с ними ведут специалисты кафедр Института непрерывного педагогического образования. Информатике всех студентов университета обучают кафедры факультета математики и информатики и т.д. Но институты (и академия) располагаются в отдельных зданиях, и от руководите-

лей требуется внимание не только к образовательным проблемам, но и к содержанию материально-технической базы.

Вместе с тем деятельность всех структурных подразделений базируется на единой инфраструктуре обслуживания: информационной, инновационно-технологической, административно-хозяйственной, социально-бытовой и т.д.

Университет создал еще и систему колледжей. Это сделано в интересах университета или общества?

Наши колледжи отвечают интересам обеих сторон. В этой системе просматривается принцип непрерывного образования, который активно развивается в Новгородской области. Учащиеся колледжа получают профессию и имеют реальную перспективу поступления в университет. Они уже заранее готовятся к процессу самостоятельных занятий, им даются основы фундаментальных знаний, которые позволяют им обучаться в вузе со второго или третьего курса. В колледжах естественнонаучные и профильные дисциплины ведут преподаватели университета, и они уже присматриваются к будущим студентам, определяют, кому стоит обучаться по программам высшего образования, а кому достаточно обладать хорошим дипломом среднего специалиста.

Основу обучения в университетских колледжах составляют согласованные программы среднего и высшего уровней. У выпускников наших колледжей, как правило, нет проблем в дальнейшем обучении на университетских факультетах благодаря привитому вкусу к научным знаниям и опыту общения с вузовскими преподавателями, нахождения в общей университетской атмосфере. Чего нельзя сказать о выпускниках других колледжей, которые часто не завершают обучения в вузе.

Не все юноши и девушки могут приехать в Великий Новгород и поступить в университет, хотя там, где они проживают (в деревне, поселке, малом городе), существует реальная потребность в специалистах, а столичные выпускники, да и новгородцы, туда не едут. Как быть в такой ситуации?

Здесь две проблемы: почему не едут и как помочь детям «малых территорий» реализовать свое право на доступ к высшему образованию. Первая проблема требует экономического роста в стране и создания условий для высокой профессиональной мобильности, а значит, не может быть решена в ближайшие десять-двадцать лет. Вторую проблему можно решить, приблизив вуз к месту проживания и учебы молодежи и сориентировав учебно-воспитательный процесс на нужды малых территорий при непосредственном участии базового вуза, контроле и координации с его стороны. С этой целью создан Боровичский филиал университета. Там на дневном отделении занимаются 109 и на заочном – 30 человек. Мы создали его как крестьянский институт, выпускники которого удовлетворяли бы прежде всего запросы своего края. В филиале три отделения (факультета): педагогика и методика начального образования, маркетинг и механизация сельского хозяйства.

В Старой Руссе мы имеем колледж на правах филиала. В перспективе и там откроем подготовку по программам высшего образования.

Потенциал университета позволяет продвигаться и в другие регионы, более благоприятные в экономическом отношении. Так возник наш филиал в Самаре: это такой громадный регион, что местные вузы не в состоянии обеспечить знаниями всех желающих.

А что слышно о филиале в Израиле?

Два года мы договаривались о его открытии, все согласовали, но наше министерство образования не может выработать типовых нормативных документов для зарубежных филиалов, да и межстрановое соглашение отсутствует, хотя российские дипломы в Израиле котируются. Надеюсь, что в конце концов и эту проблему удастся решить.

На кого будет ориентирован этот филиал?

Прежде всего на коренное арабское население Израиля. Оно не имеет достаточных возможностей получать образование дома. Наша система подготовки специалистов по-прежнему признается в мире одной из лучших и дешевых, потому мы и получили приглашение к открытию учебного заведения.

Весь наш разговор касался учебного процесса, его организации. А каковы, на Ваш взгляд, нынешние студенты? Они отличаются от Ваших сокурсников?

Отличаются. Это другое поколение, воспитанное на изменившихся ценностях, жизненных примерах, получившее образование под влиянием других образовательных технологий, в том числе инновационных. Впечатления разные. Радует целеустремленность, желание хорошо учиться и непременно добиться успеха в жизни у одних. Не радует зачастую слабый уровень школьной подготовки, особенно по математике и физике у других. Вместе с тем многие студенты проявляют свои таланты во внеучебной деятельности: занимаются в творческих студиях, участвуют в концертах, смотрах и т.п.

Правда, меня удивляет и настораживает некоторая обособленность нынешних студентов. Студенты моей поры стремились быть вместе: шли какие-то диспуты, обмен информацией, литературой. А сейчас, мне так кажется, у каждого все это есть. Никак не могу осуществить мечту о студенческом самоуправлении, не ожидал, что это предложение не получит должной поддержки и заинтересованности. А ведь студенческая организация могла бы заняться многими проблемами, в том числе и трудоустройством выпускников: сбором информации о рабочих местах, вакансиях, и даже созданием малых фирм по оказанию услуг. Она бы могла контролировать и организовывать различные направления студенческой жизни. Но все пока ограничилось традиционным институтом старост.

По технической оснащенности учебного процесса и повседневной жизни нынешние студенты далеко обогнали своих предшественников, но отстают в степени социализации. Университет многим из них может помочь в самореализации, в понимании своего предназначения, в приобретении новых профессиональных знаний. Настанет день, когда университет будет с гордостью называть своих великих выпускников, как сегодня мы говорим, скажем, о выпускниках Новгородской духовной семинарии, которой в этом году исполняется 260 лет. Я верю в торжество исторических традиций образования.

Беседу вела Ирина САВИНОВА

К 800-летию церкви Спаса на Нередице

Владимир ЯДРЫШНИКОВ

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ НЕРЕДИЦЫ

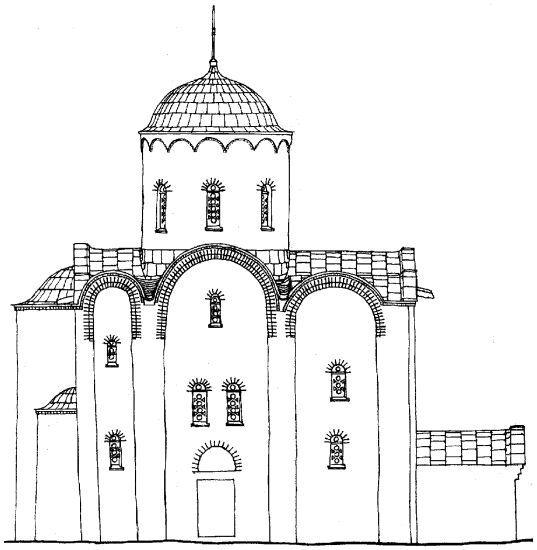
В предыдущем номере альманаха «Чело» помещена статья о Нередице В.М. Ковалевой, в которой говорится в основном о характере и особенностях фресковой росписи. Однако литература по памятнику огромна, это один из наиболее полно изученных объектов в русском искусстве (и исследования еще не закончены). Поэтому хотелось бы продолжить тему, сконцентрировав внимание на истории, архитектуре и реставрации храма, а также на судьбе Нередицкого монастыря.

В большинстве публикаций прежде всего отмечается, что Нередица – последний пример княжеского строительства в Новгороде. Действительно, после 1135 года (когда был изгнан князь Всеволод) князья не строили в Новгороде храмов, и единственным исключением является церковь Спаса на Нередице. Для того, чтобы правильно понять особенности памятника и его историю, важно объяснить причину этого исключения.

Церковь Спаса Преображения на Нередице.
Акварель Н. Мартынова. 1860-е годы.

Обратимся к первоисточнику – записи Новгородской Первой летописи под 1198 годом: «Тои же весне преставистася у Ярослава сына 2: Изяслав бяше посажен на Луках княжити и от Литвы оплечье Новугороду, и тамо преставися, а Ростислав Новегороде, и оба положена у святого Георгия в монастыри. В то же лето заложи церковь камяну князь великыи Ярослав, сын Володимирь, внук Мьстиславль, в имя святого Спаса Преображения Новегороде на горе, а прозвище Нередице, и начаша делати месяця июня в 8, на святого Федора, а концяша месяця септября...»[1] Некоторые другие летописи добавляют, что одновременно здесь был основан мужской монастырь. На следующий год храм расписан фресками («испьсаша церковь святого Преображения на Городище»)[2] и, видимо, на престольный праздник, в августе или осенью, освящен. Для полноты картины отметим, что в том же 1199 году жена заказчика строительства, «княгыня Ярославляя» (имя ее точно не известно) основала женскую обитель с церковью Рождества Богородицы «на Михалице»[3]. Как видим, последовательность и логика событий указывают на то, что причиной княжеского строительства послужила семейная трагедия и спешно возведенный близ княжеской резиденции (Городища) храм посвящен был памяти малолетних Ярославичей. До 1970-х годов исследователи не задавались подобными вопросами и не обращали внимания на указанные факты, ныне же мало кто из них сомневается, что Нередица – это «поминальный» памятник[4]. Весомым подтверждением этого тезиса служит проведенное недавно скрупулезное исследование иконографической программы росписи интерьера. В ней прослеживается сильная тема Воскресения, имеются изображения, связанные с памятью о детях ктитора[5]. Некоторые ученые полагают даже, что Ярослав Владимирович строил храм как усыпальницу для себя и своей семьи: большие ниши-аркосолии в стенах атрибутируются как погребальные (одна из них, в

Реконструкция Г.М. Штендера, 1986.
Чертеж Л. Корчагиной

юго-западном углу, изображает самого князя и предназначалась, возможно, для захоронения ктитора)[6]. Мавзолеем для семьи Ярослава Нередица, однако, не стала, поскольку сразу после освящения церкви (или даже не дождавшись освящения) князь покинул Новгород, больше сюда не возвращался, и дальнейшая его судьба прослеживается с трудом.

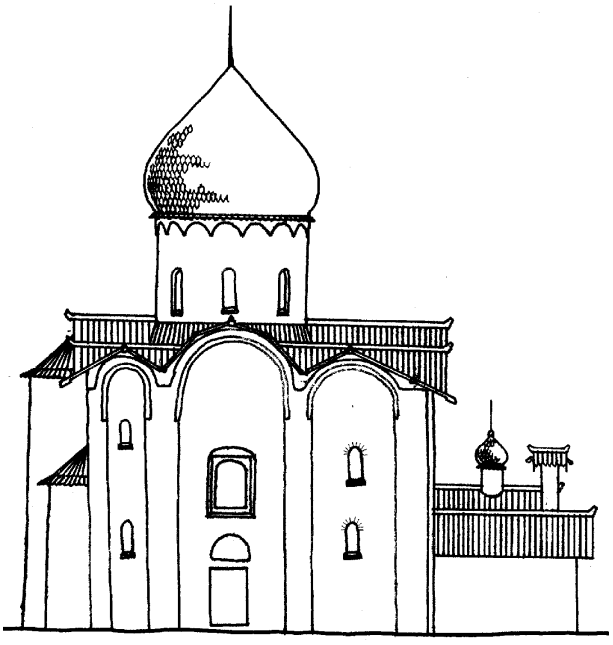
Видимо, поминальным характером храма объясняются и другие интересные факты, в частности ускоренные, сжатые сроки строительства – летопись прямо указывает, что каменные работы были проведены не более чем за четыре месяца. До недавнего времени исследователи даже не верили, что такое возможно, тем более что подобные примеры в других регионах не известны. Однако в последние годы пришли к выводу, что возведение каменного храма за один неполный сезон могло иметь место[7]. Новгородские летописи отмечают в домонгольский период по крайней мере еще три случая «скоростного», «срочного» строительства – это церкви Благовещения на Мячине (1179 год), Кирилла (1196 год) и Спаса в Старой Руссе (1198 год – ровесница Нередицы).

Недавно петербургский исследователь В.А. Булкин выдвинул убедительную гипотезу, которая позволяет назвать имя зодчего Нередицкой церкви. Основываясь на летописных данных, Булкин приходит к выводу, что с 1196 года в Новгороде появляется вторая строительная артель, работавшая в основном по светским заказам. Если до этого времени храмы сооружались последовательно, один за другим, то в 1196 году одновременно возведены церкви Кирилла и Воскресения на Мячине, в 1198-м – церкви на Нередице, в Старой Руссе, и заложен храм Ильи на Славне. Видимо, в Руссе работала артель архиепископа, а на Нередице – артель, строившая церковь Кирилла. Это, по мнению В.А. Булкина, подтверждается и стилистическим единством, близостью двух последних памятников[8]. Имя зодчего Кирилловского храма называет летопись: «а мастер бяше Коров Якович с Лубяне улице»[9]. Он же, вероятно, руководил работами и на Нередице. Эта логичная и стройная гипотеза имеет лишь одно слабое место: церковь Кирилла, творение Корова Яковича, разрушена в годы Великой Отечественной войны и никогда в натуре не исследовалась, план ее известен по весьма схематичным обмерам 1930-х годов. Проверить эту гипотезу могло бы археологическое изучение Кириллова монастыря.

Другой известный ученый, академик В.Л. Янин, выдвинул не менее увлекательное предположение об авторстве знаменитых нередицких фресок. На основе сложных, но изящных теоретических построений он пришел к выводу, что руководителем живописной артели или главным художником мог быть Олисей Петрович Гречин, неоднократно упоминаемый в летописях и берестяных грамотах. Это очень интересная, удивительная, яркая личность в истории Новгорода – священник, живописец, высокое должностное лицо, широко образованный человек, в конце жизни, вероятно, игумен крупнейшего новгородского монастыря (Юрьева). Усадьба Олисея обнаружена и исследована на Троицком раскопе в 1970-1980-х годах[10].

Таким образом в настоящее время, несмотря на скупую информацию источников, мы знаем причину и обстоятельства сооружения Нередицкой церкви, имена заказчика (князя) и, с большой долей вероятности, руководителей строительной и живописной артелей – факт редчайший в истории древнерусского искусства.

В результате двух реставраций (начала XX века и 1950-х годов) зданию в значительной степени возвращен первоначальный облик. То, что по какой-то причине не сделали реставраторы, мы можем представить в графическом варианте. Глава в древности была не луковичной, а посводной. Материал кровель точно не установлен, скорее всего это был свинец. Фасады завершались карнизом из одного ряда «зубцов». При археологических раскопках 1986 года (В.А. Булкин, Г.М. Штендер) обнаружены следы древнего притвора, который примыкал к среднему пряслу западного фасада и имел размеры 5,15х3,8 м. Притворы – не редкость в домонгольском зодчестве, примерно половина храмов имели первоначальные пристройки с запада, но до недавних раскопок о существовании нередицкого притвора XII

Реконструкция автора на сер. XVI в.
Чертеж И. Ракитянской

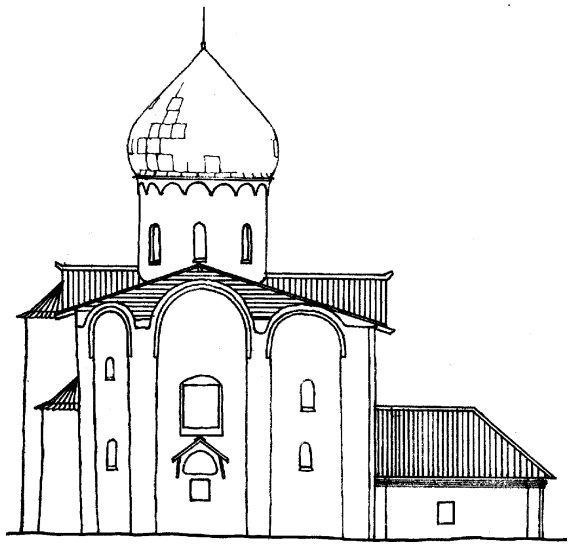
века не подозревали[11]. Основная функ-ция притворов – служить входным тамбуром, «сенями». Но нередко они использовались и для захоронений. Были захоронения и в притворе Нередицы, но их точная датировка и атрибуция затруднительны.

В целом архитектура памятника весьма характерна для новгородского зодчества последней трети XII – начала XIII веков, она четко следует сложившемуся строительному канону. Но эта характерность по-своему ценна и интересна: на примере Нередицкого храма мы можем представить, как выглядели другие памятники этого периода, которые дошли до нас в сильно перестроенном виде (церкви Благовещения на Мячине, Петра и Павла на Сильнище) или же вообще не сохранились, а известен лишь их план (церкви Кирилла, Пантелеймона и другие). Традиционно и решение интерьера: четыре квадратных в сечении столпа, в западной части – угловые каморы второго яруса и связывающие их хоры на деревянном накатнике, внутристенная лестница на хоры. В юго-западной каморе в стене имеется алтарная ниша и здесь, видимо, с самого начала был освящен придел (название его известно с XVI века – в честь Никиты Переславского чудотворца, по другим источникам – Никиты Халкидонского). Необычны лишь три элемента интерьера: шесть больших ниш-аркосолиев, симметрично расположенных в нижней части стен, широкие арки прохода из хор в угловые каморы вместо обычных узких проемов и пол из цветных керамических плиток. Первые две особенности уникальны для Новгорода XII века и заданы, вероятно, заказчиком. Нарядные разноцветные полы встречаются в новгородских памятниках, хотя и не часто (церкви Благовещения на Городище 1103 года, Спаса в Старой Руссе, полы XII века в Софийском соборе). На Нередице найдены плитки зеленого, желтого, белого цветов, но их недостаточно для определения характера рисунка пола.

При Нередицком храме издавна существовал монастырь. Как мы видели, самая ранняя и достоверная Новгородская Первая летопись о монастыре не упоминает. Об основании обители в 1198 году сообщают лишь летописи XV-XVII веков. Однако в данном случае эти поздние источники, вероятно, более надежны. Многие, в основном косвенные, аргументы свидетельствуют, что Нередицкий монастырь основан одновременно с возведением (или освящением) главного храма; и, возможно, главный среди этих аргументов – отчетливая монастырская тема в росписи интерьера (изображения преподобных – основателей и учителей монашества)[12].

В.М. Ковалева замечает в своей статье, что «Нередицкий монастырь не пользовался особым покровительством боярской элиты». Он и не мог им пользоваться, поскольку был не рядовым монастырем, а княжеским, имел особый статус. В пользу этого говорят и обстоятельства его создания, и местоположение (рядом с Городищем – княжеской резиденцией), и, главное, немногочисленные, но показательные факты погребения здесь князей, если они умирали в Новгороде. В 1322 году в Нередицкой обители принял постриг перед смертью и захоронен князь Афанасий Данилович, брат великого князя Юрия Даниловича и внук Александра Невского. В 1552 году здесь состоялась чрезвычайно торжественная церемония погребения пятилетнего сына новгородского наместника князя Курлятева с участием архиепископа и игуменов крупнейших монастырей[13]. Последний пример показывает, что Спасо-Преображенская обитель сохранила свой особый статус и после присоединения Новгорода к Москве. Впрочем, сказать что-либо определенное о понятии «княжеский монастырь» мы не можем, поскольку «монастырская тема» в науке практически не разработана. В.М. Ковалева замечает, что обитель на Нередице никогда не была богатой и не располагала значительными земельными угодьями. С этим можно согласиться с некоторыми оговорками. По писцовым книгам конца XV века монастырь имел более 90 обеж земли, а это совсем немало. Для иллюстрации можно указать, что из 118 монастырей с подсчитанным количеством угодий лишь 22 имели земли больше, чем Нередицкий[14]. По данному показателю это был монастырь скорее средний, чем бедный.

В течение веков церковь Спаса неоднократно перестраивалась, хотя эти перестройки не носили радикального

Реконструкция автора на конец XVIII века.
Чертеж И. Ракитянской

характера с разборкой и переделкой целых объемов; чаще всего изменяли свой облик завершение храма и западные пристройки. Очень интересно проследить основные вехи строительной истории памятника. Уже после пожара 1386 года свинцовые кровли заменены, вероятно, деревянными из лемеха. В 1467 году монастырь получил богатый вклад «на кровлю дому святого Спаса», что подразумевает крупный ремонт. Вероятно, именно в это время увеличен в размерах западный притвор. Еще более значительные перестройки последовали в середине XVI века, после пожара 1543 года. Их характер можно представить в следующем виде: древнее позакомарное завершение переделано на «палаточное», тесовое, более дешевое и простое (как у церкви Жен Мироносиц на Ярославовом дворище); изменена форма главы, – она стала луковичной; несколько повышены стены апсид и над ними устроено коническое покрытие вместо прежнего посводного; в центре южного и северного фасадов пробиты большие окна, некоторые древние окна заложены. Кроме того, к юго-западному углу храма пристроен небольшой объем наружного придела (4,5х4м), куда пе-

Церковь Спаса на Нередице. Фото (до 1886 г.)

ренесен престол из каморы на хорах. Этот придел, видимо, соединялся стеной с притвором XV века, то есть образовался целый комплекс помещений – притвор-тамбур, придел и промежуточная камора («сени» или кладовая). Надо полагать, придел был архитектурно выделен – он был выше соседних объемов и увенчан главкой (глава на приделе упоминается в документах XVIII века). Возможно, над западными пристройками была поставлена небольшая звонница: такие информированные авторы как Амвросий и Макарий сообщают, что до появления в монастыре деревянной колокольни в начале XVIII века была каменная «над приделом Никиты Столпника»[15]. После этого крупные перестройки храма очень долгое время не производились.

Незадолго до строительных мероприятий середины XVI века в Нередицком монастыре появляется еще одна культовая постройка – деревянная церковь Троицы с трапезной. Подобный тип зданий получил распространение после введения архиепископом Макарием общежительного устава в новгородских монастырях в 1528 году. К середине XVI века почти все обители обзавелись каменными или деревянными трапезными с храмами. Нередицкая трапезная впервые упоминается в 1543 году в связи с пожаром, следовательно, построена она была чуть раньше, в 1530-х годах. Трапезная не сохранилась и нет никаких данных о ее облике. Однако, учитывая общую типологию здания и консерватизм монастырского строительства, можно полагать, что она была похожа на перевезенные ныне в «Витославлицы» церкви из деревни Никулино (1599 г.) и из Реконской пустыни (1670-е гг.).

Церковь Троицы упоминается в документах 1617 и 1624 годов, но в начале XVIII века в обители значится уже трапезная с церковью Введения и колокольней; вероятно, старая постройка сгорела, а новая освящена под другим именем.

Поздняя история Нередицкого монастыря (XVII-XVIII вв.) типична для средних и малых новгородских обителей: после погрома Новгорода Иваном Грозным (1570 г.) и «шведского разорения» (1611-1617 гг.) большинство их постепенно приходит в упадок, а при Екатерине II окончательно исчезает (упраздняется или приписывается к более сильным монастырям). Хотя опричный и шведский погромы, кажется, непосредственно не затронули Спасский монастырь, в XVII-XVIII веках он неуклонно беднеет, что показывает, например, сокращение численности монашествующих: если в конце XVI века здесь было десять братьев, то в 1711 году – пять, в 1716 году – три, в 1730-х годах – два, в 1741 году – лишь игумен и один старец[16]. Соответственно уменьшалось и число действующих престолов – к 1741 году в приделе Никиты и в церкви Введения служба уже не велась. За первую четверть XVIII века мы имеем целый комплекс документов, довольно полно представляющих состояние обители[17]. В это время и позднее в монастыре находились следующие постройки: единственное каменное здание – церковь Спаса с приделом; церковь Введения с трапезной и колокольней (в 1710-х годах эта колокольня разобрана и поставлена новая, отдельно стоящая); две игуменских кельи в одной связи; кельи для иеромонаха и казначея; «хлебенная келья» с кладовыми и крытым переходом к трапезной; поварня; хозяйственные и складские строения – ледник, житницы, рига, гумно, сараи; ограда, рубленая «в тарасы», с двумя воротами, длиной 243 сажени; за монастырем – скотный двор и ветряная мельница.

В 1722 году Нередицкий монастырь приписан к Юрьеву, а в 1764 году упразднен. Главный храм обращен в приходский, а остальные постройки «за крайнею ветхостию согнитием и развалением убираются в Юрьев монастырь... за негодностию к починки для употребления на дрова»[18].

Вскоре после упразднения древней обители в самом конце XVIII века церковь Спаса подверглась значительной переделке. Все разновременные пристройки разобраны, и вместо них сооружена обширная паперть, состоящая внутри из двух помещений: северное, как и прежде, служило тамбуром (собственно папертью), южное – приделом (по традиции после ликвидации трапезной церкви придел переименован в честь Введения Богоматери, напоминая о прежнем престоле). Боковые порталы частично заложены (переделаны в окна). Есть сведения, что кровля храма стала восьмискатной (то есть каждый фасад завершен фронтоном), хотя подобная конструкция весьма неудобна при за-

Церковь в процессе реставрации. 1903 г.

Церковь после реставрации 1903-1904 гг.

комарном завершении. Тогда же в нескольких метрах к западу от храма поставлена была каменная трехъярусная колокольня типа «восьмерик на четверике» с шатровым верхом. Ее архитектура проста, но примечательна. Отличительные особенности постройки – два яруса звона, почти полное отсутствие декора и очень узкие, без арочных проемов, северная и южная грани восьмерика (таким образом, верхние ярусы – практически шестигранник). Архитектурный образ колокольни очень близок традициям деревянного зодчества, и она, несомненно, повторяет формы своей предшественницы.

В течение XIX века несколько раз проводились локальные перестройки. В 1839 году устроена четырехскатная тесовая кровля, которая до неузнаваемости исказила облик храма, сделала его приземистым, непропорциональным, к тому же закрыла окна барабана и ухудшила освещение интерьера (таким образом, на Нередице опробованы четыре типа кровель – почти все известные в Новгороде конструкции). Мало того – на фасадах заложено еще несколько старых окон. В таком виде памятник дошел до начала XX столетия, когда началась новая глава в его судьбе. Если до этого времени ремонты и перестройки все более искажали его первоначальный образ, то теперь начинается новый процесс – возвращение зданию его древнего, исконного облика.

В 1892 году поднят вопрос об очередном ремонте церкви. В это время подобные решения обязательно согласовывались с Императорской Археологической комиссией (ИАК), которая занималась охраной и реставрацией древних зданий. Последняя поручила обследовать храм известному архитектору академику В.В. Суслову (в эти годы он как раз занимался реставрацией Софийского собора в Новгороде). В 1898 году Суслов провел предварительные натурные исследования, определил характер первоначальной архитектуры, нашел следы древних окон, порталов, пола, завершения фасадов. Он предложил реставрировать памятник, раскрыть все обнаруженные древние формы, в том числе и позакомарное завершение. Однако вскоре автор исследований рекомендовал сократить перечень работ. Несколько лет искали необходимые средства, а когда все было готово, В.В. Суслов по нескольким причинам отказался от руководства. Поручили его художнику-архитектору ИАК П.П. Покрышкину, который, основываясь на материалах Суслова, провел тщательное всестороннее исследование памятника, выполнил обмеры и проект и приступил к строительным работам (1903 год). В следующем сезоне реставрация была закончена, 20 сентября 1904 года сняли леса, и храм предстал в новом облике, совершенно необычном для современников. Покрышкин почти полностью реставрировал здание на первоначальную дату: им раскрыты все древние окна и залицованы поздние, сняты надкладки закомар и восстановлено посводное покрытие, укреплены фундаменты, своды, арки, стены с обветшавшей кладкой перелицованы кирпичом на цементном растворе, в завершении фасадов воссоздан нарядный карниз из двух рядов «зубцов», фасады тщательно оштукатурены цементным раствором, поздняя паперть из-за ненадежных фундаментов разобрана, колокольня отремонтирована. Поздняя форма главы оставлена без изменений. Из-за нехватки средств некоторые работы остались невыполненными (понижение уровня пола до древнего, срезка грунта вокруг церкви)[19].

Реставрация Нередицы стала крупным событием в культурной жизни России. Это была одна из первых научных реставраций в стране и, пожалуй, первая столь полная, радикальная реставрация. В печати появились многочисленные отклики и заметки, не только восторженные, но и критические. Среди критиков преобладали художники (Н.К. Рерих, И.Э. Грабарь), которые сожалели, главным образом, об утрате привычного, несколько неуклюжего, но милого, чисто «новгородского» образа храма. Оценки основывались в основном на эмоциях. В целом же работа П.П. Покрышкина как в дореволюционной, так и в советской литературе квалифицируется весьма высоко. Вот лишь два авторитетных мнения современных ученых: «Сейчас эта реставрация оценивается как почти безукоризненная для своего времени...»; «По тщательности исследования памятника, его фиксации, выполнения строительных работ эта реставрация не имела прецедентов»[20]. Однако не обошлось и без крупных просчетов. Главной ошибкой является широкое применение цемента. Это можно объяснить только тем, что очень попу-

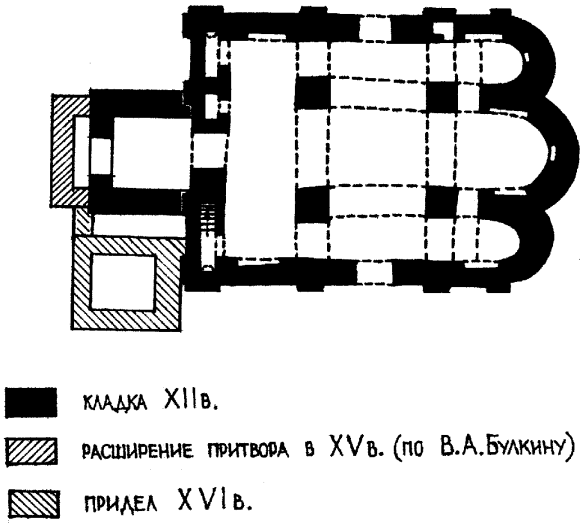
Руины ц. Спаса на Нередице. Фото 1948 г.

лярный и модный в начале XX века строительный материал еще не был достаточно изучен, и его отрицательные свойства не были известны. Второй недостаток – большие перелицовки стен новым материалом, а также воссоздание богатого карниза без достаточного обоснования. Наконец, в упрек реставратору ставится уничтожение паперти. К чести Покрышкина важно отметить, что он позднее исправил большую часть ошибок.

Реставрация П.П. Покрышкина имела огромное значение, в первую очередь, конечно, для становления и развития реставрационной науки и для изучения древнерусского искусства. Но она также способствовала популяризации русской культуры и роли Новгорода в ней, привлечению внимания к проблемам охраны памятников. С начала XX века функция памятника постепенно меняется, он все реже служит культовым зданием и все чаще – центром паломничества гимназистов, студентов, любителей старины из многих городов[21]. В 1916 году новгородский архиепископ Арсений, ссылаясь как раз на редкое проведение богослужений и сырость в храме, приказал перенести древние иконы и замечательные царские врата в кремлевское древлехранилище[22].

Широкое применение цемента через некоторое время дало о себе знать. Стены перестали «дышать», нарушился температурно-влажностный режим в интерьере, стало ухудшаться состояние фресок. В феврале 1919 года в Новгороде работала комиссия по осмотру икон и живописи в храмах под руководством П.П. Покрышкина. Видимо, именно участие в работе этой комиссии побудило его выступить инициатором нового ремонта, цель которого – снять цементную штукатурку. Несмотря на сложную ситуацию (разгар гражданской войны) работы проведены были оперативно и качественно; руководила ими архитектор археологического отдела Наркомпроса Н.С. Анерт.

Ремонт начался в сентябре 1919 года, продолжен и закончен в следующем сезоне. Снять цементную штукатурку было не очень сложно, но что делать с большими кирпичными залицовками на цементном растворе? Если их удалять, они увлекут за собой часть древней кладки, от вибрации могут разрушиться фрески. Было решено залицовки не трогать, а ограничиться прочисткой швов от цемента специальными зубилами и щетками. В новой обмазке (штукатурке) применен известковый раствор, и выполнена она не идеально ровно, как в 1904 году, а более пластично и естественно. Одновременно был срублен богатый «византийский карниз» из зубцов. Работы сопровождались дополнительными обмерами, графической и фотофиксацией[23]. В целом ремонт 1919-1920 годов можно считать логическим продолжением или вторым этапом реставрации начала века, когда исправлены допущенные ранее ошибки.

План церкви с показом разновременных пристроек XII-XVI вв.

В августе 1941 года, сразу после отступления наших войск из города, начался методичный обстрел церкви немецкой артиллерией, и вскоре замечательный памятник был превращен в руины. После изгнания оккупантов выяснилось, что уцелело примерно 40-50 процентов кладки и 15 процентов фресок на стенах.

Уже в летний сезон 1944 года под руководством М.К. Каргера проведены частичные раскопки руин и укрепление фресок в доступных местах. В 1945 году над руинами поставлен временный защитный навес. В 1946-1947 годах архитектор-реставратор Л.М. Шуляк руководила работами по раскопке завалов, которые сопровождались обмерами, отбором фрагментов живописи, временным укреплением кладки и фресковых композиций[24]. Велись жаркие споры о дальнейшей судьбе памятника, методах сохранения уцелевших фресок и кладки. Существовало два основных пути решения проблемы: консервация руин или восстановление церкви на довоенное время. Учитывая, что имелись обмеры П.П. Покрышкина, а некоторые участки стен сохранились на полную высоту, было решено восстановить облик здания, который он имел до разрушения; принималось во внимание и то, что силуэт Нередицы является неотъемлемой частью архитектурного пейзажа Новгорода и окрестностей. На основе чертежей Покрышкина архитектором С.Н. Давыдовым (первым директором Новгородской реставрационной мастерской) был составлен проект реставрации памятника, и в 1949 году начались строительные работы (под руководством архитектора В.Н. Захаровой). Но уже в следующем году они были приостановлены, что связано, видимо, с отъездом С.Н. Давыдова и сменой руководства в мастерской. В 1956 году доработка и осуществление проекта были доверены молодому реставратору Г.М. Штендеру, который прекрасно справился с этой задачей. В процессе дополнительных исследований сделаны интересные наблюдения, касающиеся древней строительной техники, уточнены некоторые моменты, не замеченные или не понятые ранее. Качественные чертежи Покрышкина позволили в точности воспроизвести все неровности кладки стен, сводов, арок, барабана. Карниз из «зубцов» не реставрирован, поскольку новых данных на этот предмет не обнаружено. Стены снаружи обмазаны известково-цемяночным раствором «под бутылку» (этот метод придает поверхности стен присущую древним зданиям пластичность). Для сохранения целостности художественного облика Г.М. Штендер принял решение покрыть обмазкой и подлинные части, и дополнения, без выделения границы между ними (сигнации), в то же время в интерьере подлинная кладка оставлена открытой[25]. Колокольня, также превращенная немцами в руины, не восстанавливалась.

Реставрация Г.М. Штендера (также, как и ранее П.П. Покрышкина) имела очень большое значение, явилась очень важной, этапной. Ныне она считается одной из лучших, «классической» для сильно разрушенных памятников[26].

Возрожденная Нередица несколько десятилетий жила сравнительно благополучно. Но с течением времени многие конструкции и элементы (кровля, заполнения проемов, обмазка и прочие) стали приходить в ветхость. С другой стороны, при исследовании данной церкви и других аналогичных построек получены новые материалы для реставрации; установлено, например, что почти все храмы XII века имели карниз из одного ряда «зубцов». Поэтому под руководством Г.М. Штендера в 1986-1987 годах подготовлен новый эскизный проект реставрации. Цель будущей реставрации – обеспечить максимальную сохранность памятника и приблизить его архитектуру к первоначальному облику в свете последних исследований. Проектом предусматривается опустить пол до уровня древнего, сделать срезку грунта вокруг церкви, реставрировать карниз, заменить кровлю и оконницы, оборудовать электроотопление. Почти одновременно составлена и утверждена комплексная программа реставрации и использования храма, которая предполагает проведение всех мероприятий в тесной связи и четкой последовательности на основе дополнительных исследований с использованием новейших методов. Кое-что успели сделать, но грянул рынок, финансирование стало постепенно сокращаться и внезапно прекратилось вовсе. Главные работы, в частности укрепление фресок, остались невыполненными. Несколько лет средства не отпускались, между тем состояние памятника резко ухудшалось. Наконец в прошлом году дело сдвинулось с мертвой точки – проведено укрепление росписи под руководством художника-реставратора высшей категории Т.А.Ромашкевич, заменены полностью обветшавшие оконницы. Появилась надежда, что, Бог даст, в ближайшие годы хотя бы главные мероприятия, предусмотренные проектом и программой, будут реализованы, и приведенный в порядок знаменитый храм гостеприимно раскроет свои двери для всех неравнодушных людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л., 1950. С.44.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Этого мнения придерживаются такие авторитетные ученые как М.Ф. Мурьянов, Л.И. Лифшиц, В.В. Седов, Н.В. Пивоварова и др.
[5] Пивоварова Н.В. Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: иконографическая программа росписи. Автореферат дисс. канд. искусствоведения. СПб., 1999. С.22, 24, 28.
[6] Там же. С.10-13.
[7] Раппопорт П.А. Строительное производство древней Руси X-XIII вв. СПб., 1994. С.115.
[8] Булкин В.А. Архитектурно-строительная ситуация в Новгороде конца XII – нач. XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987.
[9] НПЛ. С.235.
[10] Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С.136-167.
[11] Булкин В.А. Два эпизода из истории новгородского зодчества XII века // Памятники средневековой архитектуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С.54-56; Булкин В.А. Притвор Нередицкой церкви // Программа «Храм». Вып. 8. Храм и культура. Чтения памяти Н.Е. Бранденбурга. СПб., 1995. С.181-185.
[12] Пивоварова Н.В. Фрески... С.22, 28.
[13] Новгородские летописи. СПб., 1879. С.83.
[14] Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С.205-213.
[15] Амвросий, архим. История Российской иерархии. Ч.V. М., 1813. С.154; Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М.,1860. С.498.
[16] Подробнее см.: Ядрышников В.А. Церковь Спаса на Нередице и Нередицкий монастырь: история, архитектура, реставрация // Новгородский исторический сборник. Вып. 8(18). СПб., 2000.
[17] См.:«Новгородскоий исторический сборник». Вып. 8(18).
[18] Никольский А.И. Заметки о прошлом упраздненных монастырей Новгородской епархии // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 1. Новгород, 1908. С.44.
[19] Покрышкин П.П. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 годах // Материалы по археологии России, издаваемые Императорскою Археологическою комиссиею. Вып. 30. СПб., 1906.
[20] Подъяпольский С.С. и др. Реставрация памятников архитектуры. М., 1988. С.38; Современный облик памятников прошлого / Под ред. А.С. Щенкова. М., 1983. С.84.
[21] НГМ ОПИ. №11951 («Тетрадь для записи посетителей древней Спасо-Нередицкой церкви, 1910-1915 гг.»).
[22] Архив ИИМК. Ф.1. Д.34.
[23] Порфиридов Н.Г. Письмо из Новгорода // «Дела и дни». Кн. 1. Пг., 1920. С.358-360; Сычев Н. [Вступительная статья] // Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925. С.7-8.
[24] Шуляк Л.М. Раскопки руин церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода // / Практика реставрационных работ. Сборник 1. М., 1950.
[25] Штендер Г.М. Восстановление Нередицы // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1962.
[26] См., например: Булкин В.А. Нередица // София [Журнал Новгородской епархии], 1998. №3. С.13-14.

фото В. Ищенко

***Ц**ерковь св. Александра Невского открылась после успешной прошлогодней реставрации в чудесное зимнее утро 19 декабря 1999 года. Благовест созвал к маленькому свершившемуся чуду людей со всего города.*

Небольшие колокола, пока еще временные, возвещали о воскресении Храма из небытия. Жестокая история не пощадила красоту, созданную зодчими, но она же, восстав против вандализма и забвения, вернула людей к первозданной прелести.

И храм вновь стоит, зовет к себе всех, кому дороги История Отечества, Вера и поклонение Земле предков.

Т. Сигалова

Людмила СЕКРЕТАРЬ

СУДЬБА ВОЗВРАЩЕННОГО ХРАМА

Сохранившаяся церковь св. Александра Невского (Григоровское шоссе, д. 56) входит в большой комплекс построек бывшей земской учительской семинарии. Она предназначалась первоначально для учащихся, учителей, служащих этого учебного заведения. В 1891 году на приобретенном новгородским земством участке земли в сельце Яковлеве (Григорово) была открыта сельскохозяйственная школа, для которой построены учебный корпус, жилые дома, хозяйственные службы, здания производственного назначения: молочная ферма, сыроварня, метеорологическая станция и т.д.[1]

В 1901 году новгородское земство учредило учительскую семинарию, которую решено было разместить рядом с сельскохозяйственной школой[2]. За короткий срок были построены: деревянный учебный корпус, дома для директора и преподавателей, каменный спальный корпус (дортуар), столовая, баня, ледник, образцовая школа, сиротский приют. От комплекса деревянных, кирпичных, песчанобитных, глинобитных построек сохранилась лишь часть. Среди них – возведенная в 1913-1915 годах церковь Александра Невского.

26 марта 1913 года губернское земское собрание на 20-м экстренном заседании приняло решение о сооружении семинарского храма в память 300-летия царствования Дома Романовых[3]. Тогда же избрали специальную комиссию для решения всех вопросов, связанных с его строительством. В состав ее вошли: князь П. П. Голицын – предводитель новгородского дворянства, председатель губернского по земским и городским делам присутствия, А. А. Лутовинов – гласный губернского земского собрания, И. В. Аничков – член новгородского окружного суда, гласный губернского земского собрания, член новгородского общества любителей древности, А. Н. Спицын – председатель уездной земской управы, гласный губернского земского собрания, С. Н. Кульжинский – гласный губернского земского собрания[4].

Разработкой эскизного проекта церкви по просьбе губернской земской управы на конкурсной основе занимались известный исследователь древнерусской архитектуры, сотрудник Института истории материальной культуры в Петербурге Константин Константинович Романов и новгородский земский инженер Ричард Робертович Эргле. Романов представил на рассмотрение два варианта эскизного проекта, Эргле – один.

При рассмотрении был утвержден один из вариантов проекта К. К. Романова, в котором храм объединен пристройкой со звонницей. Во втором варианте вместо звонницы предполагалась колокольня[5].

Вслед за эскизным Романов разработал детальный проект церкви.

На совещании губернской земской управы 13 марта 1914 года, куда были приглашены новгородские инженеры Р. Р. Эргле, В. Н. Кржишталович, В. С. Ефремов, П. Н. Коковин, выявились определенные сложности в осуществлении проекта Романова. Из-за большей, чем в эскизном проекте, высоты стен (основного объема – 8,83, алтаря – 4,20, звонницы – 5,75 саженей) стоимость работ не укладывалась в определенную ранее эскизным проектом сумму в 16000 рублей. Кроме того, затруднения вызвало устройство системы отопления. Для установки калорифера в подвальном помещении потребовалось углубление фундаментов. Но самым сложным и дорогостоящим оказалось сооружение ступенчатых сводов, предполагаемых по проекту Романова в основном объеме церкви[6]. В связи с этим решено было, на основе проекта Романова и в соответствии с предложенным им плановым решением, составить новые варианты, отказавшись от сводчатых перекрытий. По-видимому, к этому времени был заложен фундамент церкви, и план ее изменить было уже нельзя. Управа предложила участникам конкурса ориентироваться на такие известные образцы новгородского зодчества, как церкви Власия, Иоанна Богослова и другие.

На окончательном рассмотрении в губернской управе было представлено пять вариантов проектов. Среди них два, Романова и Эргле, были разработаны ранее, а еще три

предложены вновь. Все пять вариантов, в числе которых и первоначальный, составленный Романовым, сохранились в ОПИ НГОМЗ – в личном архиве И. В. Аничкова[7].

Проект Романова под №5 представляется наиболее интересным и оригинальным. Архитектура решена в неорусском стиле. При этом нет слепого копирования образцов древней архитектуры, есть создание нового художественного образа, навеянного высоким искусством Новгорода и Пскова республиканского периода, но осмысленного и увиденного через призму нового времени.

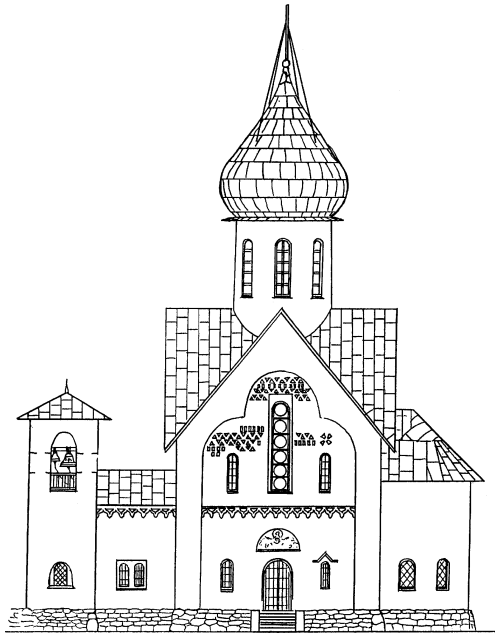
Романов прекрасно знал и любил древнерусскую архитектуру. Особенно много он занимался зодчеством древнего Пскова. В Новгороде он также бывал довольно часто и состоял членом Новгородского общества любителей древности.

Псковские памятники послужили образцом для стенообразной звонницы и ступенчатых сводов в интерьере проектируемого храма.

Объемно-пространственная композиция его строится на соединении основного прямоугольного в плане объема, пониженной западной паперти и двухпролетной звонницы. Фасады основного объема завершены трехлопастной аркой, красиво вписанной в поле остроугольного щипца. В средней части проходит горизонтальный фриз из арочек с килевидным подвышением, который сливается с аналогичным карнизом паперти. В верхнем ярусе помещена композиция из трех окон. Центральное большое окно имеет сложную орнаментальную расстекловку. Поле щипца украшено рядами бегунца и поребрика. Над входом в нише – живописная композиция.

Асимметрия в расположении орнамента, разная величина окон первого яруса и выделение одного из них декоративной бровкой, живописная расстекловка в виде кругов центрального окна воспринимаются и как признак древней архитектуры с ее стремлением к живописи и асимметрии, и как дань стилю модерн.

Отвергнутый при первоначальном рассмотрении проект Эргле (под №4) в сравнении с проектом Романова представляется заурядным и невыразительным. Архитектура здания решена в духе эклектики. Основной объем церкви перекрыт вальмовой кровлей и завершен небольшим глухим деревянным барабаном с луковичной главкой. Декоративное оформление фасадов стилизовано в формах русской архитектуры XVII века. Сдвоенные окна обрамлены полуколонками с балясинами, стянутыми аркой с килевидным подвышением. Широкая декоративная полоса отделяет ложные закомары в верхней части фасадов. Небольшая однопролетная звонница поставлена на западной стене притвора. В храм ведут два крыльца на столбах-кубышках с перекинутой на них двойной аркой. Высота стен основного объема 3,5 сажени, алтаря – 2,2 сажени, колокольни – 4,0 сажени.

Эскизный проект ц. св. Александра Невского. Автор – К.К. Романов, 1913 г. Копия О.Н. Коваленко

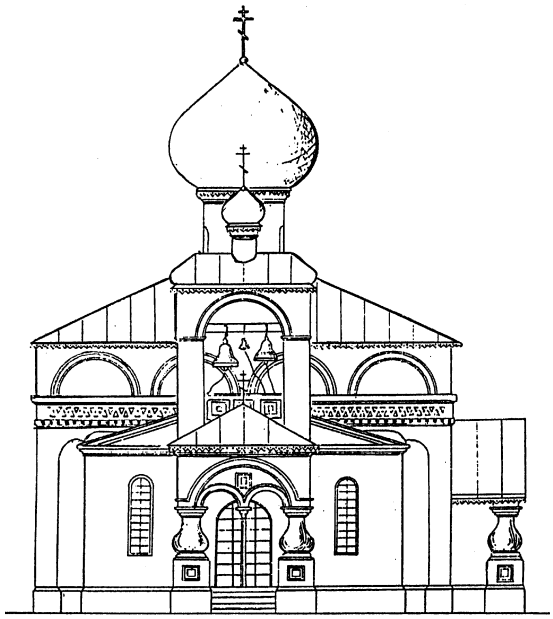
Приземистость пропорций, массивность, тяжеловесность отдельных архитектурных форм, механическое копирование элементов русской архитектуры XVII века – все это снижает художественный уровень постройки и позволяет отнести этот проект к числу многочисленных ординарных произведений русского стиля.

В архиве И. В. Аничкова хранится письмо, адресованное Михаилу Алексеевичу Прокофьеву, в котором неизвестный автор пишет: «План Эргле в общих чертах, в смысле исполнения с художественной стороны, страдает отсутствием стильности, необходимой при постройке здания...»[8].

Еще два варианта проекта (под №1 и №3) вновь разработаны Эргле. В них сохранена объемно-пространственная композиция, предложенная Романовым – со стенообразной звонницей. При этом значительно понижена высота стен основного объема (вместо 8,83 сажени – 5,6 сажени), в то время как высота стен звонницы уменьшена с 5,75 сажени до 4,6 сажени. Архитектурное оформление фасадов притвора и звонницы оставлено без изменения в сравнении с проектом Романова. Изменена фасадная декорация основного объема. Образцом для нее послужили памятники новгородского зодчества XIV – XV веков. Фасады расчленены лопатками на три прясла. В верхней части лопатки соединены многолопастной аркой. Здание имеет восьмискатное завершение. Скаты щипцов гораздо более пологие в сравнении с проектом Романова. Новые варианты Эргле отличались характером потолочного перекрытия. Вариант №1 предусматривал плоское бетонное перекрытие по металлическим балкам с глухой главой, вариант №3 – плоское бетонное перекрытие с открытой главой. Барабан предполагалось выполнить из бетона.

До утверждения проекта преподаватель истории Григоровской учительской семинарии А. И. Анисимов написал И. В. Аничкову: «Отстаивайте, пожалуйста, фасад плана №1, но требуйте своды. Потребуйте также старого иконостаса из Курицкой церкви, напомните Прокофьеву его обещание князю Голицыну достать этот иконостас и его переговоры с Юкиным по поводу освидетельствования годности того иконостаса»[9]. Документ любопытен, во-первых, тем, что показывает несомненный интерес исследователя древнерусского искусства, в будущем одного из организаторов реставрационного дела в России – Анисимова. Во-вторых – возможно, в этом храме был установлен древний иконостас из деревянной церкви в селе Курицко близ Новгорода, которая первой в 1960-е годы была перевезена в музей «Витославлицы».

Еще один вариант (под №2) представил к рассмотрению директор школы огнестойкого строительства В. Н. Кржиш-

Эскизный проект ц. св. Александра Невского в Григорове. Автор – Р.Р. Эргле, 1913 г. Копия О.Н. Коваленко

талович. На чертеже показаны разрезы здания. Архитектурная разработка фасадной декорации остается неизвестной. Новшеством представляется трехглавое завершение звонницы. Проект предусматривал плоское бетонное перекрытие основного объема с глухой деревянной главкой. Высота стен основного объема предполагалась 5,3 сажени, алтаря – 2,7 сажени, звонницы – 5,3 сажени. Таким образом, в данном варианте была выровнена высота стен (до кровли) основного объема и звонницы.

В итоге окончательного рассмотрения всех пяти вариантов предпочтение было отдано вариантам под №1 Эргле и под №2 Кржишталовича[10].

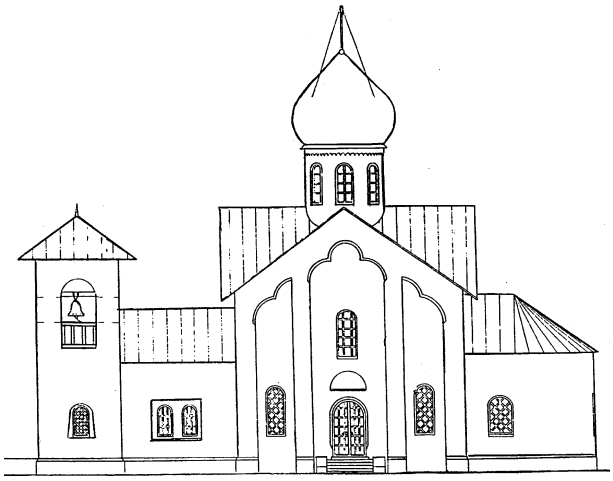
В натуре исполнили вариант проекта №1 Эргле. От первоначального проекта Романова сохранено: плановое решение здания, архитектурное оформление притвора и звонницы.

В 1915 году основные строительные работы были завершены. 4 августа состоялось торжественное поднятие колоколов[11]. В январе 1916 года вновь выстроенный храм осмотрели гласные губернского земского собрания. Они отметили не только хорошее качество строительных работ в храме, но и хорошее состояние учительской семинарии. За труды директору семинарии Д. П. Соболеву была объявлена благодарность и присвоен чин действительного статского советника[12].

В советское время после закрытия семинарии церковь перестроили: разобрали главку, северный и южный щипцы, на месте восьмискатного устроили двухскатное покрытие.

По инициативе местных жителей при благословении новгородского архиепископа Льва в 1999 году в памятнике был осуществлен комплекс реставрационных работ. Проект реставрации разработали архитекторы В. А. Дружинин, Г. М. Кулакова, О. Н. Коваленко, проект инженерного укрепления – Л. Н. Храпко, Л. Г. Маркова, А. А. Шведчикова.

Авторы проекта реставрации долгие годы работали в Новгородской реставрационной мастерской под руководством опытных архитекторов Г.М. Штендера, Л.Е. Красноречьева, Н.Н. Кузьминой. Они участвовали в реставрации таких памятников архитектуры как собор Рождества Богородицы в Антониевом монастыре XII века, Никольский собор на Ярославовом дворище XII века, церковь св. Троицы Клопского монастыря XVI века и других. После упразднения проектно-реставрационной мастерской многие специалисты вынуждены были заняться делами, далекими от избранной ими профессии. И только небольшая группа архитекторов продолжает трудиться в составе комитета по охране и использованию памятников истории и культуры. Благодаря их работе еще один православный храм стал центром духовного возрождения Новгорода.

Проект ц. св. Александра Невского, утвержденный в 1915 г. Автор – Р.Р. Эргле. Копия О.Н. Коваленко

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Как думают крестьяне о своей сельскохозяйственной нужде? // Волховский листок. №38. 1903; Сборник постановлений земских собраний Новгородской губернии за 1890 год. Новгород. 1891. С.98.

[2] Новгородская учительская семинария. // Новгородские епархиальные ведомости. №19. 1901. С. 1171-1172.

[3] ОНИ НГМ.Ф.16. Оп.1. Д.51. Л.1.

[4] Там же. Л.2; Памятная книжка Новгородской губернии на 1913 год. Новгород. 1913. С.1, 4, 5, 7-10.

[5] ОПИНГМ.Ф.16. Оп.1. Д.51. Л.2об.

[6] Там же. Л.3 об. – 4.

[7] Там же. Д.52.

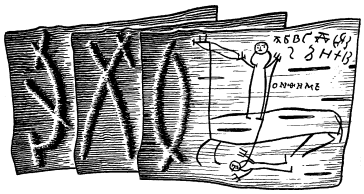
[8] Там же. Д.51. Л.4. Подпись в письме неразборчива: первая буква имени «И» и первая буква фамилии, которую можно определить как «Л» или «А». По почерку скорее всего это И. В. Аничков.

[9] Там же. Л. 3.

[10] Там же. Л.4об.

[11] Там же. Л.16.

[12] Стенографический отчет 51-го очередного Новгородского губернского земского собрания с 11-го по 18-ое января 1916 г. Новгород. 1916. С.90-91.

Геннадий КОВАЛЕНКО

РЮРИК — ЛЕГЕНДА И СИМВОЛ

Центральной фигурой памятника «Тысячелетие России», открытого в центре Новгородского кремля в 1862 году, является Рюрик. Он опирается на щит с датой основания Древнерусского государства: «лета ѦТО» — 6370 (862). За начальную точку отсчета в истории российской государственности был принят 862 год, когда, согласно летописному преданию, варяжский князь Рюрик был приглашен на княжение в Новгород[1]. Концепция памятника, который был первоначально задуман как монумент «первому русскому государю Рюрику», соответствовала норманской теории. Поэтому он подвергся яростной критике со стороны антинорманистов. Д.И. Иловайский назвал его свидетельством того, «в каком жалком состоянии находилась русская историческая критика» второй половины XIX века.

Сегодня этот памятник является одним из символов новой России. Однако это не единственный памятник, связанный с именем легендарного варяжского князя. В маленьком шведском городе Нортелье есть памятник Рюрику. Согласно местной легенде, именно отсюда когда-то он отплыл на Русь. Однако, несмотря на бытование такой легенды, каких-либо упоминаний о Рюрике в скандинавских источниках нет.

Единственный источник, к которому восходят все наши сведения о Рюрике — это «Повесть временных лет», написанная через 250 лет после Рюрика. Повествуя о начале Русского государства, летописец отмечает варяжское происхождение правящей династии и возводит его название к названию варяжского племени — русь. «Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варяг прозвалась Русская земля».

Более двух столетий ученые изучают летописный рассказ, который принято называть легендой о призвании варягов, но так и не пришли к единому мнению о его происхождении. Текстологический анализ легенды и историко-археологическое изучение эпохи, к которой она отнесена, привели исследователей к противоположным результатам. Тем не менее сегодня у нас есть достаточно оснований считать, что в его основе лежит устный источник новгородского происхождения, восходящий в свою очередь к какому-то скандинавскому источнику, например, к саге, реконструировать которую недавно попытался Д.М. Михайлович. Согласно его реконструкции Рюрик происходил из рода конунгов Восточного пути. Он воспитывался у ярла Гаутланда и рос храбрым, умелым и суровым воином. Его отец, Арвид Незаконнорожденный, владел Альдейгьюборгом и собирал дань с Хольмгарда, Бьярмии и других земель Восточного пути. Он погиб в Гардарике в сражении с людьми шведского конунга. Жители Гардарики, называвшиеся словенами, разбили их и прогнали за море, но они каждый год приходили на кораблях, чтобы грабить и убивать на Восточном пути. Тогда вспомнили о том, что в Гаутланде воспитывается враг шведского конунга и послали к нему своего посла Люта. Рюрик согласился стать конунгом в землях Восточного пути, так как счел это достойной местью за отца. Вместе с Лютом и гаутландской дружиной он

[1] «Для увековечения столь достославной эпохи Государь Император соизволил, чтобы на месте княжения первого Русского государя Рюрика в Новгороде был торжественно воздвигнут народный памятник Тысячелетию России». (Новгородский архивный вестник. №1. 1999. С.45).

отправился в Хольмгард, где его встретили радушно и содержали в достатке. Но конунгом его признали только после того, как он показал свою силу в сражении с людьми шведского конунга. Он поселился в Альдейгьюборге, откуда раз в год приезжал в Хольм-гард на альтинг всей страны и выступал там в роли верховного судьи. Со временем он поселился в Хольм-гарде[2].

Известный археолог Е.Н. Носов считает, что «в свете новейших археологических материалов, полученных при раскопках Рюрикова Городища, события летописного «Сказания о призвании варягов» представляются достаточно реальными – если уж не в своей конкретной, то в общеисторической канве». Раскопки на Городище свидетельствуют, что культурный слой, который там начал формироваться во второй половине IX века, носит не только элитный характер княжеской резиденции, но и ярко выраженные скандинавские черты. Они подтверждают, что Рюрик действительно был, и его княжеская резиденция на Городище – реальность.

Сообщение «Повести временых лет» кочевало из летописи в летопись, обрастая новыми деталями и подробностями. Так в новгородском летописании XV века появилась новая версия призвания варягов, согласно которой Рюрик являлся внуком легендарного новгородского старейшины Гостомысла, по совету которого он и был призван на княжение. В период феодальной раздробленности, когда Русь боролась за византийское наследство и была повернута лицом на юг, о Рюрике практически не вспоминали, хотя легенда о призвании варягов переписывалась из летописи в летопись.

Памятник Рюрику
в г. Нортелье (Швеция)

Когда Россия, сбросив монголо-татарское иго, начинает прокладывать путь на Запад, рождается новая историческая концепция, согласно которой Рюрик стал связующим звеном между Москвой и Римом. В литературно-публицистическом памятнике первой четверти XVI века «Сказание о князьях Владимирских», использовавшемся для укрепления авторитета велико-княжеской и царской власти и ставшем официальной концепцией политической теории и исторических прав Русского государства, Рюрик был объявлен потомком Пруса — родича кесаря Августа, посланного им на княжение в одну из подчиненных ему земель на берега Вислы[3]. Эта легенда была использована при составлении Воскресенской летописи, Государева родословца в 1555 году и включена в Степенную книгу. Идеи «Сказания» были использованы Иваном IV в дипломатической борьбе с Юханом III и в обосновании своих прав на Польшу и Литву. Версия о римском происхождении Рюриковичей имела определенные политические резоны, а ее направленность была обращена не столько внутрь, сколько вовне Русского государства. Тема генеалогического превосходства русских князей над литовскими носила производный, подчиненный более общей задаче характер.

В XVII веке теорию родства Ивана Грозного с Августом через Рюрика подверг критике швед Петр Петрей: «Свирепый Иван Васильевич говорил, что ведет свой род от брата славного римского императора Августа, по имени Пруса, жившего в Придцене, но это отвергают все историки, и Иван ничем не мог доказать того».

С ним был солидарен серб Юрий Крижанич. Он, в частности, писал: «Другая глупость, будто бы царь Иван или Владимир Великий происходили из рода Августа. Но ведь во времена Владимировых предков в Пруссии не было ни римлян, ни курфюрстов, ни вообще немцев. В Риме род Августа кончился на самом Августе... Царю Ивану достаточно было древности рода и славы считать себя потомком своего истинного предка Словена».

Тем не менее и сегодня на одной из стен Грановитой палаты Московского кремля можно увидеть изображение Рюрика с надписью: «В Руси самодержавное царское жезлоправление начасия от Рюрика, иже приде из варяг со двемя братомя своимя и с роды своимя, иже бе от племени Прусова. Прус же брат бысть единоначальствующего на земли Римского кесаря Августа, и великий же князь Рюрик в Великом Новограде царствуя, остави сына своего Игоря».

О варяжском происхождении Рюрика вспомнили в Смутное время в связи с планами избрания на вакантный российский престол шведского принца Карла Филиппа. Одним из аргументов в пользу шведского кандидата было его родство с пресекшимся царским родом: «...прежние государи наши и корень их царский от их же варяжского княжения, от Рюрика». После этого Рюрик исчез из русских исторических концепций и вернулся через полтора столетия всерьез и надолго в качестве краеугольного камня норманской теории.

Научные основы норманизма были заложены в 1730-60-х годах. Работавший в Российской Академии наук крупный немецкий лингвист и филолог Готлиб Зигфрид Байер нашел в немецком переводе «Повести временных лет» это давнее историческое построение о призвании варягов и изложил его в своих работах. У Байера эту концепцию подхватили и развили Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер н другие историки преимущественно немецкого проис-

[2] Д.М. Михайлович. Сага о конунге Рорике и его потомках. М.,1995. С. 11-16.

[3] «Некий воевода новгородский по имени Гостомысл перед кончиной своей созвал всех правителей Новгорода и сказал им: «О мужи новгородские, советую я вам, чтобы послали вы в Прусскую землю мудрых мужей и пригласили бы к себе из тамошних родов правителя». Они пошли в Прусскую землю и нашли там некоего князя по имени Рюрик, который был из римского рода Августа царя». (Памятники литературы Древней Руси. М., 1984. Т.6. С.427).

хождения[4].

Норманская теория подверглась резкой критике со стороны русских ученых. Главным критиком норманистов был М.В. Ломоносов. Его спор с Байером, Шлецером и Миллером шел, главным образом, по вопросу о происхождении Рюрика, которого он считал славянином из Пруссии (славянами Ломоносов считал сарматов и прибалтийские народы). Его аргументация в пользу славянского происхождения Рюрика не выдержала испытание временем.

Полемика норманистов и антинорманистов носила не только научный характер, она зависела от политической конъюнктуры. При Елизавете она обострилась как реакция на бироновщину. При Екатерине II вопрос о том, хорошо или плохо приглашать иностранцев на русский престол, предпочитали не обсуждать. В это время сюжет о призвании варягов начинает проникать в художественную литературу.

Первая литературная обработка этого сюжета принадлежит перу Екатерины II. О своей пьесе «Из жизни Рюрика» она писала Гримму: «Я не посмела поместить свои умозаключения относительно Рурика в «Историю», так как они основывались только на нескольких словах из летописи Нестора и из «Истории Швеции» Далена, но, познакомившись тогда с Шекспиром, я в 1786 г. придумала воплотить их в драматическую форму». Императрице было важно подчеркнуть иноземное происхождение основателя российской династии, показать, что порядок в России установился только с приходом к власти Рюрика. Главная задача пьесы, сюжет которой сводится к тому, что неуравновешенный честолюбец Вадим уступает трон просвещенному монарху Рюрику и становится его верным слугой, состояла в обосновании мысли о том, что монархические формы государственности были присущи сознанию русского народа уже на заре его исторической жизни.

Наибольшей остроты полемика норманистов и антинорманистов достигла в середине и второй половине XIX века. Классики норманизма датчанин В. Томсен и русский ученый А.А. Куник сформулировали основные положения и систему аргументации норманской теории. Ведущие представители антинорманизма С.А. Гедеонов и Д.И. Иловайский[5] подвергли серьезной критике главные положения норманской теории. Многие ученые стали антинорманистами главным образом по патриотическим соображениям, считая, что лишь «автохтонное» рождение народа прямо из своей земли гарантирует «правильный» ход истории этой земли и этого народа. Подвергая сомнению то сам факт призвания Рюрика, то его скандинавское происхождение, они занимались поисками этнической среды, из которой вышли варяги, и искали их то в Финляндии, то в Литве, то в западно-славянском Поморье и даже в Приильменьи. Они были готовы считать Рюрика кем угодно — хорватом, кельтом, прибалтийским славянином, карелом — только не шведом.

Выдвинутая еще в прошлом веке Ф. Крузе теория, отождествлявшая Рюрика с предводителем викингов Рериком (Рориком) Ютландским (Фрисландским), враждовавшим с немцами и со шведами, имеет своих сторонников и в наше время[6]. В целом эта теория восходит к датскому летописцу XII века Саксу Грамматику, упоминающему в своей хронике о событиях на Ютландском полуострове, память о которых сохранилась в народных преданиях. Король Дании Рерик (Рорик) назначил братьев – Эрвенделя, женатого на его дочери Геруде, и Фенге – военачальниками в Ютландии. Фенге убил Эрвенделя и женился на Геруде. Сын Геруды и Эрвенделя Гамлет (Амлед) не решился сразу открыто выступить против Фенге и притворился сумасшедшим. Убив Фенге, он стал королем ютландцев, а после смерти Рерика — королем Дании. Его история послужила сюжетом для драмы Шекспира. Тогда получается, что Рюрик был дедом Гамлета.

Голова викинга, XI в.
Резьба по оленьему рогу

Польский историк Хенрик Ловмяньский считает, что отождествление Рюрика Новгородского с Рориком Фрисландским сомнительно не столько вследствие географической отдаленности Фрисландии от России, сколько ввиду отсутствия четких данных о русско-датских и русско-фрисландских отношениях. Поэтому Рорика Фрисландского и Рюрика Новгородского следует рассматривать как две разные личности.

После того как к середине нашего столетия обе концепции оказались в тупике, наметилась тенденция к их сближению. Сегодня норманская проблема изучается не как иноземное завоевание, следствием которого стало создание Древнерусского государства, а как система взаимоотношений между славянами и скандинавами. История варягов на Руси — это история их включения в закономерные и противоречивые социально-экономические отношения эпохи становления Древнерусского государства.

Сегодня историков больше занимает вопрос не о том, откуда пришел Рюрик, а о том, какая форма правления была связана с его именем.

В свое время Н.М. Карамзин характеризовал призвание варягов как «удивительный и едва ли не беспримерный

[4] Миллер считал, что Рюрик появился на Руси в качестве предводителя наемной дружины для охраны Новгородской земли; он выводил Рюрика из роксолан.
Шлецер отвергал теорию происхождения Рюрика от Августа и принимал тезис Байера о его скандинавском (шведском) происхождении. Он считал, что варяги были призваны на Русь первоначально в качестве подсобной военной силы.

[5] Д.И. Иловайский считал норманизм «легендарным наростом, который уселся на самом корне русской историографии» и отрицал какое бы то ни было историческое значение летописного известия о призвании варягов.

[6] Среди них можно назвать Б.А. Рыбакова, А.Н. Кирпичникова, И.Б. Дубова, Г.С. Лебедева.

случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных и хитрость честолюбивых вводили самовластие... в России оно утвердилось с общего согласия граждан».

По мнению академика В.Л. Янина, призвание варягов было связано с вечевой новгородской традицией. Рюрика пригласили для исполнения судебных и правоохранительных функций и заключили с ним договор — «ряд», в котором были оговорены права князя и условия его содержания. Согласно этому «ряду» князь не мог владеть землями на территории новгородских волостей и собирать дань[7]. То государство, которое образовалось на севере в результате призвания варягов в середине IX века, было основано на принципах строгого соблюдения приглашенным князем и его дружиной выработанных новгородцами условий. Тогда получается, что именно Рюрик стоял у истоков новгородской демократии. Его антиподом был Олег, нарушивший договор с новгородцами и обосновавшийся на юге в Киеве. Убив Аскольда и Дира и обложив налогами древлян, северян и радимичей, он стал самодержавным правителем. Так в Киеве возникла власть, основанная не на договоре, а на завоевании. Киев изначально развивается как монархия. В Новгороде же сложилась боярская демократия, которая сохранялась до конца XV века.

Противоположной точки зрения придерживается И.Я. Фроянов. Он считает, что Рюрик был призван не на княжение, а для оказания военной помощи новгородским словенам. По всей вероятности, он успешно справился с этой задачей, и это побудило его посягнуть на местную княжескую власть. Он совершил государственный переворот, сопровождавшийся истреблением словенских князей и знатных людей. И.Я. Фроянов считает также, что дань, уплачиваемая словенами Киеву по Олегову велению — ученый миф.

Рюрик. «Титулярник», XVII в.

В Швеции Рюрик известен гораздо меньше, чем в России. Впервые о нем написал в своем сочинении «История о Великом княжестве Московском» (1615) шведский дипломат и историк Петр Петрей. О призвании новгородцами варягов, «знатных и многими делами славных господ Рюрика, Синая (Зиная) и Трувора», писал Ф.И. Страленберг. Он считал, что они происходят из варягов, живших «около моря Балтийского, которое в России называют Варяжским». Ю.Г. Спарвенфельд с большим доверием относился к версии о римском родстве московских государей. Х.Г. Портан был не согласен с мнением О. Далина о длительной зависимости Русского государства от варягов и отвергал идею норманского завоевания. В целом же в XVIII веке Рюрик не стал известной фигурой в научном мире Швеции. Во всяком случае, в 1790 году Карл Столхаммар назвал Рюрика одним из предводителей поселившихся на Днепре армян и греков. Он ничего не знал о шведском происхождении Рюрика и о роли варягов в истории России.

Норманский вопрос становится в Швеции самостоятельной проблемой в середине XIX века. Им занимались А. Фрюксель, Г. Гейер, Ф.М. Франсен. К нему обращался также известный шведский историк Харальд Йерне. Его первой работой по русской истории стала статья «Антинорманизм в русской историографии» (1879). В ней он подверг критике то направление, которое опровергало достоверность летописного сообщения о призвании варягов и варяжской колонизации. Йерне считал Рюрика реальной исторической личностью и полагал, что нет никаких оснований сомневаться в том, что он и его люди пришли непосредственно из Швеции или из других близлежащих земель. В государственном устройстве Новгородской республики историк видел основные черты порядков норманских дружин.

Антиподом Рюрика не столько в истории, сколько в литературе, стал Вадим — легендарный вождь новгородцев, поднявший восстание против Рюрика и убитый им. Несмотря на то, что со ссылкой на поздние летописные источники он упоминается В.Н. Татищевым, Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским, в целом Вадим представляется личностью мифической. Даже его имя, достаточно популярное в наши дни, не было известно в IX веке. В литературу образ Вадима ввела Екатерина II в своей уже упоминавшейся исторической драме «Из жизни Рюрика», где честолюбивому Вадиму она противопоставила мудрого и великодушного Рюрика, олицетворявшего монархическую власть.

Я.Б. Княжнин представил Вадима как первого защитника русской свободы и демократии. Его трагедия по приказу императрицы была предана сожжению, но она положила начало традиции, согласно которой Вадим вошел в русскую литературу как первый русский демократ. К образу его в своем творчестве обращались декабристы, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов.

В исторической памяти жителей Олонецкой Карелии Рюрик остался как Юрик-новосел из северной стороны, которого «новгородцы залюбили, что человек он веселого нраву и хорошего разуму».

Нам неизвестно, где родился Рюрик и как он выглядел[8], неизвестно также, где его могила. Согласно староладожс-

[7] То, что новгородцы сами формировали свой бюджет, подтверждается раскопками 1999 г., когда на Троицком раскопе было найдено около 40 деревянных пломб, которыми запечатывали мешки с данью, поступавшей в Новгород. Эта находка позволила сделать важный вывод о том, что доходы с Новгородских земель поступали не к князю на Городище, а в административный центр, который находился в Новгороде.

[8] Все помещенные в статье изображения Рюрика являются плодом фантазии их авторов. В этой связи В.Л. Янин вспоминает, как побывавший в Новгороде в 1960-х гг. известный шведский неонорманист Х. Арбман у памятника «Тысячелетие России» сказал: «Я счастлив, что наконец-то увидел, как выглядел Рюрик».

кому устному преданию, он похоронен в Старой Ладоге в подземных ходах, носящих название Танечкины пещеры. В Новгороде бытовало предание, что его последним пристанищем стало Городище. В.Л. Янин вспоминает, что именно там в послевоенные годы советовали археологам искать «золотой гроб Юрика» коренные новгородцы.

Рюрик. Из рукописной книги 1672 г. «Корень великих государей, царей и великих князей российских»

Память о Рюрике была увековечена не только в памятнике «Тысячелетие России», но и в названиях нескольких кораблей русского флота. Его имя носили военный бриг, совершивший в 1815-1818 годах кругосветное плавание под командованием адмирала О.Е. Коцебу, крейсер, отличившийся в бою в Корейском проливе в августе 1904-го, а также броненосный крейсер, участвовавший в войне на Балтике и в Ледовом походе 1918 года.

Отношение к Рюрику в различные эпохи было различным. История обработки предания о Рюрике отражает политические настроения общества. На разных этапах его развития Рюрик был то скандинавским князем, приглашенным новгородцами для исполнения судебных и правоохранительных функций, то потомком легендарного Прусса, родственника императора Августа, то просто наемником — солдатом удачи IX века, совершившим военный переворот, то предводителем профессиональной разбойничьей шайки, то мудрым правителем, стоявшим у истоков новгородской демократии, то самодержавным тираном.

Если сам Рюрик представляется многим историкам достаточно предположительной фигурой, то еще более «предположительны» другие персонажи, часто упоминаемые в связи с Рюриком — его мать Умила, дочь Гостомысла, жена Ефанда, дочь норманского князя, его соперник Вадим. Даже имена его братьев Синеуса и Трувора некоторые ученые считают неправильно понятыми словами какого-то древнескандинавского источника. По словам Б.А. Рыбакова, «историки давно обратили внимание на анекдотичность братьев Рюрика, который сам, впрочем, является историческим лицом, а братья оказались русским переводом шведских слов sine hus и thru war. Другими словами в летопись попал пересказ какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика, а новгородец, плохо знавший шведский язык, принял традиционное окружение конунга за имена его братьев».

Не все разделяют такую точку зрения. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин, напротив, считают, что «необоснованны и не соответствуют морфологии и синтаксису древнешведского языка попытки истолковать имена Синеус и Трувор как осмысленные летописцем в качестве личных имен древнешведские фразы «со своим домом и верной дружиной», подразумевающие восхождение легенды к прототипу на древнешведском языке. Прямо противореча всему тому, что известно о языковых связях Древней Руси и Скандинавии, это предположение не учитывает и того, что скандинавские имена, рефлексами которых являются Синеус и Трувор, хорошо известны, в частности по руническим надписям X-XI вв».

Недавно Рюрик предстал в новом, несколько неожиданном качестве, своего рода руководителем русско-шведского торгового проекта. Выступая в шведском парламенте в декабре 1997 года, Б.Н. Ельцин, пожалуй, впервые упомянул имя Рюрика на высшем государственном уровне. Он, в частности, сказал: «Знаю, что в вашей стране возведен монумент в честь легендарного Рюрика. Он сыграл выдающуюся роль в жизни древнерусского государства на заре его истории. Недаром скульптурное изображение Рюрика включено в композицию широко известного новгородского памятника «Тысячелетие России». Когда-то через территорию нашей страны пролегал знаменитый путь «из варяг в греки». Его торили предки россиян и шведов. Выражаясь современным языком, это был первый совместный проект. Он увенчался впечатляющим успехом».

Сегодня шведы решили направлять основную часть своей помощи России в Новгородскую область. Такое решение обусловлено не только благоприятным инвестиционным климатом в этом регионе, но и давними историческими связями, которые зародились на заре существования двух государств. В ноябре 1999 года в Новгороде с делегацией шведских предпринимателей побывал министр экономики Швеции Лейф Пагроцкий. Он заявил, что теперь шведы пришли на берега Волхова как «наследники Рюрика», чтобы «содействовать развитию России по пути демократического правового государства с эффективной системой управления и рыночной экономикой».

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Рюрик — не столько реальная историческая личность, сколько один из символов, которые могут сближать, а могут и разъединять народы. Сегодня в наших отношениях со Швецией наступил такой период, когда он может стать одной из нитей, связующих наши страны с такой разной, но все-таки в чем-то общей историей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринев Н.Н. Легенда о призвании варяжских князей //История и культура древнерусского города. М., 1989.
2. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии//Вопросы истории. 1995. №2.
3. Михайлович Д.М. Сага о конунге Рорике и его потомках. М., 1995.
4. Никитин А. Первый Рюрик — миф или реальность // Наука и религия. 1991. №4.
5. Шаскольский И.П. Антинорманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып.7. Л., 1983.
6. Янин В.Л. Русь на Волхове // Родина, 1999. №8.

Валентин ПАПЕШИН

БЕЗ ЛЕСТИ ПРЕДАН

О личности графа Алексея Андреевича Аракчеева, бывшего на службе у четырех императоров, до недавнего времени говорили только в отрицательных тонах. Его современники, а потом и советские историки считали, что он нанес большой ущерб России. С его именем обычно связывают поворот от некоторой демократии Александра I к реакционности после Отечественной войны 1812 года. Аракчеева в годы его могущества ненавидели и «справа» и «слева»: высокомерные аристократы за то, что этот «жестокий змий» сосредоточил в своих руках огромную власть и третировал любое сановное лицо, декабристы же видели в нем источник всех бед России. И все дружно ненавидели его как начальника задуманных Александром I военных поселений.

Но уже спустя некоторое время после его смерти стали раздаваться и трезвые голоса, призывающие более объективно рассмотреть личность Аракчеева. Поэт П.А. Вяземский: «Считаю, что должно исследовать и беспристрастно судить, а не то что прямо начать с четвертования его». Военный историк А. Керсновский: «Перед оклеветанной памятью этого крупного и непонятого деятеля русский историк вообще, а военный в частности, еще в долгу»[1].Только сравнительно недавно историки начали заполнять пробел, связанный с изучением личности графа А.А. Аракчеева[2].

Дворяне Аракчеевы вели свой род от новгородца Ивана Степановича Аракчеева, которому в 1684 году были пожалованы вотчины в тогдашнем Новгородском уезде в Бежецкой пятине в Никольском погосте в «Молдине пустошь, что была деревня Санникова, Игначиха, Клобуки, Шепилова». Н. Отто считал, что предками Аракчеевых были выходцы из татар, и даже находил в лице Алексея Андреевича восточные черты[3]. Все предки Аракчеева были военными и известны как храбрые офицеры.

Отец А.А. Аракчеева Андрей Андреевич Аракчеев служил в гвардии Преображенском полку. После манифеста 1762 года, освобождавшего дворян от обязательной службы, он вышел в отставку в чине поручика и уехал в свое маленькое поместье, сельцо Гарусово Вышневолоцкого уезда, где владел двадцатью душами крепостных крестьян. Здесь 23 сентября 1769 года у него родился старший сын Алексей, будущий граф. Затем в 1776 и 1778 годах у него родились еще два сына – Петр и Андрей. В отношении того, кто из них младше, до сих пор существует путаница. В. Ратч, В. А. Федоров и Лобанов-Ростовский считают, что средним сыном был Петр, а младшим Андрей[4]. В.А. Томсинов считает, что В. Ратч (и, соответственно, другие исследователи) ошибается: средним сыном был Андрей, а младшим Петр[5]. Соответственно этой путанице в датах рождения существует путаница и в том, кто из братьев какую должность занимал, тем более что оба они были генерал-майорами артиллерии, как и их старший брат. Один из них был флигель-адъютантом у Александра I, другой впоследствии занимал должность военного губернатора в Киеве. Отсутствуют в литературе также и даты смерти обоих братьев А.А. Аракчеева. Вопрос этот пока можно считать невыясненным.

Мать Алексея – Елизавета Андреевна Аракчеева, урожденная Ветлицкая* – отличалась необычайной аккуратностью в делах и любовью к чистоте, за что получила у соседей прозвище «голландка». От нее Алексей на всю жизнь унаследовал трудолюбие и любовь к чистоте, опрятности и порядку.

В 11 лет Алексей встретился в гостях с сыновьями соседского помещика Корсакова – кадетами Артиллерийского и инженерного шляхетного корпуса[6]. Мальчику так понравилась форма и разговоры юных кадетов о пушках, стрельбах и походах, что он решил непременно стать кадетом этого корпуса. После долгих уговоров родители, наконец, дали согласие. Зимой 1782-1783 года начались сборы: запасались продовольствием, копили деньги, продали даже двух коров.

Приехав в Петербург в начале января 1783 года, они сняли комнату на постоялом дворе, написали прошение о приеме в корпус и 28 января добились, чтобы прошение было принято. Потянулись долгие месяцы ожидания. Когда деньги кончились, начали продавать зимнюю одежду, благо стало теплее. Но и эти деньги кончились. Жили впроголодь, питаясь один раз в сутки. Когда стало совсем невмоготу, отец Алеши пошел к петербургскому митрополиту просить подаяние. Тот выдал им из казны серебряный рубль. Но и он был израсходован. Отец и сын Аракчеевы были в отчаянии. Полгода почти ежедневно ходили они в корпус и безмолвно кланялись недавно назначенному директором корпуса генералу П. И. Мелиссино[7]. Наконец утром 19-го июля 1783 года при очередной встрече рыдания мальчика, слезы на глазах отца обратили на себя внимание директора, и он выдал им записку о зачислении Алексея в кадеты. В этот счастливый день они с утра ничего не ели и у них не было денег даже на свечку в церкви. Впоследствии граф Аракчеев вспоминал, что этот урок бедности и беспомощного состояния сильно подействовал на него, и он никогда не медлил с наложением резолюций на подаваемые ему просьбы, будь то согласие или отказ.

В кадетском корпусе Алексей Аракчеев проявил большие способности, особенно в артиллерии и математике, и уже через семь месяцев перебрался в старшие классы. Он всегда отличался серьезным отношением к учебе и дисциплине. В 1786 году его наградили золотой медалью за успехи в учебе, а 17 сентября 1787 года он был выпущен из корпуса в чине поручика армии и оставлен в корпусе преподавателем арифметики, геометрии и артиллерии и заведующим корпусной библиотекой.

В 1789 году во время войны со шведами А. А. Аракчеев много времени уделял своей подготовке в стрельбе из орудий,

---

* Иногда пишут Витлицкая.

готовил из рекрутов прислугу для артиллерии, обучал их строевой выправке, занимался в химической лаборатории, улучшая состав пороха, составил для вновь набираемых артиллеристов «Краткие артиллерийские записки в вопросах и ответах»[8].

4 сентября 1792 года Аракчеев был отправлен на службу в Гатчину к великому князю Павлу Петровичу. Целый месяц со дня прибытия в Гатчину он занимался с артиллеристами, ходил на разводы и вахт-парады. Павел Петрович изучал новичка. Наконец, после удачных стрельб в поле и проверки теоретических знаний цесаревич объявил Аракчееву благодарность, назначил его командиром артиллерийской роты, присвоил чин капитана артиллерии и разрешил ему бывать без специального приглашения у себя на обеде.

В августе 1793 года Аракчеев становится майором артиллерии, в июле 1796 года – подполковником*.

Заведуя артиллерией и обучением гатчинских войск, Аракчеев одновременно исполнял должность военного коменданта Гатчины. Позже он так вспоминал об этом периоде: «В Гатчине служба была тяжелая, но приятная, потому что усердие всегда было замечено, а знание дела и исправность отличены».

Не щадя сил и здоровья (а оно у него было сильно подорвано уже в этот период), Аракчеев наводил образцовый порядок в гатчинском гарнизоне, не стесняясь прибегать при этом и к крутым мерам. Впрочем, они в Гатчине были в порядке вещей. За это он получил надолго приставшее к нему прозвище «гатчинский капрал».

Граф А.А. Аракчеев

После восшествия на престол Павла I в армии началась кадровая перетряска и замена екатерининских офицеров на гатчинцев. Павел задался целью искоренить дух и традиции покойной матери и перенести в столицу порядки и организацию, выработанные им в период гатчинского затворничества. Одним из ближайших помощников в этом деле стал его любимец Аракчеев.

7 ноября 1796 года Павел I назначил его комендантом Санкт-Петербурга, 8 ноября произвел в чин генерал-майора, 9 ноября назначил командиром сводного гренадерского батальона лейб-гвардии Преображенского полка и присвоил ему чин майора этого полка. 12 декабря 1796 года Павел жалует Аракчееву Грэзинскую волость в Новгородской губернии с двумя тысячами душ крепостных крестьян. 5 апреля 1797 года император возводит его в баронское звание и собственноручно вписывает в герб новоиспеченного барона девиз «Без лести предан», осмеянный и переиначенный впоследствии современниками. 5 мая 1799 года Аракчеев становится графом. Кроме того, Павел награждает его последовательно орденами св. Анны 1-й степени (8 ноября 1796 г.) и св. Александра Невского (5 апреля 1797 г.). 19 апреля 1797 года Павел издает приказ: «Генерал-майор Аракчеев определяется быть генерал-квартирмейстером по всей армии, с оставлением при всех его прежних должностях».

Однако в период правления Павла I Аракчеев не только получал награды, но и дважды попадал в опалу: первый раз за грубость к подполковнику Лену, георгиевскому кавалеру, который из-за этого застрелился, второй – в конце 1799 года – вследствие того, что попытался выгородить своего брата Андрея, тоже генерал-майора, при случае мелкой кражи в арсенале. Обстоятельства кражи быстро вскрылись, и оба брата были уволены в отставку. Старший Аракчеев сохранил только звание генерал-лейтенанта. После этого он уезжает в подаренное ему имение Грузино и начинает заниматься его обустройством.

14 мая 1803 года Александр I, два года уже находившийся на престоле и хорошо знавший Аракчеева еще с гатчинских времен, вызывает его из Грузина и назначает инспектором всей артиллерии. «Время управления Аракчеевым русской артиллерией составляет одну из блестящих страниц ее истории»[9]. Основными преобразованиями А.А. Аракчеева в артиллерии являлись: выделение артиллерийских частей в самостоятельные воинские соединения, формирование артиллерийских бригад, разработка новых штатов, унификация калибров орудий и лафетов и их модернизация, улучшение подготовки артиллерийской прислуги в теоретическом и практическом плане, учреждение Ученого комитета по артиллерии, основание издания «Артиллерийского журнала», учреждение школ и классов для офицеров и нижних чинов, улучшение качества пороха, издание новых инструкций и наставлений по стрельбе и многое другое. И если под Аустерлицем русская артиллерия действовала еще слабо, то уже в сражении при Эйлау Наполеон с изумлением увидел перед собой мощную русскую артиллерию, с которой ему пришлось считаться всерьез, а действия ее в Отечественную войну 1812 года были выше всяких похвал. Не зря высоко оценивая заслуги Аракчеева по усовершенствованию артиллерии, Александр уже 27 июня 1807 года присваивает ему чин генерала от артиллерии, а в галерее героев Отечественной войны 1812 года в Эрмитаже имеется портрет графа А.А. Аракчеева работы Доу.

13 января 1808 года Александр I назначает А.А. Аракчеева

* Со времен Петра I чин в артиллерии шел рангом выше армейского. Подполковник в артиллерии соответствовал званию армейского полковника.

военным министром и генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии. 30 августа 1808 года Александр своим указом «в доказание признательности Его Императорского Величества к ревностной службе и неусыпной деятельности военного министра графа Аракчеева» повелел переименовать Ростовский мушкетерский полк в полк имени графа Аракчеева. Это имя полк носил до 28 апреля 1834 года, после чего был переименован в Ростовский гренадерский. 31 августа 1808 года Аракчееву было поручено заведовать также военно-походной канцелярией Александра.

В 1808 году началась война со Швецией. Чтобы быстрее покончить с противником, император решает ввести русские войска на территорию Швеции, воспользовавшись тем обстоятельством, что суровой зимой 1808-1809 годов Ботнический залив был полностью покрыт льдом. Главнокомандующему русскими войсками генералу Кнорринг было приказано совершить бросок через самое узкое место Ботнического залива – пролив Кваркен. Однако ни он, ни другие генералы, в частности, Барклай де Толли и Шувалов, не решались на него, ссылаясь на плохую материальную обеспеченность войск, возможный взлом льда в проливе, который мог бы отрезать русские войска от любой помощи, и вообще на трудность самого перехода. Действительно, ширина Кваркена составляет около 100 верст. Обеспокоенный задержкой операции и медлительностью Кнорринга, Александр направил в Або военного министра графа Аракчеева. Выяснив обстановку на месте, Аракчеев в обычной своей энергичной манере уже через неделю устранил все препятствия и заставил Кнорринга приступить к боевым действиям по плану императора.

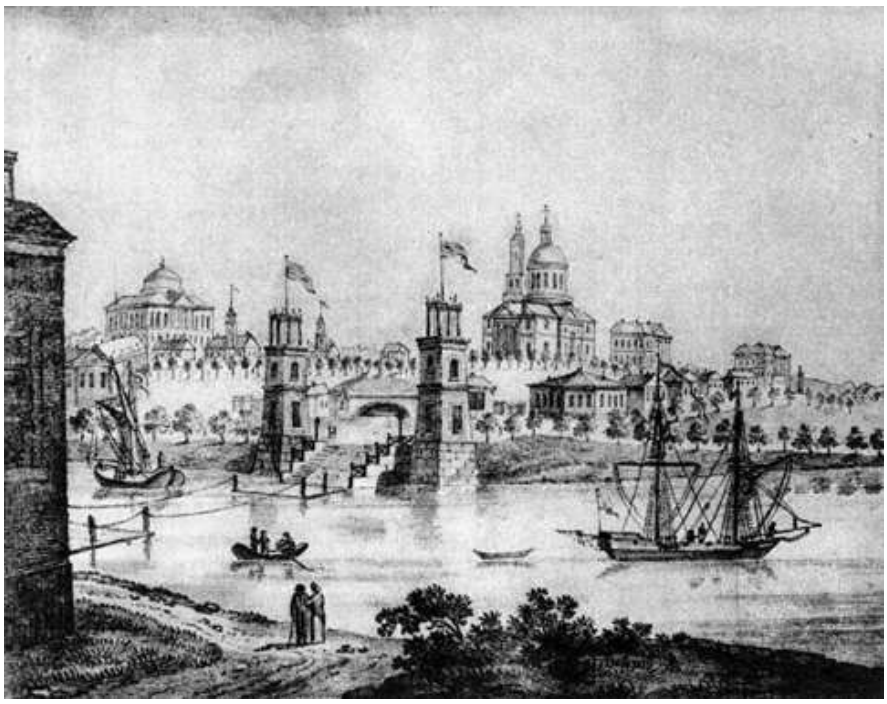
Колонну войск, одну из трех, которая должна была пересечь Кваркен, возглавил Барклай де Толли. Ему же впоследствии и приписали все заслуги. На самом деле организатором этого беспримерного перехода, который современники справедливо сравнивали со знаменитым переходом Суворова через Альпы, являлся, бесспорно, граф Аракчеев. Ошеломленные появлением русских войск на побережье, шведы запросили перемирия, но Аракчеев отверг эти просьбы, заявив, что «цель императора Александра состоит в принуждении Швеции подписать мир в Стокгольме»[10]. Вскоре был заключен Фридрихсгамский мирный договор, согласно которому к России отошла Финляндия и Аландские острова.

7 сентября 1809 года Александр I повелел: «В воздаяние ревностной и усердной службы военного министра графа Аракчеева войскам отдавать следующие ему почести и в местах пребывания Его Императорского Величества»[11].

После заключения мира со Швецией Александр прислал Аракчееву знаки ордена Андрея Первозванного, а чтобы ему было «приятнее» их носить, послал свои собственные. Но Аракчеев отказался принять орден, мотивируя свой отказ тем, что он его не заслуживает, поскольку непосредственного участия в военных действиях не принимал.

В период пребывания графа Аракчеева на посту военного министра им было сделано много полезного для русской армии. По его проектам были заведены рекрутские депо, в которых рекруты получали до поступления в полки основы воинской науки, учреждены учебные гренадерские батальоны, сформирован понтонный полк, заведены в арсеналах и оружейных заводах новые машины, и много еще чего.

Период 1810-1812 годов ознаменовался некоторым охлаждением отношений между Александром I и Аракчеевым. Более близким к императору становится М.М. Сперанский, занимавшийся по его поручению реформированием государственной власти. Эта работа велась в присущей Александру манере сохранять в строжайшей тайне от общества любые возможные изменения. В нее не был посвящен даже военный министр и, казалось бы, один из самых близких к императору людей – граф Аракчеев, который слышал о готовящихся переменах, но деталей не знал. Он несколько раз просил Александра ввести его в курс дела. Тот уклончиво обещал. Дело кончилось поздним и очень кратким визитом М.М. Сперанского в дом Аракчеева на углу Литейной и Кирочной улиц. Сперанский так и не раскрыл ему свои планы. Аракчеев был взбешен. Он уехал в Грузино и написал оттуда императору письмо с просьбой об отставке. Александр ответил ему довольно резким письмом и сообщил, что его отставка принята с условием, чтобы он сам избрал себе преемника на пост военного министра. Аракчеев рекомендовал вместо себя Барклая де Толли.

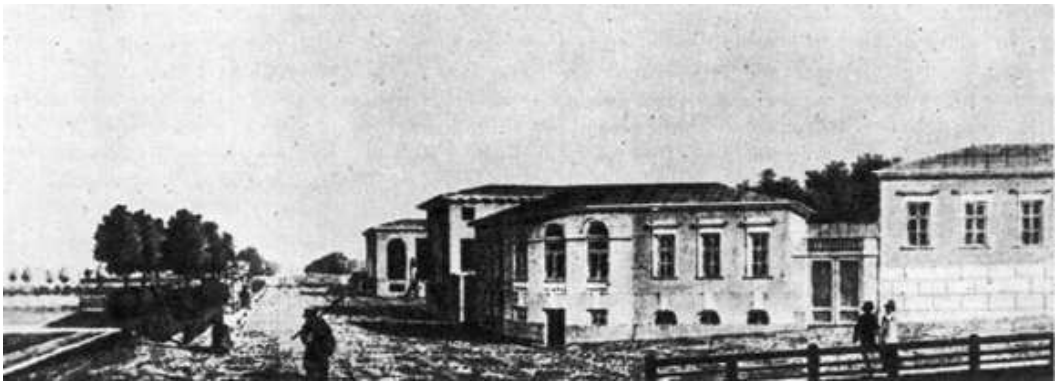

К.П. Белгров. Вид села Грузина с левой стороны реки Волхова

После такой небольшой пикировки Александр запросил Аракчеева, согласен ли он возглавить во вновь образующемся Государственном Совете военный департамент. Аракчеев ответил, что «лучше самому быть дядькой, нежели над собой иметь дядьку», то есть согласием.

1 января 1810 года Аракчеев был освобожден от должности военного министра. Позже он сделает такую запись на прокладных белых листах Евангелия, хранившегося в Грэзинском соборе: «Января 1-го 1810 года. В сей день сдал звание военного министра. Советую всем, кто будет иметь сию книгу

после меня, помнить, что честному человеку всегда трудно занимать важные места государства»[12]. Нельзя не согласиться со злободневностью и в наше время этого малоизвестного широкой публике высказывания Аракчеева.

И.С. Семенов. Вид крестьянских домов в селе Грузино с приезда от реки Волхова

Чтобы окончательно потушить размолвку, Александр I в июне 1810 года посещает усадьбу Аракчеева в Грузине и, восхищенный увиденным, пишет ему из Санкт-Петербурга хвалебный рескрипт.

Целью поездки Александра в Грузино было ознакомление с порядками, царившими там по воле графа Аракчеева, устройством сельского хозяйства с тем, чтобы перенести их на опытное военное поселение. Император еще до Отечественной войны 1812 года вынашивал план поселения армии. Многие исследователи до сих пор спорят о том, откуда Александр I позаимствовал эту идею. В последнее время говорят, что он взял ее из книги французского генерала Ж. Сервана «О военных силах на границах». Но, как свидетельствует английский историк Ричард Пайпс, он нигде не нашел в библиографических справочниках книги с таким названием указанного автора.

После своего визита в Грузино император посылает туда с теми же целями генерала Лаврова.

В период с 1810 по 1812 годы А.А. Аракчеев принимает участие в устройстве военного поселения Елецкого пехотного полка в Могилевской губернии, в совещаниях у императора в связи с угрозой нападения Наполеона на Россию. В реальности этой угрозы почти никто, в том числе и Аракчеев, не сомневался. 3 апреля 1812 года Аракчеев пишет брату Петру о неизбежности войны с Францией: «Война предполагается самая жестокая, усильная, продолжительная и со всеми возможными строгостями»[13]. В мае 1812 года Аракчеев сопровождает Александра I в поездке в Вильну, а после начала войны – в укрепленный лагерь при реке Дриссе. Александр вновь назначает Аракчеева начальником своей военно-походной канцелярии. «Июня 17-го дня 1812 года, – вспоминал потом граф Аракчеев, – в городе Свенцянах призвал меня Государь к себе и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с онаго числа вся французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления Государя Императора»[14].

Всю Отечественную войну 1812 года и в зарубежном походе русской армии 1813-1814 годов граф Аракчеев сопровождает Александра I. Многие исследователи даже в наше время считают, что поскольку Аракчеев проявил трусость в Аустерлицком сражении, отказавшись от командования боевой колонной войск – хотя, несомненно, он был рядом в этот момент с Александром (можно напомнить, что после разгрома русской армии император чудом избежал плена) – то и в последующих боях он не участвовал. Автору удалось найти собственноручно написанный графом Аракчеевым журнал, который он вел в течение войны 1812-1814 годов, озаглавленный как «Журнал, писанный во время войны в 1812-14 гг. с означением всех мест, где были ночлеги»[15]. Из журнала видно, что Аракчеев, по крайней мере, присутствует при многих сражениях: при Вуршене, Дрездене, Лейпциге и других.

Кроме заведования военно-походной канцелярией, Аракчеев во время войны занимался комплектованием войска и его материально-техническим снабжением.

Заграничный поход не был легкой прогулкой. В своем письме из Бар-сур-Сена к секретарю Священного Синода Пукалову Аракчеев жаловался: «Какое ужасное место эта Франция. Последнюю зиму у нас были очень плохие квартиры в Польше, но здесь они в сто раз хуже. Комнаты холодные, везде одни двери и один большой камин, который непрерывно дымит. Возле огня жарко, но в остальных частях комнаты температура бывает лишь восемь градусов. Со всех сторон дует пронизывающий ветер и чертовски холодно. Каждый день меня мучает насморк*, зубная боль и боль в ушах».

«Марта 31-го дня 1814 года в Париже Государь Император Александр I изволил произвесть графа Аракчеева в фельдмаршалы вместе с графом Барклаем, о чем и приказ собственноручно был написан, но граф Аракчеев онаго не принял и упросил Государя отменить»[16], – писал Аракчеев.

Отказался он и от присвоения его матери звания статс-дамы. Затем отказался от поездки вместе с Александром в Англию, уговорив императора отпустить его в Грузино «для поправления здоровья». Но 30 августа 1814 года Аракчеев принял от Александра I его портрет для ношения на шее.

6 августа 1814 года император вызывает Аракчеева в Санкт-Петербург. «Я надеюсь, что ты будешь доволен мною, ибо, кажется, пора нам за дело приняться, и я жду тебя с нетерпением».

В августе этого же года Аракчеев был назначен докладчиком Комитета министров, хотя и не занимал министерской должности. Назначение Аракчеева докладчиком по Комитету министров свидетельствовало о том, что Александр был недоволен «некоторыми непорядками и лицами в Комитете, но вовсе не был расположен значительно уменьшить деятельность Комитета, а тем более упразднить его... с другой стороны, назначение графа Аракчеева показывало, как важна в глазах государя деятельность Комитета»[17].

В начале своей деятельности Комитет министров не был, собственно говоря, государственным учреждением, а являл собой коллективную форму доклада императору по различ-

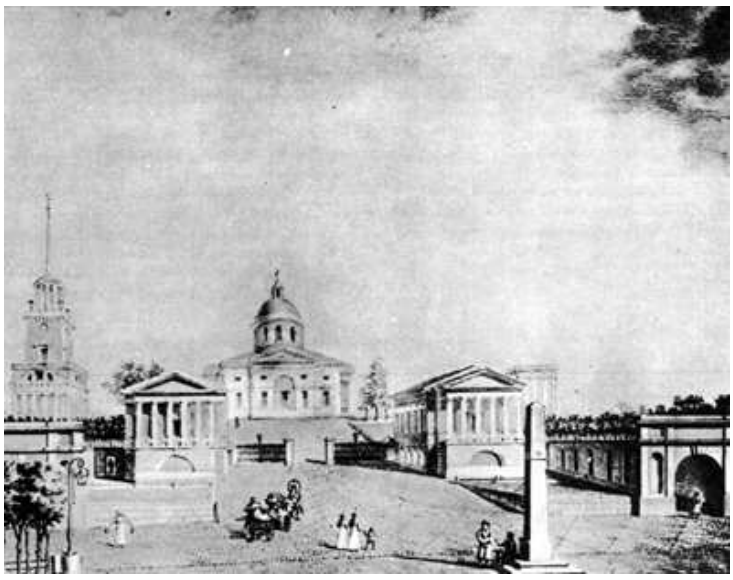
* Вот почему впоследствии мемуаристы отмечали «гнусавость» в голосе Аракчеева. Видимо, в парижскую кампанию он заработал хронический насморк.

ным делам, и таким он оставался во все время царствования Александра I. Обычно на заседаниях Комитета, кроме десяти министров, присутствовали еще шесть-семь лиц: председатели Департаментов Государственного Совета, военный губернатор Петербурга, государственный секретарь и граф Аракчеев. До 1806 года на заседаниях Комитета министров присутствовал и Александр, но после 1806 года он устранился от работы в нем. На своих заседаниях Комитет вырабатывал коллегиальные решения, которые, после назначения графа Аракчеева докладчиком Комитета, направлялись ему для его комментария, и только потом уже решения утверждались императором. И, надо сказать, довольно часто мнения Аракчеева расходились с мнениями членов Комитета и его личное мнение перевешивало мнение коллегиальное, о чем свидетельствуют резолюции Александра, соглашавшегося с мнением именно графа Аракчеева. Это говорит о том, что граф Аракчеев во многих случаях ближе и лучше знал жизнь народа, чем сановные вельможи в Комитете. Примеры такого рода можно во множестве найти в работе С.М. Середонина[18].

В первое время Аракчееву пришлось вникать в тысячи мелочей административных вопросов, так как он всю свою жизнь был ограничен лишь военной сферой, и в них он обнаружил хорошее понимание сути дел, важное для решения любых проблем.

Действительно, мнения Аракчеева, записанные по протоколам решений Комитета, были, как правило, более продуманными, а его забота о сохранении государственных средств в ту эпоху выглядела исключением из правил, так как министры и чиновники всех рангов стремились лишь урвать из казны побольше денег и набить ими свои карманы. Граф Аракчеев в этом отношении выглядел «белой вороной» среди стаи лихоимцев всех мастей и рангов. Взяток он не брал, да и вряд ли нашелся бы в то время смельчак, рискнувший предложить ему деньги за решение любого вопроса в его пользу. Можно не сомневаться, что он немедленно очутился бы за решеткой (в лучшем случае).

Естественно, что он вызвал возмущение многих министров, особенно министра финансов графа Д.А. Гурьева. Но Гурьев был не тот человек, который на равных мог сражаться с Аракчеевым и, в конце концов, подал в отставку.

И.С. Семенов. Вид площади у гошпиталя

Одновременно все больше возрастала власть личной канцелярии императора, которой также руководил Аракчеев.

Аракчеев был неутомим. Он обладал чрезвычайной способностью добиваться результатов даже при наличии бюрократической русской администрации. И в той, и в другой должности коренным образом разрешал все большие проблемы страны, возникшие в результате последствий войны 1812 года. Провел всенародную перепись и полное исследование разрушений, происшедших в результате войны с французами. Контролировал, как глава канцелярии, даже мелкие и запутанные вопросы награждений и производства в чин. «Он работал без остановки, – писал В.Р. Марченко, его помощник. – У него не было никаких общественных или семейных привязанностей. Он был мрачный и суровый, властный до деспотизма, разговаривал как тиран и использовал самые безжалостные сарказмы для выражения своей железной воли».

Способности Аракчеева наиболее успешно проявились в области созидания и управления, и на этом он концентрировал свою энергию. Ему нравилось, несмотря на трудности путешествия по разбитым дорогам, дискомфорт от суровой и переменчивой погоды и плохие местные больницы (напомним, что здоровье у Аракчеева было с ранних лет подорвано тяжелой службой в Гатчине), совершать внезапные визиты к провинциальным властям, потрясти губернаторов и посмотреть, что из этого выйдет. Вот после таких визитов, о которых знала вся Россия, и родилась строчка А.С. Пушкина: «Всей России притеснитель, губернаторов мучитель...». Только по младости лет поэт еще плохо представлял себе, что стоит за этим притеснением губернаторов[19].

Еще задолго до разрушений, оставленных французами, русские провинции поражали западных путешественников своим крайним убожеством. Дорога даже между Москвой и Санкт-Петербургом была не мощена*. Английский доктор Роберт Ли писал: «...дороги настолько ужасны, что не поддаются описанию. Люди в городах и деревнях находятся в самом плачевном состоянии грязи и нищеты». В определенные времена года жизнь в городах замирала, потому что по улицам становилось невозможно ездить. Губернаторы оказались беспомощными перед лицом дополнительных трудностей, вызванных последствиями войны. Аракчеев посетил все области, по которым прошлась война, и решил взять личное попечение над теми, которые пострадали более всех. Хотя он и сильно напугал этим местных чиновников, но достиг желаемых результатов. Аракчееву пришлось много потрудиться над восстановлением города Смоленска, а жителям Смоленской губернии была оказана экстренная помощь. Когда же дворянство губернии, чтобы выразить ему свою благодарность, высказало намерение установить его портрет в городской ратуше, то А.А. Аракчеев отказался по той причине, что он только слуга своего императора.

После окончания войны с Наполеоном Александр I много путешествует по заграницам с одного конгресса на другой, выступая в придуманной им для себя роли арбитра европейских дел. В таких обстоятельствах ему был нужен человек, который заставил бы работать уп-

* Строительство хорошего шоссе европейского класса между Москвой и Санкт-Петербургом было закончено в 1834 году.

равленческую машину и чьи лояльность и способности были бы абсолютно надежны. Преданность Аракчеева, его абсолютное нестремление к карьере и несомненные административные способности определили выбор Александра. Это был идеальный слуга, неспособный на интриги за спиной императора. Два года, проведенные Александром вместе с Аракчеевым в путешествиях с русской армией, окончательно убедили императора, что его помощник – человек, хотя и обладающий малой фантазией, но безгранично преданный.

В феврале 1816 года в Санкт-Петербург приехал историк Н.М. Карамзин, чтобы показать Александру первые восемь томов своей «Истории государства Российского», но в течение нескольких недель не мог попасть на прием к императору. Когда ему сказали, что его хочет видеть Аракчеев, Карамзин сразу же нанес графу визит и впоследствии так описывал разговор: «...приехал в семь часов вечера и пробыл с ним более часу. Он несколько раз меня удерживал. Говорили и с некоторою искренностью. Вообще, я нашел в нем человека с умом и с хорошими правилами. Граф Аракчеев обязался способствовать моему скорейшему свиданию с Государем...» Уже через два дня Александр принял Карамзина и решил вопрос об издании его сочинения.

В приемной в доме на Литейной улице, где жил Аракчеев, теперь всегда толпились посетители, среди которых нередко можно было увидеть и великих князей Николая и Михаила Павловичей. Как вспоминал в своих записках адъютант графа Аракчеева инженерный капитан Мартос*, «его влияние при дворе было самое сильное, одним словом – друг царя, первый министр, должность приятнейшая – делать добро, творить людей счастливыми, отереть слезы невинности, быть защитником противу несправедливости...» Ради объективности надо заметить, что далеко не каждый выходил от Аракчеева счастливым и удовлетворенным, а ждать его приема приходилось часто часами, и даже князьям, генералам и офицерам.

С 1816 года граф Аракчеев по заданию Александра занимается устройством военных поселений уже в гораздо большем масштабе, чем это было до войны 1812 года. В них крестьяне должны были превратиться в солдат, а солдаты – в крестьян. Целью создания военных поселений, о которых Александр начал задумываться еще до 1810 года, был перевод большой армии, оставшейся после Отечественной войны, на самоокупаемость и снятие тем самым напряжения с государственного бюджета. Тема военных поселений слишком обширна и не может быть подробно рассмотрена в рамках данной статьи[20].

При начале устройства военного поселения полка его имени в деревнях Высоковской волости (ныне это Чудовский район) граф Аракчеев быстро почувствовал сопротивление крестьян против их превращения в солдат и потому проявил исключительное внимание к их восприятию новых условий жизни. В проект положения о военном поселении, разработанный Аракчеевым, было включено необычайно большое количество привилегий для военных поселян, что позволило историку П. Щебальскому назвать Аракчеева еще в 1871 году «сановным коммунистом». Несмотря на это, в начальный период устройства военных поселений произошел ряд крестьянских волнений в Новгородской губернии. Одно из них пришлось подавлять с помощью артиллерии, в другом – крестьян морили голодом, пока они не согласились стать военными поселянами. Были жалобы крестьян членам императорской семьи на графа Аракчеева и просьбы против их перевода в военные поселяне. Но устройство военных поселений было заданием самого императора, и никакие просьбы тут помочь не могли.

Довольно крупное возмущение военных поселян случилось в 1819 году в городе Чугуеве на Украине. После подавления восстания военный суд приговорил к смертной казни 275 человек. Прибывший по распоряжению Александра I в Чугуев Аракчеев немедленно отменил это решение. Только 40 человек из них было приговорено им к наказанию шпицрутенами, правда, очень жестокому – 12 тысяч ударов. Перед экзекуцией Аракчеев еще раз обратился к наказуемым с просьбой раскаяться. Три человека покаялись и были тут же на месте освобождены от наказания. Из 37 наказанных умерло после экзекуции 27. Впоследствии историки все равно обвинили Аракчеева в жестокости, хотя он в письме жаловался Александру, что ему была тяжела эта миссия. Но Александр проявил фантастическое упорство во внедрении военных поселений: «Я решал уже более трудные проблемы, думаю, что решу и эту»**.

Аракчеев приложил немало сил и энергии, чтобы воплотить в жизнь эту идею Александра I. Это был период наивысшего влияния его на государственные дела. Современники, да и нынешние историки, называют этот период «аракчеевщиной», вкладывая в этот термин презрительное значение и называя его периодом реакции. На самом деле это явление нуждается в исследовании, ибо несмотря на значительную власть, сосредоточенную в руках Аракчеева, он никак не мог быть выше императора в проведении каких-либо реформ. Так, например, В.А. Томсинов в своей работе говорит, что «аракчеевщина» была ничем иным, как продолжением в иных условиях «петровщины», никогда не умиравшей в России, но лишь менявшей свое обличье»[21], с чем также трудно согласиться.

К концу царствования Александра I в военных поселениях насчитывалось свыше 135 тысяч поселенных войск, и они охватывали четыре больших территории с населением свыше 500 тысяч человек.

После смерти Александра I, последовавшей в Таганроге 19 ноября 1825 года, карьера Аракчеева обрывается. Он доживал свои дни в Грузино, почти никуда не выезжая, превратив свое имение в грандиозный пантеон памяти обожаемого монарха.

Умер Алексей Андреевич Аракчеев 21 апреля 1834 года и был похоронен в Андреевском соборе села Грузино[22].

Казалось бы, на этом месте можно поставить точку. Но, оказалось, что точку ставить еще рано. В 1999 году по инициативе Комитета по делам молодежи, культуры и спорта при администрации Чудовского района, при поддержке директора Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (НГОМЗ) Н. Н. Гринева и при участии чудовских краеведов и грэзинских школьников, под руководством старшего научного сотрудника НГОМЗ С.В. Трояновского были произведены раскопки захоронения Аракчеева. Раскопки затруднялись тем, что это место находилось под асфальтом и что, как оказалось, в пределах площади Андреевского собора, полностью разрушен-

* Сын известного русского скульптора И.П. Мартоса.

** Иногда приводят и другое его высказывание: «Военные поселения будут, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова», однако пока еще никто из исследователей не указал источник, из которого оно взято.

ного во время Великой Отечественной войны, находилось еще одно очень древнее захоронение. Тем не менее раскопки были проведены удачно: обнаружены костные останки, по заключению московского антрополога Д.В. Пежемского, несомненно принадлежащие графу Аракчееву[23]. Предполагается захоронить их на том же месте с установкой памятного знака. Концепция памятного знака разработана чудовским скульптором В.А. Сычевым.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. От взятия Парижа до покорения Средней Азии. 1814-1881 гг. М., 1993. С.9.

[2] См.: Папешин В.Н. Аракчеев и Грузино//София [газета Новгородской епархии]. 1994. №2. С. 8-9.

Папешин В. Н. Вехи жизни графа Аракчеева. К 230-летию со дня рождения//Родина [газета Чудовского района]. 1999. 6 октября.

Папешин В.Н. Граф Аракчеев. К 165-летию со дня смерти//Родина. 1999. 19 мая.

Папешин В.Н. Граф Аракчеев. Страницы биографии//Родина. 1989. 4, 8, 13, 15, 18, 20 июля.

Папешин В.Н. Малоизвестные эпизоды биографии графа А. А. Аракчеева//Прошлое Новгорода и новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород: НовГУ, 1993. С.73-76.

Папешин В.Н. Раскопки могилы графа А. А. Аракчеева. Как это было//Родина. 1999. 29 сентября.

Томсинов В. А. Временщик (А. А. Аракчеев). М., 1996.

Федоров В.А. А. А. Аракчеев (1769-1834)//Вестник МГУ. История. 1993. № 3 С. 54-74.

Федоров В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М.: МГУ, 1997.

Ячменихин К. М. Алексей Андреевич Аракчеев//Вопросы истории. 1991. № 12. С. 37-50.

[3] Отто Н. Черты из жизни графа Аракчеева//Древняя и Новая Россия. 1875. № 1. С. 95.

[4] Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга. Издание «Русской Старины». Т. 1. СПб., 1873. С. 86.

Ратч В. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. СПб., 1864. С. 7.

Федоров В. А. А.А. Аракчеев (1769-1834). С. 54.

[5] Томсинов В. А. Указ. соч. С. 12.

[6] Двойное название этого военного учебного заведения, очевидно, ввело в заблуждение С. В. Мироненко, так как он считает, что А. А. Аракчеев закончил два кадетских корпуса — Шляхетский сухопутный и Артиллерийский. См.: Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989, С. 40.

[7] Генерал П. И. Мелиссино был назначен директором Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса 22 февраля 1783 года. До него директором был генерал Мордвинов, умерший 5 октября 1782 года.

[8] Ратч В. Указ. соч. С. 42. (Ранее авторство этой брошюры приписывалось П. И. Мелиссино).

[9] Русский биографический словарь/Под ред. А. Половцева. Т.2. 1900. С. 264.

[10] Михайловский-Данилевский. Военная галерея Зимнего дворца. Сподвижники императора Александра I. Т.6. СПб., 1850. С.10.

[11] Там же, С. 11.

[12] Автобиографические заметки графа Аракчеева на прокладных белых листах принадлежавшей ему книги св. Евангелия//Русский Архив. 1866. № 2. С. 924. (В настоящее время это Евангелие с золотым окладом, напечатанное в 1833 году, хранится в Грановитой палате Новгородского исторического музея-заповедника).

[13] Русская Старина. 1874. №5. С. 190.

[14] Русский Архив. 1866. № 6. С. 926.

[15] РО РНБ. Ф. 29, ед. хр. № 2.

[16] Русский Архив. 1866. № 6. С. 926.

[17] Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т.1. СПб., 1902. С. 20.

[18] Середонин С. М. Указ. соч. С. 25, 26, 28, 30 и др.

[19] Об отношении А. С. Пушкина в разные годы его жизни к А.А. Аракчееву см. статью М. Филина «“...Жалею я один...”. Пушкин и Аракчеев»//Москва. 1999. № 3. С. 203-208.

[20] См.: Кандаурова Т. Н. Военные поселения в России 1810-1831гг. (Проекты и их реализация)//Вестник МГУ. История. 1990. № 1. С. 61-71.

Кандаурова Т. Н., Давыдов Б. Б. Военные поселения в оценке современников//Вестник МГУ. История. 1992. № 2. С. 44-55.

Папешин В. Н. Из истории новгородских военных поселений. (Новейшие данные)//Родина. 1999. 20, 23 января.

Садовникова М. В. Восстание новгородских военных поселян в 1831 г. [Автореферат дисс. канд. историч. наук]. 1948.

Ячменихин К. М. Военные поселения в русской дореволюционной и советской историографии//Вестник МГУ. История. 1985. № 3. С. 63-71.

Ячменихин К. М. Новгородские военные поселения в 1816-1831 гг. [Автореферат дисс. канд. историч. наук] М.:МГУ,1985.

Ячменихин К. М. Структура новгородских военных поселений и их управление в 1816-1831 гг.//История СССР. 1989. № 1. С. 90-102.

Ячменихин К. М. Финансирование и бюджет военных поселений в России//Вестник МГУ. История. 1993. № 2. С. 35-44.

Ячменихин К. М. Численный состав и структура новгородских военных поселений в 1816-1831гг.//Новгородский исторический сборник. Л., 1989. № 3 (13). С. 149-161.

[21] Томсинов В. А. Указ. соч. С. 215.

[22] Даже о месте захоронения А. А. Аракчеева нынешние историки ухитряются ошибиться. К. М. Ячменихин называет местом погребения Аракчеева Спасо-Преображенский собор. См.: Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев. С. 49.

[23] Подробности раскопок см.: Папешин В.Н. Раскопки могилы графа Аракчеева. Как это было//Родина. 1999, 29 сентября.

Сергей ТРОЯНОВСКИЙ

ОСТАНКИ ВСЕСИЛЬНОГО ГРАФА

Участники раскопок 1999 г. в Грузино (слева направо): Сергеев Виктор, Шевелев Сергей, С.В.Трояновский, Зубов Артем, Л.Э.Даугатс с сыном.

В жаркий июньский день прошлого года в село Грузино, что оседлало высокий волховский берег неподалеку от Чудова, прибыл археологический отряд, перед которым была поставлена редкая для археологов цель – найти могилу графа Аракчеева.

Идея поиска захоронения останков крупнейшего российского государственного деятеля XIX века, владельца некогда великолепного Грэзинского имения, исходила из двух источников: от директора Новгородского государственного музея-заповедника Н.Н. Гринева и от Комитета по культуре и молодежной политике Администрации Чудовского района. Основные хлопоты по организации раскопок выпали на долю представителя чудовского комитета Нины Алексеевой. Ее стараниями было получено согласие Грэзинского сельсовета на вскрытие дорожного полотна на месте, где стоял разрушенный войной Андреевский собор, хранящий в своих руинах тайну графской могилы. Были получены и другие согласования и разрешения, в том числе от Института археологии РАН, приславшего Открытый лист на право производства раскопок. К автору этих строк присоединились чудовские учителя-историки Леонид Даугатс и Игорь Иванов. В Грузино к нам присоединились трое местных школьников. Уже при первой встрече чувствовалось, что они всерьез заинтересованы предстоящими поисками знаменитого земляка. Отряд был сформирован и готов к выполнению своей необычной миссии.

Почти сорок лет владея имением, А.А. Аракчеев непрерывно занимался превращением Грузина в великолепный архитектурный и ландшафтный ансамбль, для создания и украшения которого он приглашал наиболее известных архитекторов, скульпторов и художников своего времени. По признаниям современников и оценкам нынешних искусствоведов Грузинская усадьба, не уступавшая по своему оформлению многим ансамблям столичного Петербурга, могла бы украсить любой европейский город.*

Общий вид раскопок в селе Грузино летом 1999 г.

В апреле 1834 года устроитель имения был погребен, согласно завещанию, внутри собора Андрея Первозванного. К этому времени там уже находилась могила его любовницы Анастасии Минкиной, долгие годы управлявшей имением и зверски убитой в 1825 году дворовыми людьми.

После смерти графа в Грузине разместился кадетский корпус его имени, а с 1866 года оно служило местом постоя для армии. В советское время в имении был организован историко-бытовой музей. В годы войны, с 1941 по 1944 год, в Грузине находился немецкий плацдарм на правом берегу Волхова. За несколько лет непрерывных обстрелов и бомбежек выдающийся памятник усадебной архитектуры русского классицизма был превращен в груды камня и исковерканного металла. К началу раскопок площадь, где некогда высился Андреевский собор, была закатана асфальтом, лишь в центре нее находилось братское захоронение времен Великой Отечественной войны.

Благодаря совмещению одного из планов середины XIX века и топосъемки 1974 года нам удалось относительно точно вычислить местоположение собора Андрея Первозванного в современной планировке села. Территория северного придела храма, где, согласно описаниям и изображениям, располагался склеп Аракчеева, приходилась на проезжую часть асфальтовой дороги, ведущей к зданию сельсовета. После снятия дорожного полотна и расчистки слоев строительного мусора действительно была обнаружена кладка северной стены собора. Дальнейшая расчистка этой стены вывела нас на остатки постамента под памятник Павлу I, у подножия которого завещал похоронить себя А.А. Аракчеев.

* Мурашова Н.В. Архитектурный ансамбль усадьбы Грузино – произведение Ф.И.Демерцова // Панорама искусств. Вып.9. М., 1986. С.198-230.

Останки А.А. Аракчеева, извлеченные при расчистке разрушенного склепа

Уже в ходе раскопок из рассказов местных жителей стало известно, что в 1955 году могила графа Аракчеева была вскрыта и разграблена. Повторное вскрытие могильного склепа произошло в начале 1970-х годов, когда по территории разрушенного Андреевского собора была протянута линия теплотрассы.

И действительно, в нижней половине постамента были найдены следы сильно разрушенного кирпичного свода. Из земли на этом уровне были извлечены многочисленные фрагменты человеческих костей, обрывки позолоченных нитей, позумента и коричневого бархата. Находки указывали на близость возможных остатков захоронения. Однако дальнейшее углубление раскопа показало, что почти по всей площади склепа уложены бетонные плиты теплотрассы. Засыпка склепа приблизительно на треть состояла из человеческих костей разных размеров и сохранности. Из исторических источников известно, что на том месте, где при Аракчееве в 1806-1811 годах был построен собор, уже в XVI веке стояла одноименная каменная церковь*, внутри и снаружи которой, конечно, существовало церковное кладбище. Видимо, обнаруженная к востоку от склепа Аракчеева могила, в которой была похоронена девочка-подросток, относилась к этому погосту. Захоронение было повреждено еще в начале XIX века при закладке фундаментов собора. Множество других останков, найденных при расчистке храма, могло быть связано и с древним церковным погостом, и с захоронениями последней войны. Всего в ходе раскопок было собрано свыше 500 фрагментов человеческих скелетов, и в их определении оставалось надеяться только на помощь антропологов.

После расчистки склепа и извлечения всех возможных костей склеп и стена собора были тщательно зафиксированы с участием новгородских архитекторов Виктора и Марины Поповых, после чего руины храма были вновь засыпаны до лучших времен. Пожалуй, этот момент в нашей работе был самым грустным для грузинцев: ведь на их глазах из-под спуда разрушительного времени были извлечены осязаемые следы славной истории их села, и вновь оказались засыпаны ножом бульдозера...

Последним этапом грэзинской эпопеи стала антропологическая экспертиза, за которую взялся Денис Пежемский – научный сотрудник музея антропологии МГУ. Перед ним стояла нелегкая задача – выделить из собранных костей останки Аракчеева. Надо отметить, что опыт Пежемского в таких работах уникален, ведь ему приходилось разбираться и с костяками, найденными на новгородском Троицком раскопе, а последние два года именно он занимается идентификацией сильно фрагментированных мощей, обнаруженных при исследовании Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде.

Уже в конце августа были получены первые результаты, указывающие на присутствие в собранных костях фрагментов скелета Аракчеева, и даже его любовницы Анастасии Минкиной. Выделяющийся из всего комплекса внешний вид костей, захороненных в склепе, а также особенности телосложения «железного графа» несколько облегчили процедуру идентификации. К настоящему времени экспертиза еще не закончена, поскольку методика и результаты определения останков должны быть проверены и утверждены консилиумом специалистов. Тем не менее есть все основания надеяться на ее положительный результат, после чего бренные останки некогда всесильного Аракчеева смогут, наконец, обрести вечное упокоение в грэзинской земле.

6 октября 1999 года в Грузине, над местом обнаруженного склепа, в память 230-летия со дня рождения Алексея Андреевича Аракчеева впервые за многие десятилетия была отслужена панихида. В тот же вечер, в здании сельского Дома культуры состоялась научно-практическая конференция, посвященная личности знаменитого графа и современной оценке его роли в истории России, на которой грузинцам были доложены результаты раскопок. Дальнейшая судьба этого исторического места в их руках.

Остатки северной стены Андреевского собора и разрушенный склеп А.А.Аракчеева.

* Бахарева Ю.Ю. Церковь Андрея Первозванного в Грузино//Seminarium Bulkinianum (к 60-летию В.А. Булкина). СПб.,1999. С.93-105.

Георгий АКИМЧЕНКО

СТОН БЕЗЫМЯННЫХ МОГИЛ

Гражданское кладбище в поселке Лычково Демянского района. Могила ленинградских детей. Фото 1984 г.

В июле 1993 года с делом довольно бюрократическим — проверкой состояния памятников архитектуры и воинских захоронений — я отправился в командировку в Демянский район. Задание было несложным: за 10 дней все объехать, осмотреть памятники, а по возвращении заполнить длинные бумажные «простыни». В ту часть района, где расположены поселок Лычково и деревня Лужно, я попал только в самом конце своей командировки. Ехал с мыслью, что работа моя практически закончена: осталось осмотреть с десяток оставшихся памятников — и домой. И разве мог я подумать, что именно в Лычкове испытаю что-то похожее на потрясение?

На местном кладбище, сразу же за калиткой, мне в глаза бросилась довольно скромная могила с весьма скромной же надписью: «Ленинградские дети». Разглядывая ее, я не мог объяснить себе причину беспокойства, меня охватившего. На мой вопрос: «А, собственно, почему в Лычкове похоронены ленинградские дети?» — сопровождавшая меня сотрудница районного отдела культуры вкратце поведала эту историю. В 1941 году, рассказала она, эвакуировали детей из Ленинграда, на станции эшелон попал под бомбежку, убитых похоронили на здешнем кладбище. Сколько ребятишек погибло, она не знает.

И вдруг все сразу стало понятно. Могила была *безымянная*. «Как же так, — проносились мысли в голове, — я видел много братских могил наших солдат, среди них есть тоже безымянные, и тем отраднее видеть на обелиске сделанную надпись, что в ней захоронен такой-то погибший, иногда даже есть фотография. А здесь, через пятьдесят с небольшим лет, не только нет имен погибших, но и сама могилка могла бы выглядеть получше. Неужели никто не пытался установить имена и фамилии похороненных детей? И вообще восстановить события, происшедшие на местной станции в 1941 году?» Я задал этот вопрос вслух, но ответить мне на него сотрудница не смогла, потому что не знала. Вернувшись в Новгород, я попытался найти хоть какие-то материалы об этой трагедии. Увы, обнаруженного оказалось до обидного мало.

В паспорте на это захоронение было написано: «Летом 1941 года в связи с угрозой установления блокады Ленинграда было принято решение эвакуировать часть гражданского населения и в первую очередь детей вглубь страны. Во время прохождения одного из специальных пассажирских поездов через станцию Лычково фашистская авиация подвергла его бомбардировке. Под бомбами погибло много детей. Их похоронили на территории гражданского кладбища**. Количество захороненных, имена, фамилии не установлены»** (выделено мною — *Г. А.*).

Вот с этими сведениями я и начал свои дальнейшие поиски. Выступил на областном радио, и вскоре получил несколько писем от жителей города и области. Как оказалось, этой темой занимались еще и до меня. Очевидцы писали в местную газету, обращались в райком партии, рассказывая о тех событиях, с единственной просьбой — вернуть из забвения имена детей. В одном из писем мне писали, что в Лычково в начале 70-х годов приезжал известный поэт Михаил Матусовский, опрашивал жителей и собирался написать поэму о детях Ленинграда и о погибших в Лычкове. На эту же тему снимался какой-то документальный фильм.

Я написал заметку в ленинградскую газету «Смена», и вскоре у меня уже было десятка полтора писем от очевидцев (тех бывших детей, кого в 1941 году эвакуировали из Ленинграда и кто остался в живых). Помимо этого я снова побывал в Лычкове, но уже с диктофоном, и записал воспоминания старожилов поселка о тех трагических событиях. К сожалению, у всех этих воспоминаний есть — с точки зрения историка — один недостаток: они не всегда полны. Через столько лет трудно вспомнить хронологию событий, забываются даты, имена, подробности, в памяти откладывается что-то одно, наиболее поразившее, а остальное забывается. Винить тут некого, тем более что участниками этой трагедии были в основном дети. Поэтому я попытаюсь хотя бы приблизительно реконструировать события полувековой давности, привлекая к этому упомянутые мною воспоминания, книги и архивные документы. Сразу хочу оговориться: у этой истории пока нет окончания. Я также еще не могу назвать точно число погибших детей, но имею возможность назвать несколько фамилий. Но об этом ниже.

Мне на глаза еще не попадался документ (а он должен

быть!), который бы наконец пояснил: кем принято поистине беспрецедентное решение об эвакуации детей детсадовского и школьного возрастов (автор одного из писем, ссылаясь на книгу Гаррисона Солсбери «900 дней, осада Ленинграда», называет цифру 392000) из Ленинграда. Без родителей, на довольно большое расстояние, в районы, которые, по сути, не были подготовлены к принятию огромного количества ребятишек. Немалое число эвакуированных попало в Демянский, Маревский, Молвотицкий, Валдайский, Лычковский районы тогдашней Ленинградской области. Эту эвакуацию, в дни, когда до блокады города оставалось более двух месяцев, когда немцев приостановили на лужских рубежах, никто не назвал ни паникерством, ни самоуправством. Я не припомню, чтобы из Москвы, да и не только из нее, эвакуировали детей. Госучереждения, заводы, фабрики, людей семьями — да, но чтобы вот так, как сделали в Питере!..

В «Блокадной книге» Даниила Гранина и Алеся Адамовича приводятся воспоминания жителей об этой масштабной акции. Дневник Охапкиной: «26 июня 1941 года... Всех детей детсадовского и школьного возрастов предполагают вывезти в другие города, так как Ленинград будет подвергаться опасности». Из дневника Г.А. Князева: «1941. VII. 7. ... Третьего дня (то есть 4 июля — *А.Г.*) эвакуировались дети. Теперь предполагают эвакуировать не только детей, но и взрослых, которые могут сопровождать своих детей».

Отправка производилась от административных зданий районов города. На вокзалы — Московский и Витебский — детей либо привозили в автобусах, либо они шли пешком. Сцены при этом были душераздирающие: неразбериха, крики, детский плач. М.В. Маслов в своем письме подтверждает воспоминания драматурга Александра Штейна, приводимые в книге упомянутого Гаррисона Солсбери: «Невский проспект забит автобусами, трамваями, в которых полно плачущих детей, встревоженных родителей...» Своим респондентам я задавал вопрос: «В каких вагонах вас отправляли?» Получалось, что кого-то в пассажирских вагонах, а кого-то в теплушках. В своей книге «Холодное солнце» Ирена Дубицкая так описывает отправку:

«— Первые классы! Построиться парами! — объявляет женщина со щитом (на щите выведено крупно “206 школа”). Стася с Варей хватаются за руки. У каждой за спиной по новенькому рюкзаку с продуктами.

— Девочки, давайте сюда. — Папа ведет их к началу перрона, вдоль которого с двух сторон товарные составы.

— Это что ж, дети поедут в товарных?

— Как солдаты — по закону военного времени!

... Начинается спешное, лихорадочное прощанье, всхлипы, плач, вскрики — “мама!”...»

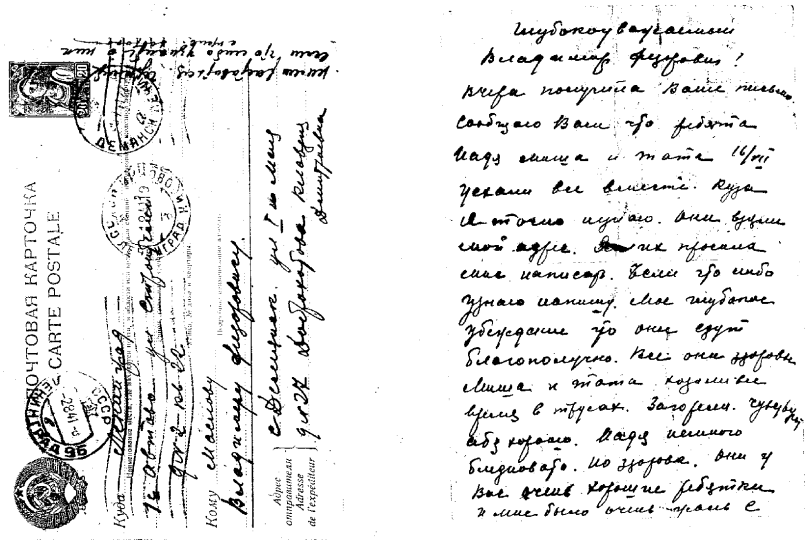
В вагоны садились и по классам, и по школам, и по спискам на эвакуацию. С собой брали сменную одежду. Как вспоминает В.В. Дальгрен (он учился в интернате НКВД, в 1941-ом ему было 11 лет), в его вещах было зимнее пальто, за что его отца какой-то начальник упрекнул в паникерстве, — следовало взять немного еды, туалетные принадлежности и что-нибудь по мелочам. Могу себе представить, как собирали детишек в возрасте двух-трех лет, особенно когда мама утром отводила ребенка в садик, а придя за ним вечером слышала: «А ваша дочка сейчас, видимо, уже в Демянском районе!» Читатель, представь себе эту ситуацию, и что это твоего ребенка, без твоего ведома увезли куда-то! А ведь я пишу о вполне реальном случае. Свою трехлетнюю дочь мать благополучно нашла в Демянске, где и осталась жить. С ее дочерью я разговаривал, она теперь, естественно, взрослая женщина, в 1994 году работала в районном отделе культуры.

Везли, как думали, в глубокий тыл, а, как потом оказалось, привезли в самое пекло. По прибытии детей распределили по деревням и селам. Жили кто где: в избах-читальнях, домах колхозника, по частным домам. Пустующие помещения спешно переоборудовались под жилье. Устанавливались нары, дети сеном набивали себе матрацы и подушки. Руководители договаривались с местным начальством о кормежке. Догляда за ребятами практически не было. Приведу один документ (орфография и пунктуация сохранены):

«Председателю сельсовета, секретарю парторганизации, всем педагогам района и педагогам г. Ленинграда прибывшими с детьми.

В связи с прибытием детей из г. Ленинграда в Валдайский район, до 15/VII в каждый с/совет будет направлено для размещения дети ясельного, дошкольного и школьного возрастов. В процессе размещения детей в сельской местности уже имеют место ряд случаев неорганизованности, неподготовленности к приему детей; в результате чего прибывшие дети находятся в крайне плохих условиях. Помещения общежития (школы, избы-читальни, пустующие дома) в ряде мест как следует не подготовлены, не заготовлено сено, солома для набивки матрацев и размещение детей идет крайне неорганизованно.

Педагоги района по настоящему не включились в работу по организации приема детей и проведения с детьми воспитательной работы. Отдельные прибывшие педагоги и воспитатели из г. Ленинграда вместо организации работы с детьми и осуществления неослабного наблюдения за ними, занялись прежде всего устройством своих личных интересов, в результате чего дети в ряде мест находятся без присмотра и предоставленные самим себе — убегают в поле, на озера, купаются на лодках и не исключена возможность отдельных несчастных случаев.

Открытка, посланная из Демянска в Ленинград 16 июля 1941 г., за два дня до бомбежки на станции Лычково

Исполком райсовета и РК ВКП(б) считают такое положение в дальнейшем недопустимым — предлагают председателям с/советов, секретарям парторганизаций и педагогам немедленно устранить все отмеченные и имеющиеся недостатки в приеме и организации работы с детьми.

Предупреждаем, что председатели с/советов, секретари парторганизаций и педагоги несут полную ответственность за состояние работы с детьми и их дальнейшее благополучие.

Председатель исполкома Райсовета Филипьев
Секретарь РК ВКП(б) Коленов
7 июля 1941 г. № 58»

И вот, наконец, мы почти вплотную подошли к самому главному.

К середине июля фронт на лужских рубежах стабилизировался, наступление передовых немецких частей было остановлено до подхода основных сил группы «Север». Однако, остановленные у Луги, немцы активно вели наступательные действия южнее озера Ильмень на Шимск, Сольцы, Демянск. И хотя нашими частями был нанесен ощутимый контрудар и освобождены и Сольцы и Шимск, тем не менее было ясно, что противника на рубежах не удержать.

Во все районы, где находились привезенные дети, полетели срочные телеграммы с указаниями о повторной эвакуации. На этот раз еще дальше — в Ярославскую и Кировскую области. Детей спешно собирали, грузили на машины, подводы, или пешком отправляли на железнодорожные станции: в Лычково, в Старую Руссу, в Валдай. А к этому времени железную дорогу, на которой находились названные станции, уже бомбили. И бомбили жестоко.

Гражданское кладбище на станции Боровенка Окуловского района. Братская могила

По прибытии на станцию детей разместили по домам. Сколько их собралось здесь – трудно сказать. В воспоминаниях упоминаются цифры от 3000 до 19000 ребят, вместе с воспитателями и педагогами. На станции уже стоял поезд. Здесь тоже не совсем понятно: одни пишут, что состав был товарный, другие — пассажирский. Трудно установить также дату гибели детей, — пишущие практически не помнят ее: «это было в середине лета», «в середине июля», «в конце июля», «в августе». Такое впечатление, что под бомбы попали практически все прибывающие в Лычково и в конце июля, и даже в августе. Но могила-то одна. И на кладбище в деревне Лужно похоронены девочка и мальчик, умершие от ран 17 июля. А посему возьмем эту дату за отправную, несмотря на то, что в воспоминаниях называют другие даты.

Итак, 17 июля 1941 года. День ясный, солнечный. Прибывших детей кормят в столовой и начинают грузить в поезд. Но лучше предоставим им самим слово (орфография и пунктуация авторов сохранены, в скобках указан возраст рассказчиков на момент происходящих событий).

ДАЛЬГРЕН Виктор Всеволодович (11 лет): «...В первых числах августа нас набили в автобус и снова повезли в Лычково... Вскоре началась посадка в огромный эшелон. Наша начальница требовала от начальника эвакуации, некоего Михайлова (директора одной их школ Дзержинского района Ленинграда), чтобы нас посадили в пассажирские вагоны, стоявшие у перрона. Но он посадил в эти вагоны «свои» школы (в памяти остались номера школ 182, 183 или что-то похожее) Дзержинского района. Мы разместились в теплушке. За нашим эшелоном стоял подошедший эшелон с «новобранцами». Вооружения у них не было никакого. Услышав возгласы «Летит! Летит!» я выглянул из вагона и увидел высоко в небе самолет, подходивший с «хвоста» под углом порядка 40 градусов, справа... Я успел спрыгнуть на землю и метнуться под вагон. Раздались оглушительные взрывы... Я прятался в яме под корнями большого дерева. Все было как в кошмарном сне. Потом, вдруг, оказалось, что все вокруг темно и тихо. В лесу кричали, созывая детей по своим группам. Я нашел своих. Мне дали нести малыша лет четырех. От усталости он не мог идти. Устроили нас в каком-то доме. Я устроился под столом. Ночью (во времени я уже не ориентировался) нас повели на станцию. У некоторых девочек было сильное нервное потрясение. Их вели... Говорили, что бомбы накрыли пассажирские вагоны и погибло много ребят из школ Дзержинского района».

МАСЛОВ Михаил Владимирович (9 лет): «...А потом — Лычково. Железнодорожная станция. Солнечный день. На станции сосредоточили громадное количество детей. Тот же принцип: кормежка и посадка в эшелон. Тут руководство двух районов — Кировского и Дзержинского — повздорило между собой, кому раньше производить посадку. Стали садиться в поезд

дети Дзержинского района, а нас — в столовую. Не успели притронуться к еде, как раздался страшный грохот, все подпрыгнуло, звон стекла. Кто кричал, кто плакал... В окно мы увидели бегущую женщину (никогда не забуду), рвавшую на себе волосы, невменяемую. Она, конечно же, видела уже страшные результаты бомбежки — было прямое попадание в первые два вагона с детьми и паровоз...»

КОТОВ Н. (сотрудник НКВД Лычковского района в 1941 году): «...фашистский самолет с выключенным мотором из облаков сбросил 20 осколочных бомб на детей. Одна бомба попала даже в трубу паровоза. Когда я выскочил из здания НКВД за канавой в сквере лежал убитым наш сотрудник Кудряшов. Посмотрел на эту страшную жуткую картину, сколько было убито детей, их куски тел были вместе с одеждой разбросаны по висящим проводам, на крышах близь лежащих домов. Много было искалеченных, но еще живых, кричали: «Дяденьки, помогите». Сколько их было убито и ранено неизвестно. Многие погибли и сопровождающие детей. Тела убитых были убраны и захоронены на кладбище п. Лычково».

ЮГОВ Вениамин Иванович (13 лет): «В 13-14 часов нас построили и повели в столовую. Когда сидели за столом, раздался сильный взрыв и еще несколько подряд... Когда я прибежал на станцию, наш эшелон стоял на 1 пути, в паровоз попала бомба, 4 первых вагона были разбиты, это вагоны 182 школы, на перроне лежали убитые и раненые дети, несколько женщин, военные и железнодорожники оказывали им помощь. Директор нашей 182 школы и другие руководители фотографировали разрушения и убитых для дальнейшего опознания. На перроне я увидел Тамару Воробьеву и ее подругу Лиду Виноградову. Тамара была убита, Лида ранена в живот».

РОК Лев Моисеевич (8,5 лет): «Бомбежка была как раз тогда, когда я и мой напарник шли с дежурства (ребята охраняли вещи на станции — *А.Г.*) в красный дом, т. е. в 12.30 (часы висели на вокзале). После бомбежки, нас живых и не раненых увели в лес и мы сидели там до рассвета... из детей с завода «Красный химик» погибли только двое: Козловский и его напарник...»

ПАВЛОВ Иван Максимович (житель Лычкова, 8 лет): «...День был солнечный. После бомбежки на вокзале когда там все горело, мы с двоюродным братом потихоньку стали пробираться к вокзалу. Отлично помню висевшие на проводах кишки и еще какие-то останки погибших. Вокруг был народ. Крики, плач. Мы подходили к этому месту и смотрели метров за 70-90».

МАКАРОВ Ю. (ветеран СЗФ, капитан в отставке): «А рано утром над еще не проснувшейся станцией появились фашистские стервятники началось ужасное, несмотря на то, что были выставлены белые с красным крестом флаги, эшелон в короткое время был разбомблен целиком. Буквально никто из детей не уцелел, практически не было даже целых трупов, все было разорвано на куски и клочья, так мне рассказывала одна из жительниц Лычкова видевшая весь этот ужас. Им же и пришлось хоронить. Останки детей собирали в ящики по кускам, снимали с ближайших деревьев кусочки, шмотья кровавые, искали и находили ручки, ножки, головки по отдельности. Эта женщина говорила, что она была вне себя и действовала как автомат, буквально все находились в шоке и долгие годы после им это снилось».

На этом довольно кровавом рассказе я позволю себе прерваться. В 1994 году, беседуя с жителями поселка, я каждого выспрашивал: что он видел лично, а не слышал со слов соседа или знакомого. Из десятка опрошенных все помнят, что были убитые дети, а вот количество не могут сказать. Одна из старожилок Лычкова (ей было 94 года, но память — дай Бог каждому) рассказала, что в те июльские дни она вместе с остальными жителями работала на устройстве противотанкового рва. После бомбежки их, как уже вполне опытных землекопов, отправили на кладбище для рытья могилы. Со станции погибших привозили на машине. Таких машин было несколько, и хотя нагружены они были не полностью, все равно число погибших детей заходит за два десятка. Еще она говорила, что в машине находились оторванные конечности, причем немалое количество. Да оно и понятно: от разрыва бомбы и рана тяжелее, а бывает, что и человека не найти.

В основном все воспоминания жителей Лычкова хоть и рознятся между собой в датах, тем не менее общая картина вырисовывается. Да, бомбили. А точно ли 17 июля? И 17-го бомбили, и потом — вплоть до занятия поселка в августе 1941 года. Станция хоть и некрупная, но все-таки, да и мост неподалеку. Дети, которых привезли на станцию из Демянска, Марева, тоже попали под бомбежку. Погибших было много. Сколько конкретно? Вопрос, думаю, недалекого будущего.

В упомянутой мною выше «Блокадной книге» есть целая глава «Первая эвакуация детей», как раз и посвященная событиям, о которых я здесь пишу. Но по этой книге как-то гладко все выходит. По воспоминаниям одной из сопровождающих бомбежка была, но не было погибших; правда, были раненые, но они благополучно отправились вместе с медицинским персоналом обратно в Ленинград. Тогда кто же захоронен на лычковском кладбище? А в деревне Лужно две могилы — Герейко Катюши 14 лет и Беляева Андрея 13 лет, умерших от ран 18 июля 1941 года? Их привезли в лужновскую амбулаторию, но спасти не сумели: у девочки была огромная рана бедра, а мальчик умер от потери крови. Кстати, Лидия Васильевна Образцова, женщина, которая ухаживает за этими могилками уже лет 40, рассказала, что Катин отец в том же июле как-то сумел пробраться с фронта в Лужно, узнал, где захоронена его дочь, откопал ее (она и мальчик был похоронены без гробов) и перезахоронил по всем правилам.

Сколько еще детей погибло вместе с родителями, которые, узнав о бомбежке, ринулись искать своих детей по станциям? На станции Боровенка Окуловского района на местном кладбище тоже есть братская могила ленинградских детей. «Во имя жизни и против войны» — написано на обелиске. Могила тоже безымянная.

Говорят, что войну нельзя считать законченной, пока не похоронен последний павший солдат. Добавлю от себя: и пока не будут все погибшие названы поименно, хотя бы на могильных камнях. Исходя из этого я могу предположить, что для нас война будет длиться еще Бог знает сколько времени, и одному Богу известно, когда она закончится.

Илья СМИРНОВ

СОЛЕВАРНИ В НЕНОКСЕ

В 1970-1980-е годы научные сотрудники Кирилло-Белозеского музея-заповедника довольно часто выезжали в комплексные и тематические экспедиции по сбору экспонатов. Обследовали, как правило, территорию своего Кирилловского района и часть соседних, земли которых когда-то входили в состав обширного Кирилловского уезда. В другие районы Вологодской области выезжали редко. В 1985 году решили изменить сложившиеся традиции. Вместе с научными сотрудниками Соловецкого музея-заповедника кирилловские музейщики запланировали побывать на берегах Белого моря. Целью столь далекого экспедиционного маршрута стала деревня Ненокса Архангельской области. Название этого населенного пункта впервые упоминается в одной из договорных грамот 1386 года. В XVI веке Кирилло-Белозерский монастырь приобрел в Неноксе несколько солеварен. С той поры на протяжении двух с половиной столетий соляной промысел в Неноксе приносил монастырю устойчивые доходы. При Екатерине II монастырь утратил контроль за добычей и продажей соли, но из записок путешественников XIX века известно, что производство соли не прекратилось, а продолжало существовать уже как крестьянский общественный промысел. Сохранилось ли что-нибудь от него сейчас, как он был устроен? На эти и другие вопросы должна была ответить экспедиция, отправленная в Неноксу в конце июня 1985года.

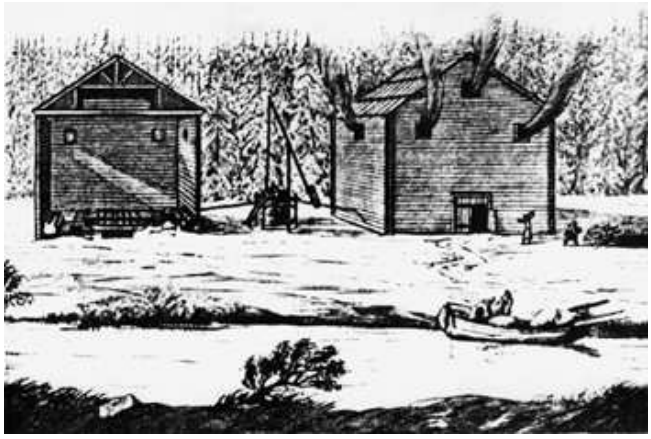
Состав экспедиции был невелик: руководитель – зам. директора по научной работе Иванова Галина Олеговна и я – заведующий отделом истории. С большими трудностями мы получили разрешение на проезд в приграничную зону. Но вот организационные проволочки позади. В последний момент выяснилось, что Соловецкий музей не сможет принять участие в экспедиции из-за болезни предполагаемого участника, и кирилловчанам пришлось в одиночку исследовать соляной промысел в Неноксе...

То, что удалось нам увидеть, превзошло все ожидания. Деревня Ненокса раскинулась на холмистом берегу реки Верховки в пяти километрах от побережья Белого моря. В центре большого населенного пункта в 350 домов сохранился великолепный ансамбль XVIII-XIX веков, состоящий из двух деревянных церквей с колокольней посередине, а за ними, в глубокой впадине на берегу Соляного ручья, находился участок, где располагались солеварни.

Здесь участники экспедиции увидели покосившийся сруб солеварни, который можно датировать началом XIX века. Остальные солеварни окрестные жители давно уже употребили на дрова и прочие нужды. Недалеко от входа в солеварню виднелся сруб колодца с высокой деревянной трубой, через которую качали рассол из подземных источников. Здесь на берегу ручья земля изобиловала соляными ключами, они-то и давали соль хорошего качества (соль эту в народе так и называли – «ключевкой», в отличие от соли, выпаренной из морской воды – «морянки»). От колодца по специальным деревянным желобам рассол подавался в солеварни – варницы и заливался в црены. Соль выпаривалась, доставлялась в соляные амбары и из них развозилась по многим городам и селам, а в XVI-XVIII веках в большом количестве поступала и в Кирилло-Белозерский монастырь.

Вся картина древнего промысла живо возникла перед нашими глазами. И это неудивительно: сохранилась почти целая варница. В ней уцелел, хотя и вросший в землю и сильно проржавевший, но еще крепкий, црен, сохранились засеки (сусеки) в углах варницы. Рядом с солеварней можно было осмотреть соляные колодцы и неглубокие подземные каналы с деревянными желобами, по которым тек рассол от труб-качек в варницы. Рассказы старожилов дополнили недостающие детали картины. Мы записали их воспоминания, сделали обмеры сохранившихся сооружений, которые сфотографировали, и даже вывезли часть солеваренного оборудования в музей.

Надо отметить, что солеваренное производство в Неноксе было прекрасно продумано и организовано. Этому благоприятствовали и природные факторы. Соляные варницы разместились в низине, в излучине Соляного ручья. Этот ручей отделял промысловую площадку от жилой застройки деревни. Расположение в низине благоприятствовало добыче соляного рассола (так как, вероятно, соляные пласты здесь максимально близко подходили к поверхности), а также спасало жилой сектор – деревню – от довольно частых на таких промыслах пожаров. Для защиты его от паводковых вод была сделана искусственная насыпь – обваловка по берегу ручья. Вся площадка занимает значительную территорию, несколько вытянутую с запада на восток. Размер ее 95х50 метров. С севера она ограничена берегом ручья, а с юго-востока – дорогой, ведущей к центру деревни и к соляным амбарам, расположенным на Нижнем озере (местное его название – Озерко, или Озерко Устречка). За дорогой по берегу ручья была еще одна промысловая площадка. Возможно, она использовалась и под

Соляная варница на р. Мшаге.
Из книги Э. Пальмквиста. XVII в.

Солеварня. Вид с востока

дровяной склад, и под размещение варниц, а в настоящее время свободна от всякой застройки. На первой площадке стоит соляная варница и фрагменты трех соляных скважин, в том числе одна с неплохо сохранившейся подъемной трубой-качкой, кроме того «растворный узел» с системой подземных каналов, а также множество фрагментов старых цренов, живописно разбросанных по всей рабочей площадке и большей частью уже вросших в землю.

Соляная варница представляет собой довольно большой деревянный сруб размером 10,7х10,3 метра в основании. Высота солеварни от основания до конька была сделана из теса и имела вытяжные трубы (в настоящее время и то и другое утрачено).

Внутри варницы сохранилось почти все оборудование. В первую очередь надо отметить остатки громадного кованого железного црена – квадратной сковороды размером 520х520х40 см, лежащей в центре варницы. В настоящее время большая ее часть скрыта землей, но борта црена хорошо видны, что и позволило сделать замеры этого уникального сооружения. Это тем более важно, что больше нигде в таком хорошем состоянии на рабочей площадке црены уже не встречаются. Под цреном в варнице располагалась яма-топка, а над сковородой сохранилась конструкция из четырех бревенчатых перекладин, укрепленных на врытых в землю столбах. В северо-восточном и северо-западном углах варницы присутствуют остатки засеков для окончательной сушки соли. Засеки выполнены из толстых досок, вставленных в пазы вертикально стоящих бревен.

В девяти метрах от варницы сохранилась ближайшая скважина в виде бревенчатого сруба размером 1,89х1,75 м. Сруб на полметра выступает над поверхностью земли. Глубину скважины установить не удалось, так как вся она завалена мусором (жители близлежащих домов используют скважины как место свалки). Почти в центре сруба возвышается над колодцем солеподъемная труба-качка. Высота ее над уровнем сруба – 2,53 м. Труба выполнена из цельного дерева диаметром 31 см. Чуть выше сруба труба стянута металлическим обручем. В верхней части трубы сбоку сделано отверстие для слива рассола. Из воспоминаний старожилов известно, что при помощи таких труб и качали рассол.

Остается добавить, что в ходе осмотра деревни Неноксы нам довелось увидеть еще сохранившийся, но давно практически не используемый фрагмент дороги-узкоколейки, когда-то проложенной от варниц к соляным амбарам. Два очень крупных сооружения с порыжевшими от времени и соли стенами в настоящее время используются для хранения какого-то товара, поэтому внутрь участникам экспедиции попасть не удалось. При внешнем осмотре на одной из стен амбара выявилась вырубленная топором надпись «17... год». По словам одного из местных жителей внутри амбара тоже есть дата – «1795 г.». Амбары стоят на берегу Нижнего озера. Из него вытекает река, впадающая в Белое море. По этому пути соль и попадала из Неноксы в Архангельск, на Онегу, в русские города и села, в том числе и Кирилло-Белозерский монастырь. Рядом с соляными амбарами на берегу реки лежат два баркаса – большие морские лодки, очевидицы и участницы долгих морских и речных походов, оставшиеся без работы и тоже превращенные местными жителями в место свалки. Горестно было видеть эти добротно сделанные суда лежащими на берегу и почти доверху набитыми бытовым мусором.

Чтобы не закончить рассказ об экспедиции на столь печальной ноте, добавлю, что не все жители Неноксы равнодушны к своему прошлому. Некоторые помнят и берегут памятники истории и архитектуры, в том числе и церкви, стоящие в центре села. На одном из домов деревни мы увидели мемориальную доску, напоминающую о том, что в нем жила в ссылке в 1904 – 1905 годах революционерка В.Ф. Фигнер. Часть жителей-старожилов охотно поделилась с нами воспоминаниями о соляных промыслах (их воспоминания приложены к данной статье). Администрация совхоза помогла нам в сборе экспонатов и с транспортом. У председателя сельсовета Василия Федоровича Голубицкого, учителя истории по специальности, были хорошие задумки о создании музея в Неноксе. Кстати, участники экспедиции выражают ему горячую благодарность за действенную помощь в решении многих проблем. Он же стал и третьим, нештатным членом экспедиции – фотографом.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОЖИЛОВ ДЕРЕВНИ НЕНОКСА

ПУРНЕМЦЕВ Александр Иванович, год рождения 1895, уроженец д. Ненокса, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер ордена В. И. Ленина, потомственный моряк, прошедший путь от юнги до капитана.

Будучи мальчишкой, я часто бегал на соляные варницы, и хорошо представляю процесс солеварения. В те годы на берегу Соляного ручья стояло 12 варниц, правда, значительная их часть была довольно ветхая, и соль в них уже не варили. Вар-

ницы были деревянные, крыты тесовой кровлей на два ската. На кровлях имелись деревянные вытяжные трубы для удаления из варниц дыма. Внутри варницы висел црен – огромная квадратная в основании сковорода. Она подвешивалась на специальном устройстве. Для удобства подвески црена в нем на дне были устроены скобы – за них прутками и подвешивали црен к бревнам специальной конструкции, установленной в варнице. Црены делали свои кузнецы. Под цреном в земляном полу варницы была выкопана яма-топка. От дна ямы до црена было до 1,5 метра высоты. По периметру яма до самого црена выкладывалась камнем, который предохранял от пожаров.

Соляной рассол из скважины, от трубы-качки, подавался по специальному желобу прямо в варницу и црен. От одной трубы-качки, как правило, подавали рассол в несколько варниц, и поэтому желоба веером расходились от скважин к варницам. Качали рассол обычно женщины. Рассол в скважинах был густой, и концентрация его доходила до 12 процентов.

После заливки рассола в црен в топке разводился огонь, и начиналась выварка соли. Топкой, как правило, занимались старики. На одну варку расходовалось до 132 сажени дров. Выход соли с одной варки достигал 100 пудов (1600 кг).

Заготовкой дров занимались многие жители Неноксы. Они рубили дрова по берегам реки Верховки, по ней же дрова и сплавляли. Верховкой река называется потому, что вытекает она из верховых озер. Заготовляли дрова обычно зимой. Их пилили, укладывали в штабеля, а весной сплавляли вниз по течению реки. У деревни была запань, в ней-то и ловили бревна, вытаскивали их на берег и на лошадях подвозили к варницам. Одно время заготовку дров монополизировала одна купчиха (имя не помню), которая заготовляла за сезон до 3000 саженей дров.

После того, как вода из рассола выпаривалась, на дне црена оставалась соль. При сильном нагреве она разбухала, как каша. Ее сгребали и перекладывали в засеки, а црен был готов для новой варки. Время от времени приходилось удалять золу из топки. Одна варка продолжалась обычно полтора суток.

Засеки делались внутри варниц. В них, помимо стенок, имелся и деревянный пол. Соль укладывалась в них на одни-двое суток, затем подсушенную соль засыпали в мешки и отправляли на соляной склад, стоящий на берегу реки Верховки. Соляной склад состоял из нескольких больших амбаров (до настоящего времени уцелело два). Возили соль из варниц на подводах. В первые годы Советской власти от варниц до склада проложили узкоколейную железную дорогу, но в вагонетки с солью впрягали лошадей.

Сельские ребятишки любили ходить в варницы, так как им нравилось варить картошку в кипящем рассоле. Картофель накладывался в чистый полотняный мешочек и опускался на 15 минут в црен. Картошка, сваренная в соляном рассоле, была замечательно вкусной. Особенно любили ребятишки варницу, где варил соль Еким Ермолин. Он любил детей и никогда им не отказывал, только следил за тем, чтобы мешочки для варки были чистыми, а от девочек за варку требовал еще и поцелуя.

Закончили варить соль еще до 1917 года; правда, в Великую Отечественную войну, когда вновь почувствовался острый недостаток соли, жители деревни вновь вернулись к промыслу, но уже на новой основе. Для варки соли были изготовлены маленькие црены, размером 40х40х10 см. Варили соль только для собственных нужд.

ЕРМОЛИНА Ульяна Андреевна (1895 г.р.) и ее дочь Мария Афанасьевна (1918 г.р.). Мария Афанасьевна до замужества работала солеваром.

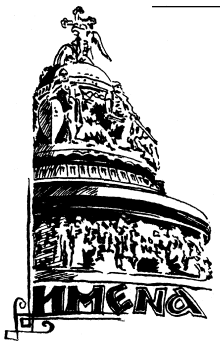
На Соляном ручье стояло четыре варницы. Жители села все участвовали в солеваренном промысле, но варили по очереди. Для осуществления варки объединялись в небольшие группы-артели. Членов такой группы называли дольщиками. Одна варка артелью называлась сугреб. Доходы от продажи соли с такого сугреба шли в пользу всех членов-дольщиков, а продавали соль в специальной лавке в городе Архангельске, устроенной от деревни Ненокса.

Внутри варницы был котел, или черен (црен – **И.С.**). Он устанавливался на камнях. В него по специальному желобу от скважины подавался соляной рассол. В скважине устанавливалась труба для качки рассола. Она соединялась с ручным насосом. Для того, чтобы наполнить черен, приходилось делать 200 качков. Качали, как правило, женщины, и вдвоем. После заполнения черена зажигали огонь в топке и начинали варить соль. Солеваренный процесс шел три дня. Первые два дня поддерживали сильный огонь, а на третий – слабый. Вода из рассола испарялась. Для контроля за варкой соли использовали березовую палочку длиной до метра, толщиной в палец. Ее опускали в рассол и помешивали; как только палочка покрывалась плотным слоем соли, сильный огонь в топке прекращали и поддерживали слабый жар; вода активно испарялась и соль выпадала на дно черена. В черене соль сгребали деревянными лопатами-граблями, а переносили соль в сусеки уже металлическими лопатами. Соль находилась в сусеках двое-трое суток, где окончательно высыхала. Затем соль ссыпали в мешки, выносили из варницы, грузили на подводы и везли на соляные склады, которые стояли вдоль реки Верховки. В амбарах для хранения соли имелись также сусеки. Высота их доходила порой до крыши. В таком случае заходили с мешками соли по трапу до верхней двери амбара и засыпали соль сверху. Из одной варки выходило тонны полторы-две соли.

В годы Великой Отечественной войны в Неноксе работал «соляной завод» (видимо, небольшое предприятие). Его контора существовала до 1943 года, но сами работы прекратились раньше. Соль, вываренная на «заводе», еще долго хранилась в амбарах. К варницам с реки (от соляных складов) была проложена железная дорога-узкоколейка. По ней возили дрова к варницам. Рабочей силой на дороге были лошади.

Остатки црена на участке варниц

Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕСТРАХ ГИППИУС

С опозданием в несколько лет случилось мне купить в книжном магазинчике Новгорода Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома за 1978 год. В книжке меня прежде всего заинтересовал материал, публикуемый и комментируемый С.С. Гречишкиным и А. В. Лавровым: «А.А. Блок. Письма к Т.Н. Гиппиус». И вот, по прочтении всего, что вместе с публикацией писем Александра Блока здесь коротко рассказано о близких и дорогих мне людях — Татьяне Николаевне и Наталье Николаевне Гиппиус, я решился написать о них полнее — с благодарной любовью почтить их следующими записками, исключительно тёплый тон которых подсказан действительностью, не нуждающейся, ради похвалы, в преувеличении и предвзятом вымысле. Непосредственность оставшихся в памяти детских впечатлений (как первоисточник воспоминаний) я дополняю ныне соображениями взрослого человека — поясняющими, но отнюдь не искажающими суть дорогих мне образов.

Мой отец, Борис Константинович Мантейфель, один из организаторов и участников спасения новгородских музейных ценностей в начале Великой Отечественной войны (эвакуация их в город Киров), вскоре после освобождения Новгорода в 1944 году вернулся сюда для восстановления музея. Возвращались из тыла музейные сокровища, возвращались люди, приехали из Кирова по вызову отца и мы с братом и матерью (также участвовавшей в спасении музея).

Новгород, как известно, был почти уничтожен немцами; мы поселились в полуразрушенном кремле, в древнем Никитском корпусе, мало пригодном для жилья.

В 1944 году мне было семь лет, и, разумеется, я смутно помню тех людей, что обживали кремль, работая вместе с моими родителями в возрождавшемся музее.

Не помню точно и времени, когда произошло знакомство и началась дружба наша с Т.Н. и Н.Н. Гиппиус, но это было вскоре же по окончании войны. Старушки жили рядом, в надвратной церкви Сергия Радонежского возле Евфимиевской часозвони кремля.

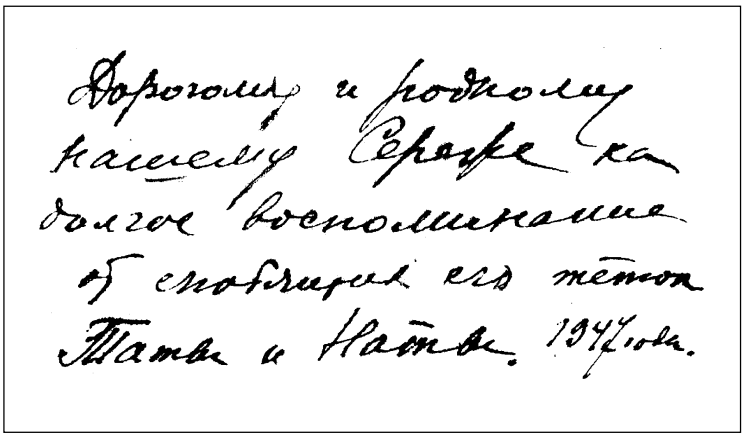
Милые, добрые тетя Тата и тетя Ната, так в душе называю я их до сих пор, — они словно с самого моего рождения вошли в мою жизнь как нечто неповторимое, незаменимое, чистое и светлое, безмерно доброе, по-матерински заботливое и в доброте своей неутомимое и самоотверженное.

Я был оголодавшим, диковатым, растерянно-робким и, видимо, жалким (последствия войны) мальчишкой, и, словно родного, старушки пригрели, приютили меня. Сами они жили в нужде почти нищенской — как многие и многие люди в ту пору. Не хватало продуктов, дров, одежды. Убого выглядели жилища. В труднейших условиях приходилось жить и работать. Да еще, как я теперь понимаю, старушки были мало приспособлены к превратностям сурового быта тех неустроенных лет, требовавших от человека особой физической и духовной стойкости. А Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна были уже слабосильны телом и — до щепетильности деликатны в общении с людьми.

И вот, среди прочих забот, ежедневными их помыслами было из последнего уделить хоть малую толику чего-нибудь «вкусненького для Сережи» — кусочек хлеба, чашечку молока. Иногда они с такими подарками заходили к нам домой. Но чаще я сам прибегал в их келью. Темную, в густых пятнах неистребимой разноцветной плесени на закопченных стенах и сводах, насквозь пропахшую нездоровой сыростью — и такую для меня уютную, пригожую, непременно обещавшую — и даривщую! — сочувственную ласку. Ласковы и уютны были и старушечьи воркующие голоса, и попыхивающая теплом дымящая развалюха печка, и булькающий с присвистом медный помятый самоварчик.

В сравнении с комнатенкой, вмещавшей мою семью, то, что я назвал кельей старушек, выглядело жильем все же не малым, казавшимся особенно просторным из-за высоких потолков, уходящих в темноту. Но туда, наверх, где уже не было жизни и уюта, я не любил и избегал смотреть. Верх отпугивал меня мрачной пустотою разоренной гробницы. И окошки-то, казалось, освещали только низ жилья; зато тут уж был рай.

Церковное помещение разделялось на несколько отделений ширмами и перегородками, так что образовались здесь и «приемная», где можно было переговорить с посетителями, да и пообедать; и хозяйственное отделение — «кухня» с побеленной, хоть и растрескавшейся, кирпичной плитой, с капризной в работе керосинкой, ведрами для воды, продуктово-посудным ящиком-шкафом и прочим; и самый дальний от входа — заветный уголок: с обтянутой черным железом круглой, до потолка,

Дорогому и родному нашему Сереже на долгое воспоминание о столичной его тете Тате и Нате. 1944 июль.

печкой и заложенными за нее для просушки дровами, с двумя лежанками, с настенной росписью «Деисус» в широкой полукруглой нише, с маленьким самодельным столиком под клеенкой, занятым книгами, иконками, прислоненными к стене, всевозможными коробочками с мелкими нужными вещицами. Но оставалось на столе и местечко для чайных чашек и блюдечка с вареньем. Здесь, в уютной тесноте, велись самые задушевные, неторопливые беседы с желанными гостями, и чашечки снова и снова наполнялись горячим, из самовара, чаем.

Здесь меня расспрашивали о моих мальчишеских делах и похождениях, озабоченно интересовались, хорошие ли у меня во дворе товарищи, читаю ли я книжки и что читаю, помогаю ли дома родителям.

А я — под живое сопение, шуршание и потрескивание топящейся и греющей нас печки — заслушивался каким-нибудь, всегда незаметно поучительным, рассказом, воспоминанием старушками их детства, а более — самими их голосами, интонацией говоримого — особенной, располагающей к детскому доверию музыкой слов, произносимых неторопливо, покойно, напевно и, вместе, значительно и убеждающе, но без малейшей тени обидного менторского нажима, обычно различаемого ребенком в речах взрослых.

Татьяна Николаевна (слева) и Наталья Николаевна Гиппиус. Фото 1947 г.

Хоть на полчасика вернуться бы в то время, увидеть сутулые фигурки и теплые, любимые глаза, услышать отводящие всякую душевную боль милые голоса, этот переродившийся в звуки человеческий свет... Божий свет...

Вернуться бы в свою детскую радость, в прежнюю доверчивость, в нераздвоенное свое сознание и чувство... В ту ребячью благодарность, которую и сам-то в себе не замечал, а старушки, может, и видели, да, наверное, более были поглощены кратким отдыхом, подаренным воспоминаниями вслух — иной жизни...

До чего же хорошо бывало малому мальчишке в этом удивительном гнезде, из которого виделся мир без зла, без брани, без обмана, без жестоких обид и без черных ночей с голодными, мутными снами.

«Был бы ты наш...» — помню, говаривали милые старушки, но тут же, спохватываясь, добавляли: «Нет, нельзя, у тебя же есть папа с мамой». Мне, конечно, не приносила горечи сия невозможность, ведь я знал, что и без того для меня всегда открыты двери этого второго родного дома с чудесными его обитательницами. Часто (чаще!) он был мне роднее дома «законного».

Тетя Тата вся была воплощением дружеского, сердечного участия — особенно к людям, нуждающимся в помощи и сочувствии; вся словно светилась вот уж истинно христианским намерением и радостью совершить добро. И за добрым делом непрестанно что-нибудь да говорила-приговаривала мягким голоском, как говорят люди только родные среди родных, любящие среди любящих.

Помню, в детстве я отличался необщительностью, болезненно стеснялся взрослых, но тетя Тата умела быстро и незаметно выводить меня из состояния скованности. Отвечать на ее вопросы и втягиваться в доверительную беседу было нетрудно. Желая что-либо узнать, она не выпытывала подробности обиняком, а задавала вопросы по-домашнему просто: «А какие у тебя, Сережа, новые отметки в школе, что твоя злополучная математика?» «Погулял ли ты после занятий, с кем играл, приличный ли это мальчик?» Скучные, кажется, вопросы, да и небезопасные для мальчишки, бывавшего не в ладах не только с математикой и вовсе не усердствовавшего в выборе одних лишь «приличных» дружков. «Что тебе понравилось в библиотечной книжке, дочитал ли ее?» «Ну, а теперь скажи-ка, что ты сегодня ел?» Да, случались весьма щекотливые вопросы, но ответы мои, даже самые неутешительные, не повисали в воздухе: тетя Тата мигом сплетала их со своими, вполне товарищескими, замечаниями, да так ловко, что любая заминка тут же исчезала, всякая неудача утешалась, а полезный совет запоминался.

Обычно сама увлекаясь, тетя Тата искусно занимала гостя непрерывным разговором, хотя время от времени вдруг вставала, что-нибудь быстро хлопотала по хозяйству, снова присаживалась, опять спешила то к печке, то к шкафу, говорила уже оттуда, возвращалась, подливала гостю чай, подсовывала конфетку, иногда незаметно принимала лекарство.

Руки ее не бывали праздными — уверенно и проворно двигались эти маленькие руки, за какую бы работу не брались. В пожатии были они теплыми, очень живыми, дружескими. Одною рукою пожмет тетя Тата мою руку, а другою ладошкой, бывало, мягко похлопает, поласкает сверху...

Мне как-то и в голову не приходило, что ей уже много, много лет. А ведь была она уже согнувшаяся, седенькая старушка — низенькая, приятно морщинистая, в ходьбе клонившая одно плечо немного набок. Порою хворавшая и все же энергичная и в заботах непоседливая.

А как умела смотреть тетя Тата!

Взгляд ее (как и у тети Наты) никогда не скользил мимо собеседника и не только был зорок и прям, не только выражал готовность «слушать» и «говорить», но и — опережая действительные слова — мгновенно и властно устанавливал единственно возможное условие общения с кем бы то ни было — честный, исключительно честный мыслеобмен.

Более того, этот взгляд еще и способен был жертвенно принимать, переливать в себя избыток горечи и страдания из глаз другого — обиженного, несчастного человека, пока тот

не начинал смотреть просветленнее. Впитывая и поглощая чужую боль, глаза тети Таты не холодели, не ожесточались. Они лишь утомленно сужались, и трудно было заметить великую сочувственную скорбь в лучистых складочках обаятельного старческого лица возле прищуренных век. Казалось даже, что это вовсе и не старость, и не печаль, а одна лишь неугасимая, вдохновенная душевная доброта окружила ее чудные глаза ласковыми лучиками-морщинками. Кто не различил в Татьяне Николаевне Скорбящую Матерь, тот увидел в ней добрую фею, — но и то славно! Да ведь это-то, впрочем, и главное в умеющем не плакать заодно, а надеждою утешить милостивом и умном человеке-целителе: знать, Небо ему помогает — собою заслонить сумрак и повернуться к человеку светлым ликом.

Тетя Ната, напротив, выглядела мрачноватой, чересчур серьезной, загадочно отрешенной и неприступной. Представ перед собеседником, она своим строгим, несколько даже скептическим взглядом и сутуловато-высокой фигурою словно нависала над ним и более выжидала, что скажет тот, нежели говорила сама. Она словно наперед знала, что сейчас будет говориться; знала уже и цель чьих-либо словоизлияний, и свою собственную их оценку, и только ждала, когда же все это произойдет, чтобы краткой фразой, а то и односложным грудным звуком или кивком головы подтвердить заранее ведомые ей «да» или «нет».

Когда я вспоминаю лицо Натальи Николаевны, его наиболее устойчивое выражение, мне тут же приходит на память еще один лик — как ни странно... писателя Салтыкова-Щедрина на одной его фотографии. Право, не фантазирую ли, уместно ли ставить рядом имена Натальи Николаевны и этого желчного обличителя всякой российской пошлости и бездарности?.. Но что поделать, если в лицах разных людей искусница природа вдруг вздумала передать, помимо схожих анатомических черт, еще и сходно отпечатанное величие благородной суровости; одинаковыми движениями резца высекла одни и те же знаки духовно-умственной одаренности; одним избранным рисунком и исключительно похожими живописными мазками обозначила и выявила в портретах двух людей их глубинное и бескомпромиссно оцененное знание о мире — знание того, что иным людям не дано заметить и разгадать без подсказки.

Главное, конечно, в глазах, во взгляде.

Здесь нет нужды буравить жгучим взором толщу защитных пластов, будто бы скрывающих некое ядро, упрятанное от всякого нежелательного внимания.

Это именно тот всепроникающий взгляд, по справедливому велению которого любая маскировка вмиг сама беспомощно распадается, и ядро обречено обнажиться во всей своей сложной или примитивной сути.

Ведь под сверлящим взором человек инстинктивно настораживается; нечестивец, например, — спешно затевает лицедейство, его мнимая защита — вся в притворстве. А тут он обезоружен сразу — врасплох и безнадежно, и отнюдь не вероломством насилия, вторгнувшегося в его тайный мир, а просто собственным бессилием пред ясновидением. Вот оно — чтение не по буквам, а сразу целыми словами и строками. Это знание повести с первой страницы.

Что и говорить, уже сам взгляд и «грозный» вид Натальи Николаевны не располагали к легкому, непринужденному общению с нею. Казалось бы, ее угрюмо-молчаливое присутствие могло только озадачить и раздражить непосвященного человека — как некая магическая книга с иероглифами, не поддающимися расшифровке. Припоминается, что и я поначалу тянулся более к тете Тате, а пред тетей Натою терялся и беспомощно умолкал.

А оборачивалось все вполне благополучно.

Это верно, говорила она мало и редко — лишь самые необходимые слова произносила (хочется сказать — с важностью изрекала) чуть рокочущим баском. Но в скупых фразах очень кстати освобождалась точная мысль, окрашенная либо справедливой скептической иронией, или же вполне мирным, дружелюбным юмором. В нашем «домашнем кругу» краткие «приговоры» тети Наты уже не обсуждались, так как и возражения, за редким исключением, не возникали. Когда разговор касался ее самой, она не щадила и себя, отшучиваясь с той же иронией. Вообще-то тетя Ната не любила, чтобы на нее обращалось много внимания.

Любопытствующее или даже заботливое вмешательство в ее внешне бесстрастный, аскетически-отрешенный настрой ей было не по душе. Не любила похвал и других хвалила сдержанно, словно опасаясь пышной ответной благодарности. Одобрение выражала двумя-тремя словами или же только — на сей раз явно потеплевшим — взглядом. Если появлялась ворчливость, то часто именно нотка напускного неудовольствия лучше всего изобличала совершенное удовлетворение тети Наты чем-либо.

Да, стоило побольше побеседовать, или, вернее, «побыть» с нею, оставаясь в своих речах искренним и доверчивым, и впечатление «неприступности» и «великого скепсиса» тети Наты чудесно рассеивалось. За немногословием и внешней сдержанностью ее угадывались живая нравственная умудренность, поистине редкая скромность и обнаруживалась та же чуткая — восприимчивая и отзывчивая — душа, что и в тете Тате. Наконец почувствовав это, я уже не чуждался тети Наты и даже понял (разумеется, по-детски, более чувством), что она благодарна мне за мое «открытие».

«Ну вот, дождалась, твой Сережа пришел», — как будто даже насмешливо и снисходительно, как будто даже ворчала она сестре, а сама первая протягивала мне еще довольно крепкую (ведь скульптор!) продолговатую ладошку, и большие, чуть выпуклые, умные глаза на неулыбчивом, тоже продолговатом, «иконном» лице ее были приветливы, смотрели спокойно, внимательно и тепло. «Принимай своего Сережика», — оборачивалась она к тете Тате, и я, быстрее прикрыв дверь, чтобы из коридора не надуло холода, смущенно и радостно ступал в дивные чертоги.

А когда я уходил от старушек и уже прощался, они, помню, каждый раз переговаривались меж собой по-французски, и это означало, что они положат мне в карман или за пазуху гостинцы на дом: яблоко, две-три конфетки, две-три вареные или сырые картошки, не забудут и луковицу, немного крупы в кулечке. Что-то из этой роскоши приносилось им добрыми знакомыми, а они делились подарками и были рады, что полезное дело множилось.

Сверх съестного старушки иногда вручали мне листки белой бумаги для рисования, а несколько раз дарили и цветные карандаши или «школьные» акварельные краски.

Тетя Тата — даже, бывало, за разговором, если приседала наконец за общий стол — вдруг машинально подхватывала случившийся здесь карандаш и начинала обводить пятнышки и пятна, которые и при аккуратности все-таки порой появляются на газете, на оберточной бумаге или на тетрадной обложке; дорисованные удачно найденными штрихами, деталя-

ми, эти пятна превращались в затейливые фигурки или орнаменты — на глазах рождались «маленькие чудесята», иногда смешные, иногда «страшненькие».

Мои же успехи в рисовании были плачевные, рисовать я так и не пристрастился, а значит, и не научился — вероятно, к огорчению тети Наты и особенно художницы тети Таты. К тому же я был постыдно ленив.

Хорошо помню, что Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна старались приучать меня трудиться, объясняли, что всякий человек должен, по возможности, делать разную работу, даже показывали, как нужно ухаживать за одеждой, штопать чулки или рукавицы. Сами они всегда копошились, что-нибудь да работали.

Немного помогал им и я: иногда бегал в магазин за мелкими покупками, приносил воду из колонки или дрова из сарая, заготовлял лучины для растопки печек, конопатил, как умел, оконные рамы на зиму — в общем, исполнял их нетрудные поручения. Увы, теперь совестно: мало, очень мало я им, старым, помогал...

Между собою тетя Тата и тетя Ната жили дружно и ладно, с постоянной любовью и вниманием друг к другу. И эта теплота взаимосвязи, не ограничиваясь их собственной родственностью, распространялась и на окружающий мир, особенно на все то, что было несчастным и беззащитным или могло стать таким без своевременной помощи.

Очень любили они животных, жалели голодных или больных кошек, собак, птиц. У них дома жили два кота: породный и мохнатый вельможа Урс, серо-белый лентяй и мурлыка, и щупленький, черненький, безголосый Казя. Имя последнего произошло оттого, что он, будучи еще бездомным котенком, «напроказил», угодив во дворе в ящик с известью. Больным, умирающим он был замечен и подобран старушками, у них и остался жить.

Пока коты не привыкли сами находить дорогу домой, их выводили гулять на поводках. Для каждого была сшита специальная упряжь. Громко и нараспев провозглашалось: «Ко-оты, кто хочет гулять?» Коты спрыгивали со своих мест, мчались к дверям, их облачали в тряпочные, с пуговками, постромки — начиналась прогулка.

Зрелище было трогательное, но и комичное: в самом деле, не забавно ли видеть, как ранним утром или в сумерках позднего вечера древние таинственные старушки, обе сутулые и в черных, длинно свисающих (и удивляющих уже непривычной патриархальностью) одеждах, в окружении тоже древних построек бывшего Владычного двора, водят котов на веревочках; вернее, коты то и дело увлекают их, от старости нескладных, в самые непролазные, заросшие мусором, бурьяном, бузиною закоулки — ближе к сумрачным стенам и башням полуразбитого кремля...

Без котов старушки появлялись на улице всегда под руку, и трудно было понять, кто кого оберегает: более рослая, несуетливая, спокойно-величавая, невозмутимо смотрящая высоко вперед тетя Ната — свою семенящую рядом сестру-подругу, или же, наоборот, тетя Тата руководит шествием, вовремя подмечая каждое дорожное неудобство (лужу, скользкое место и т.д.), оживляя прогулку разговором, беря на себя обязанность общения со встретившимися знакомыми.

А встреч было много, и не только уличных.

На «квартире» у Татьяны Николаевны и Натальи Николаевны бывали дети и взрослые; побеседовать с ними, чем-то помочь или же за помощью приходили люди самые разные: бедные и обеспеченные (по тем временам), больные и здоровые, неграмотные и ученые, верующие и неверующие. Одинаково внимательно и уважительно Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна относились к уборщице и научному работнику, к крестьянке, приносившей им на дом молоко, и к приехавшему из Ленинграда знакомому писателю или врачу (Ленинград между собой они называли Петербургом).

Интеллигентность (правда, это слово употреблялось редко) для них была синонимом человечности, нравственной чистоты и культуры, природной деликатности и скромности и не определялась лишь образованием и социальным положением человека. Дорогу в их дом прокладывали честность и доброта. Недоброе могло вторгнуться сюда только насильно, пользуясь какой-то властью. Впрочем, о последнем, если оно случалось, здесь вспоминали без ненависти, но с сожалением, не оставлявшим, однако, места для компромисса.

Вообще о всепрощенческой беспринципности в характере и поступках Татьяны Николаевны и Натальи Николаевны не может быть и речи. Это были люди доступные и великодушные, но и абсолютно неподкупные, безоговорочно отвергавшие сделку с любой неизлечимой скверной. И они умели-таки оградиться от малейшего посягательства со стороны на их совесть, убеждения и достоинство.

Не помню, чтобы Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна рассказывали что-либо о своем сложном прошлом, о годах тяжелых испытаний, о взаимоотношениях с людьми близкими и дорогими или, наоборот, вовсе чуждыми им по духу и принципам жизни. Я того времени не знал, не мог знать из-за малого возраста, не мог и чувствовать его воображением, так как и для интуиции нужна хоть какая-то опора. Ни о каких «допрежних» мирах мне, к сожалению, не было известно, и старушки не загромождали мое детское миропознание тем, что все равно мною не усвоилось бы. Да и времена были не для разговоров на опальные темы с упоминанием преданных анафеме имен.

Имя сестры — поэта Зинаиды Гиппиус — я все-таки не раз слышал. Слово «Зиночка», помню, произносилось с иронической многозначительностью, мне не понятной. Правда, в тоне я улавливал, кроме снисходительной нотки, еще и недосказанную душевную горечь. К сожалению, оно не было поправлено — мое, мною дорисованное, неблагоприятное впечатление о «той», которая могла вызывать в любимых мною людях что-то более похожее на досаду, великодушно удостаиваемую иронии. Впрочем, мое неудовольствие было скоротечным, так как и упоминание-то было мимолетным и проистекало не из разговора о былых временах, а употреблялось в качестве экспромта-сравнения: «Важничает и кусается, словно Зиночка», «Сказано храбро и туманно, как у Зиночки...»

Для меня, несведущего мальчишки, эти сравнения тоже были туманны...

Хранилась у старушек тонкая тетрадочка со стихами Зинаиды Николаевны, я их читал и ... почти ничего, разумеется, не понял. Что меня подвигнуло, я вряд ли мог тогда объяснить, но несколько стихотворений из этой тетрадки я все-таки для себя переписал, они и теперь у меня.

Почерком ли Татьяны Николаевны или Натальи Николаевны были записаны те стихи, не помню. Может быть, самою Зинаидой Николаевной?..

После войны Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна работали в Новгородском музее, но не «художниками-реставраторами», как сказано в упомянутом мною «Ежегоднике». Ведь

профессиональной реставрацией иконописи и позднейшей станковой живописи в те годы в Новгороде еще не занимались. Велась реставрация церковной настенной (фресковой) живописи, а такая работа, тяжелая физически, и на строительных лесах, разумеется, была им не под силу. Впрочем, их имен и нет в известном по специальной литературе списке реставраторов-монументалистов, работавших тогда в новгородских храмах.

Несомненно то, что Т.Н. и Н.Н. Гиппиус работали по оформлению музея. Например, участвовали в изготовлении макетов для экспозиции исторического отдела.

Вспоминаю макет «Неолитическая стоянка», для которого Наталья Николаевна вырезала деревянные фигурки людей каменного века (ими — до полного устройства макета — я играл). Татьяна Николаевна и моя мать занимались раскраской макетных фонов — задников и различных атрибутов. Все остальное для макета — от каркаса, земляного рельефа, «деревьев», «воды», «хижин» до мелких деталей — изготовлял работавший тогда в музее Владимир Флегонтович Арсеньев, кажется, родственник путешественника и писателя В. К. Арсеньева, — человек, преданный музейному делу, бравшийся за любую оформительскую работу, необходимую на первых порах для построения музейных экспозиций; в жизни — бодрящийся, шумный, своенравный старик, интересный рассказчик, сам «немного писатель».

Добавлю здесь, что моими игрушками в «келье» Татьяны Николаевны и Натальи Николаевны были еще фигурки для сказки о дедке и репке; тетя Ната вырезала их из дерева — от репки до мышки — для детских садиков (несколько партий по заказу какой-то артели), а тетя Тата раскрашивала масляными красками.

Закутанные в ветхие шали, воркуя что-нибудь ласковое, «детское», трудились они над этими удивительными игрушками, и я уже в том возрасте чувствовал, что творилось это с осознанием особенной важности дела. Теперь, конечно, понимаю, что и какой-то заработок был необходим, но уверен: высшим помыслом старушек было — доставить удовольствие детям...

И еще чем могли заниматься в музее Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна — это разборкой беспорядочных ворохов уцелевших книг научной библиотеки, разоренной и разграбленной в войну немцами. В определении церковных книг (хотя бы тематическом), полагаю, Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна были компетентнее других музейных работников (специалистов по древнерусской литературе в Новгороде тогда не было).

Не могу не упомянуть здесь о религиозности Татьяны Николаевны и Натальи Николаевны. Пишу — «упомянуть», т.к. не берусь излагать подробнее то, о чем тогда вовсе не догадывался: для того, чтобы отличить и, поняв, оценивать особенности их религиозно-философских взглядов, я был попросту мал.

Видя в их церковной обители и иконы, и лампадки с огоньками, и книги о Боге, я знал, что старушки очень верующие. Хотя, насколько мне известно (даже и из их слов), в действующую церковь они почти не ходили, предпочитая оставаться со своею верою наедине, — зато и отдаваться ей с полной свободой и искренностью.

Они сами говорили, что в церкви всегда есть люди, занятые отнюдь не молитвами и обрядом — люди, в присутствии которых нельзя быть откровенным, лучше вообще лишний раз не попадать им на заметку. Даже и священникам — не всем можно доверяться. Это-то я мог уразуметь; особенности того времени учили людей всех возрастов: лучше помалкивать.

С кем-то из священников у них были доверительные отношения, и этого хватало, чтобы исповедаться и причаститься не на глазах у публики. Фотография одного новгородского послевоенного, но уже умершего, старичка-священника висела у них на стенке в «заветном уголке».

Что ж делать, в семье моей не было религиозных людей, которые могли бы заронить в меня изначально хоть малую искру боголюбивого настроения. Наоборот, случайные упоминания о вере или гасились равнодушием, или давали повод для насмешек, подчас разухабисто-ядовитых, явно долженствующих продемонстрировать «смелость суждений», «трезвый ум» охальника. Так было дома, кругом на улице, в школе. И это было не просто неверие, а подчеркнутое изъявление якобы «превосходства» поощряемого тогда глумливого атеизма над «невежеством верующих». И явление-то ведь стало — всенародное, уже бытовое!..

Старушки, как ни любил я все, с ними связанное, не увлекли меня своим христианским примером. Побудить меня к отказу от легкомыслия выпало много, много позже — другим обстоятельствам.

А тогда, сознаюсь, я воспринимал эту (религиозную) сторону жизни старушек лишь с детским любопытством, именно с тайной заинтересованностью любопытствующего мальчишки. Это касается обрядности, внешних проявлений вероисповедания.

Важно другое. Невольно и еще малоосознанно сравнивая их боговдохновение с показным вероусердием некоторых знакомых людей, я находил, что слова и поступки тети Таты и тети Наты, причастные к религии, никогда не бывали в разладе с их мирской жизнью, с тем светлым, что я любил, хотел видеть и видел в своих добрых покровительницах. Детским чутьем я чувствовал, и теперь знаю, что все благое, сделанное ими для меня, сделано было по-человечески — именно для меня, без предусмотрительного расчета, без эгоистического упования на то, что за добродетель им воздается Всевышним. Короче, они вершили нужное земное добро, а не запрограммированное лицемерное подаяние. И это была не абстрактная, «настроенническая», но вполне целенаправленная зрячая любовь к конкретным людям, их окружающим.

Замечательно, что глубокие религиозные убеждения и — порою — необходимость оберегать их от постороннего праздного и не праздного придирчивого любопытства не сделали тетю Тату и тетю Нату затворницами, не отгораживали их от внешней, общественной жизни. К тому, что я уже написал об их отзывчивости и общительности, добавлю еще немногое.

Интересы музея и города всегда и глубоко трогали старушек. Всякие положительные перемены, будь то новая открывшаяся музейная экспозиция или благоустройство исцеляющихся от военных ран городских улиц, они приветствовали искренно, с похвалой потрудившимся людям.

С душевным волнением они относились и к важнейшим мировым проблемам. Помню, на их столике всегда бывали свежие газеты, и помню, с каким вниманием старушки следили, например, за событиями войны в Корее в начале 50-х годов. Здесь же, на столике, лежала вырезанная из газеты карта Корейского полуострова, и карандашом на ней отмечались изменения линии фронта. Две маленькие старые женщины в своей маленькой жилой церковке на иной стороне планеты переживали военную корейскую заваруху так, словно незаслуженные страдания вновь обрушились на их собственную страну.

Такими запомнились мне Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна Гиппиус, к счастью, встретившиеся мне в моей жизни и ставшие для меня родными и дорогими бесконечно.

В начале этих записок я высказался о неприспособленности старушек к тяжелым условиям жизни в первые послевоенные годы. Нет, я не прав: за внешней хрупкостью и кажущейся беспомощностью в этих людях всегда присутствовали вместе с нравственным целомудрием — активное мужество, твердость духа, неизменная вера в силу добра, в его непременное торжество над любым злом, временным бедствием. Эти люди не были беспомощны в своем положении, нет, они не угасали, влекомые судьбою, остатками жизни в очередной отведенный им новый день. Они встречали все свои дни так, словно каждый раз с неуставшим вдохновением принимались за серьезную, полезную для кого-то и, значит, благодарную работу. Никаких жалоб я не слышал никогда. Такая жизнь, даже скованная старостью, не вызывает стороннего сожаления, она — только завидный пример самообладания, не выставляемого напоказ, но трудолюбиво сеющего вокруг жизнетворные, здоровые семена.

Истинный гуманист по природе своей не может быть, за святыми делами своими, шумным, надоедливо речистым. Часто скупым, но веским словом, а порою лишь убеждающим мудрым взглядом Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна способны были поддержать в ком-то упадающий дух, вселить спасительную надежду, помогали человеку слабому — устоять в жизни, а сильного — призывали к великодушию, к предельной справедливости. Многие их советы были весьма и весьма практическими и, главное, своевременными, как кусок хлеба, столь ценимого в те времена.

Замечательно и то, что люди рядом с Татьяной Николаевной и Натальей Николаевной — если совершенно не проигрывали, то — «подтягивались», становились искреннее, сердечнее, чище.

Так необыкновенно обыкновенная человечность вершит необыкновенно обыкновенные чудеса.

...Теперь расскажу еще об одном интереснейшем и любимом занятии дома у Татьяны Николаевны и Натальи Николаевны, когда мы собирались в заветном уголке, — это было рассматривание альбомов тети Таты. Да, именно тех дореволюционных альбомов, о которых, увы, упоминается лишь в примечаниях к Собраниям блоковских сочинений (кстати, в одном из альбомов хранилась вложенная старая фотография, где Татьяна Николаевна — в группе учеников И.Е. Репина; на снимке — и сам И.Е. Репин).

По-моему (могу и ошибиться), альбомов было три — все наполненные акварельными или выполненными в смешанной технике рисунками, цветными изображениями удивительно странных, невиданных существ, подчас, правда, и принимавших облик, сходный с человеческим. Чудища напоминали людей, и в этом крылась пугающая загадка.

Отъявленно лукавые, мерзкие оборотни-старухи или зловещие медведи-старики в первый момент казались выходцами из фантастических и кошмарных снов, из неведомых, поражающих таинственной жутью, сказок. Но тетя Тата с иронической хитрецой, даже с игринкой удовлетворения в голосе, словно ею только что раскрыт не уберегшийся от ее зоркого глаза секретец, прочитывала сопровождающие каждый рисунок надписи (тоже проникнутые таинственным значением), добавляла новые пояснения, и я начинал понимать, что на листе бумаги вижу вдруг что-то знакомое, где-то когда-то уже встреченное, — и вспоминались действительные люди с их поступками, с последствиями этих поступков. Любая колдовская сценка словно предупреждала, сколь много опасных соблазнов, источников всевозможных греховных обольщений на каждом шагу подстерегает неопытного, благодушного, податливого человека. Все эти — как нараспев, с ехидцей, произносила тетя Тата — «че-орненькие», «зеле-оненькие», «мохнатенькие и ми-иленькие», «до-обренькие и ла-асковые», «вечерние» и «ночные» — все куда-то соблазняюще манили то крючковатым пальцем, то гипнотизирующей сатанинской улыбочкой, а вокруг них привлекательно красовались травки-цветочки — ох, до чего же похожие на извивающихся змеенышей, или чудненькие болотца с коварной трясиною...

Искусствоведы, которым для статьи непременно нужно «привязать» произведения художника к какому-то имеющему классификационное название художественному направлению, чтобы уже безошибочно, научно расшифровать тайну любого конкретного авторского замысла, — в данном случае могут распространяться о мистическом символизме, об искусстве живописной притчи и т.д.

Мне-то, пожалуй, именно этими рисунками, хоть и с жутковатым их содержанием и настроением, тетя Тата первая помогла «догадаться» о возможности существования в людях поэтического восприятия мира, которое, если угодно, можно реально воплощать на бумаге иносказанием — символами, образностью. И не только в рисунке, в живописи вообще, но и словами, — тому пример подписи к альбомным сценкам.

Да, здесь пиршествует символика, но не изощренно-заумно-мистическая, а легко разгадываемая и означающая вполне земные, конкретные, жизненные и весьма живучие явления — всяческие людские грешки, отвратительные страстишки, отталкивающие порочные вожделения, двусмысленные суетные игры, предательские помыслы — зародыши дьявольского торжества и краха, пагубные заблуждения и привычки...

Вспоминается такой рисунок.

Маленькой девочке повстречалась симпатичная старушка и поздоровалась с нею. Наивная девочка, не разглядев хорошенько странницу, охотно и доверчиво подала ручонку, тоже поздоровалась и уже собралась уйти, но старушонка все не выпускает ее руку из своей. Девочка удивилась, наконец, испугалась, отпрянула было прочь, стала в растерянности и страхе пятиться, удаляться от старушенции, показавшейся теперь уже подозрительною, но та ни с места, и только рука ее, вцепившаяся в детскую ладошку, начала вытягиваться из плеча, становиться все длиннее и длиннее — словно она из теста.

Ручища ведьмина растет, превращается в безобразно длинную лапу, и от нее не избавиться, не отлипнуть, не отцепиться.

А горбатая старуха не двигается и лишь злорадно и мстительно ухмыляется вслед не способной вырваться беглянке, и гримаса лживой сладковатой ласки, словно дразнясь, еще змеится в гнусной бесовской ухмылке.

Но ужаснее всего — эта уродливая, бесконечно вытягивающаяся лапа-рука...

Не берусь утверждать, каким был фон; кажется — не прорисованный полунамек пустынного городского квартала, ряд бесчувственно немых домов со слепыми окнами...

Рисунок назывался «Сон», и тетя Тата вспоминала, что тему ей подсказал действительно сон, очень похожий на изображенное в альбоме.

А я и теперь поражаюсь умению, с каким в рисунке достигнуто впечатление события, объемного во времени: кадр один, с неимоверно длинной рукой старухи, а видится вся история обольще-

ния, в последовательности и подробностях ее развития.

Мне думается, не следует объяснять такое расширенное восприятие рисунка и теми дополнениями (устными комментариями), что я слышал когда-то от самой художницы. Просто лишний раз убеждаешься: в настоящем искусстве не бывает застывших кадров.

Жаль, почти через сорок лет многое истерлось из памяти, рисунки альбомов вспоминаются смутно, больше впечатлениями, а не зрительно.

Не помню точно и «загадочных» подписей. Но вот почему-то запомнилось, что на листах есть пометки, и Татьяна Николаевна рассказывала, что их оставляли близкие люди, смотревшие эти альбомы: кому что больше нравилось, тот карандашом помечал лист «своим значком» — один крестиком, другой кружочком и т.д. Упоминались и имена смотревших, но я тогда ничего не знал об этих людях, и фамилии их не запомнились. Однако странно: имя А. Блока, еще неведомого мне стихами, это имя запомнилось. Как выглядел «блоковский значок» — увы, забыл.

Осталось еще неотвязное впечатление, будто, по словам Татьяны Николаевны, в альбомах (вероятно, на обороте листов) есть или стихи, или просто строки-пометки, вписанные Блоком. Достоверно и этого не помню.

Рисовала Татьяна Николаевна и после войны, но уже в ином стиле, чаще это были наброски разрушенного Новгорода. В одном из альбомов (в послевоенном, а может, в старом, на свободных листах, — не могу вспомнить) было несколько портретных работ, например, портрет довольно частой и любимой гостьи старушек девочки Вали Ковалевой (позже — сотрудницы Новгородского музея).

Рисовала Татьяна Николаевна и меня — голову во весь лист, кажется, акварелью. Мне этот портрет сразу же не понравился, и именно потому, что я будто впервые увидел смотревшего на меня себя самого — и такого «не мужественного» серого заморыша! Каковым, впрочем, ведь и был на самом деле. Выражение лица едва припоминаю, но уж точно что-то безрадостное и не героическое: могло ли мальчишке это понравиться?

Дома у Татьяны Николаевны и Натальи Николаевны Гиппиус долгое время висел большой портрет маслом какого-то красноармейца в военной форме, писанный по заказу (наверное, по фотографии) и так и не законченный (кстати, Татьяна Николаевна одно время выполняла на дому заказы городского фотоателье на раскраску фотопортретов акварелью с попутным ретушированием).

Помню еще, что Татьяна Николаевна писала маслом на холсте один из Евангельских сюжетов («Благовещение») для иконостаса тогда действовавшего Николо-Дворищенского собора.

У меня хранятся (вместе с двумя письмами тети Таты) маленькая, с открытку, ее акварель «Девочка у зеркала» (она и написана в духе сентиментальных открыток дореволюционного времени) и два ее карандашных наброска с натуры моего, тогда двухлетнего, младшего брата, пьющего молоко из кружки.

Из дореволюционных скульптурных работ Натальи Николаевны сохранились две: погрудный портрет матери в старости (красное дерево) и — голова показавшегося из волны фантастического чудища.

В Новгородском музее есть выполненный Натальей Николаевной из дуба бюст великого князя киевского Владимира Святославича.

Умерли тетя Тата и тетя Ната, и в обоих случаях меня в Новгороде (значит, и на похоронах) не было. Похоронены они на Петровском кладбище.

С опозданием (в этих записях) дополняю, что Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна жили не вдвоем; с ними проживала еще старушка — Ольга Ивановна Репина. Она не родственница Гиппиус. Не знаю, может быть, они познакомились еще в довоенное время; или же сразу после войны бедственное положение и женское одиночество столкнули, сблизили их. Во всяком случае, в детстве я, не задумываясь, считал их сестрами. Поскольку от самих старушек, от всех троих, я никогда не слышал каких-либо разговоров, проясняющих эту тему (а в их взаимоотношениях не проскальзывало никакой отчужденности), то я не мог (даже и позже) позволить себе праздное любопытство.

Важно другое: Ольга Ивановна Репина, бывшая немного помоложе Татьяны Николаевны и Натальи Николаевны, оказалась человеком, чрезвычайно полезным в житейских тяготах. Все-таки тетя Тата и тетя Ната были немножко не от мира сего (мира — часто грубого, циничного, бесцеремонного в любой корыстной претензии). Жизнь требовала практичности, расторопности и изворотливости, умения выживать. В быту, в хозяйстве, в самых различных повседневных делах нужно было заручиться чьей-то поддержкой, окружить себя полезными людьми — помощниками. И в этих неизбежных заботах о выживании Ольга Ивановна была более умелой, энергичной, была... «политичнее», что ли. Ее способности к «житейской дипломатии» и ее преданность подругам порою были спасением для них. Не говоря уже о том времени, когда, после смерти Татьяны Николаевны, больная тетя Ната осталась, что называется, на руках у Ольги Ивановны.

Ольга Ивановна хорошо, по-дружески относилась ко мне, от нее я тоже видел и ласку и заботу, это была привязанность родного человека. Но с годами в ее словах и поступках стало проскальзывать, а потом, уже после кончины Натальи Николаевны, и преобладать такое, что постепенно отстраняло и наконец вовсе оттолкнуло меня от нее.

Все-таки в «умении жить» таится опасность потери равновесия. Можно переусердствовать, незаметно втянуться в игру. А игра — коварная штука. Приучает к лицемерию, к несправедливости, к духовной глухоте там, где необходима особая человеческая чуткость. Опасно, в ущерб самоконтролю и в потачку однажды угодившему тебе двуличию, привыкать к мысли о неистощимой терпеливости Бога, будто бы задобренного — уже нечистою твоею молитвою. Нужно помнить и о вцепившейся в твою руку, в твою душу — той вытягивающейся ведьминой ручище...

Но — «не судите, да не судимы будете».

О плохом вспоминать и писать не хочется.

После смерти Ольги Ивановны какие-то ее вещи и ценные вещи Татьяны Николаевны и Натальи Николаевны Гиппиус унаследовал их родственник. Скульптурки тети Наты и альбомы тети Таты вернулись на берега Невы...

1984 год, г. Новгород.

В ДОПОЛНЕНИЕ К СКАЗАННОМУ

По словам ст. научного сотрудника Новгородского музея В.В. Гормина, скульптурное изображение великого князя киевского Владимира Святославича (бюст из дуба, высота 41,5 см, инв. номера 8244 и 7506) работы Н.Н. Гиппиус комиссией Новг. музея было списано и уничтожено «как не представляющее художественной ценности».

В сентябре 1993 г. я сообщил научному сотруднику Отдела охраны памятников архитектуры при Новгородском музее Л.И. Круговых об авторстве находящейся в иконостасе Николо-Дворищенского собора выполненной Т.Н. Гиппиус живописной работы «Благовещение».

От сырости холст картины «просел», сильно покороблен, требует перетяжки на подрамнике.

В 1994 г. я обращался к начальнику Новгородской городской инспекции по охране памятников истории и культуры В.М. Ковалевой с просьбой предпринять какие-то меры для того, чтобы могилы Т.Н. и Н.Н. Гиппиус находились под постоянной опекой официального учреждения; кроме канцелярско-сочувственного обещания ничего не последовало.

С такой же просьбой и с сообщением о необходимости срочно укрепить обветшавшую ограду вокруг могил Т.Н. и Н.Н. Гиппиус я обратился в июне 1994 г. к директору Новгородского музея-заповедника Н.Н. Гриневу. Обещание предоставить служебную автомашину и электросварщика для выполнения необходимых работ осталось пустыми словами. Работники музея даже не знают, где эти могилы находятся, как не знают они и местонахождения могилы Б.К. Мантейфеля, когда-то под бомбежками спасавшего ценности Новгородского музея.

Май 1995 г.

ПИСЬМО АКАДЕМИКУ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК Д.С. ЛИХАЧЕВУ

13 июня 1995 г.

Многоуважаемый Дмитрий Сергеевич,

простите, пожалуйста, — беспокою Вас, но могу ли не поделиться с Вами обрушившейся на меня печалью, вернее, горестью, всех нас, россиян, касающейся: уничтожена могила Татьяны Николаевны Гиппиус. Впрочем, могила-то ещё существует (надолго ли?..), но над нею теперь высится крест с тремя не соответствующими ей фамилиями.

Придется утомить Вас некоторыми подробностями.

По мере моих физических сил и финансовых возможностей (и тех и других весьма плачевных), я старался поддерживать состояние могил Т.Н. и Н.Н. Гиппиус таким, чтобы они выглядели ухоженными, ни в коем случае не заброшенными, т.к. безнадзорные кладбищенские участки теперь мигом прибираются к рукам расторопными приватизаторами. Чуть опоздал траву выполоть или убрать сыплющийся с деревьев, из-под грачиных гнезд, всяческий сор, и могилы уже считаются «бесхозными», «ничейными».

Год назад, тоже в июне, я перекрасил оба креста, написал и укрепил на них новые дощечки. Тогда же, в одно из посещений кладбища, мне пришлось выдержать натиск некоего гр-на Адамовича, подошедшего к ограде и заявившего, что я зря тут хозяйничаю (я убирал очередной упавший с деревьев мусор), что, дескать, Т.Н. Гиппиус похоронена здесь незаконно, что он может доказать принадлежность именно ему этого кладбищенского участка.

Но ведь для захоронения Татьяны Николаевны вовсе не понадобилось кому-то уничтожать какие-либо чужие могилы и кресты: на пустовавшем месте, с ведома тогдашнего смотрителя кладбища, в 1957 году была сооружена могила Т.Н., ее зарегистрировали, как это делалось в те времена, поставили крест, обнесли оградой.

Если, как заверял этот гражданин, когда-то (до войны, может быть) здесь существовали другие захоронения (впоследствии не примеченные ни по каким видимым признакам), то где же, спрашивается, был этот человек, вспомнивший о них лишь теперь, кинувшийся за «своим куском» именно сейчас, во времена наибольшего благоприятствования приватизаторам всех пошибов? А ведь человек этот не какой-то приезжий, он живет в Новгороде с первых послевоенных лет, я его узнал — он тоже когда-то проживал в кремле и, как выяснилось из дальнейшего разговора, помнил (наглядно) сестер Гиппиус.

О последних я рассказал ему коротко, и мне представилось, что убедил-таки в необоснованности его претензий на место, занимаемое могилой Татьяны Николаевны. Гр-н Адамович обещал не трогать могилу, а «удовлетвориться» лишь двумя соседними (в одной из них с 1962 года покоится Елена Васильевна Миллотова, врач из Петербурга, доживавшая в Новгороде; я помню эту исключительно обаятельную христианской добротой и добрым умом старушку, некоторое время жившую у сестер Гиппиус и относившуюся ко мне с такою же внимательной, заботливой любовью, что и сами сестры).

Разговор с Адамовичем велся в присутствии позванного им нового смотрителя кладбища, проронившего напоследок, что он удовлетворен обещанием Адамовича не трогать могилу Т.Н. Гиппиус.

Все же я тогда, год назад, обратился в Инспекцию по охране памятников истории и культуры и в Новгородский гос. музей, чтобы эти учреждения взяли под опеку могилы Гиппиус (хотя бы официально предупредили смотрителя кладбища). Директор музея Н. Гринев что-то обещал предпринять, но обещания свои забыл, наверное, сразу же, лишь за мною закрылась дверь его кабинета.

По окончании зимы, перед Пасхой, 21 марта этого года я приходил на кладбище убирать мусор — всё оставалось в прежнем состоянии.

И вот 8 июня прихожу снова и вижу: крест с могилы Т.Н. Гиппиус вырван и брошен к могиле Н.Н. Гиппиус, а над могилой Татьяны Николаевны установлен-таки этим самым Адамовичем новехонький большой крест. Крестов с двух соседних могил, в т.ч. с могилы Е.В. Миллотовой, вообще нет — выброшены на свалку. Вместо них — еще два таких же креста (сами могилы пока ещё не переоборудованы).

Итак, повторяю: никогда после войны никакой Адамович не оставлял здесь следов своей «заботливой» деятельности, не претендовал на этот кладбищенский участок, выделенный для устройства трех могил (в т.ч. могилы Т.Н. Гиппиус) прежним смотрителем кладбища. И только теперь, после почти 40-летнего существования могилы Татьяны Николаевны, человек этот (Адамович) вознамерился срочно застолбить приглянувшееся ему место, присвоив ограду и вышвырнув один из крестов (Т.Н.) к могиле Н.Н. Гиппиус (могила Натальи Николаевны расположена рядом, но за переборкой ограды).

Что же теперь — возбуждать судебную тяжбу? Но что толку с меня, частного лица? Тут нужно вмешательство какого-то официального учреждения, компетентно заинтересованного в сохранении памяти о сестрах Гиппиус, нужна достаточная осведомленность в юридических вопросах, нужны те преимущества, какими располагают лишь общественные организации, а не безвестные нищие доброхоты.

О, если бы Вы знали, многоуважаемый Дмитрий Сергеевич, как мне совестно обременять Вас чем-либо, связанным с новыми и новыми хлопотами, — Вас, и без того перегруженного заботами о посильной защите столь многого, у нас преступно попираемого... Я лишь ставлю Вас в известность о случившемся, а с надеждой на какую-то помощь и с письмом похожего содержания обращаюсь к возглавляющей Петербургское телевидение Бэлле Алексеевне Курковой. Поче-

му вдруг — к ней? Просто потому, что вспомнил: года 2 или 3 назад в одном из выпусков «Пятого колеса» рассказывалось о сестрах Зинаиде, Татьяне и Наталье Гиппиус. Мне представилось: авось, найдутся энергичные молодые журналисты, готовые побороться за сохранность могил Т.Н. и Н.Н. Гиппиус.

Нет, наивно, пожалуй...

Может, и в Новгороде кто-нибудь мог бы расшевелиться, но... не с моей подачи. Увы, им и толчок-то предпочтительнее — от авторитета: это чтобы сообразить, какого масштаба проблема — местного, на уровне провинциального болота, или повыше, покрупнее, чтобы потом, на фоне успеха, и самим выгодно засветиться... Ну что поделать, если сама повседневная жизнь приучила меня к такому взгляду на «искренность» большинства инициатив — индивидуальных или общественных...

Осталось добавить, что состояние моего здоровья таково, что скоро я, наверное, вообще не смогу одолевать расстояние до кладбища, и если сейчас никто не заинтересуется местонахождением и сохранением могил Т.Н. и Н.Н. Гиппиус, то — «спасибо» России — могилы эти будут заброшены, а потом и окончательно разорены, «перезаселены». Такова реальность (не паника, а именно — реальность).

Поверьте, многоуважаемый Дмитрий Сергеевич, — с болью огорчаю Вас своим сообщением. Что же делать — все наши общие скорби. Благодарю судьбу, что хоть есть кому слезницу доверить...

По возможности, доброго Вам здоровья.

С. Мантейфель.

По поводу моего письма академику Д.С. Лихачеву
(Председателю Правления
Российского Фонда Культуры)

Дмитрий Сергеевич поручил разобраться в вопросе о могиле Т.Н. Гиппиус Новгородскому отделению Фонда Культуры.

9 июня 1995 г. я объяснил ситуацию зам. председателя Фонда В.Н. Матушкиной. 4 июля 1995 г. ездил вместе с нею и работниками Новгородского телевидения на Петровское кладбище.

14 августа 1995 г. В.Н. Матушкина уведомила меня: «Могила Т.Н. Гиппиус восстановлена» (т.е. крест с могилы, выброшенный Адамовичем, возвращен на прежнее место). Но соседние две могилы (Миллотовых) так, видимо, и сгинут...

ЛУЧИКИ ИЗ ДЕТСТВА

Светлой памяти тети Таты и
тети Наты — Татьяны Николаевны и
Натальи Николаевны Гиппиус

Не Господь ли пригрел меня ими?
Старушки
В бывшей церкви ютились — как в склепе пустом.
Молочка подогреют на ржавенькой вьюшке
И со мною поделятся тем молочком.

«Не стесняйся, ведь ты же у нас — вместо внука!»
О,
душою без них — был бы я сирота...
Воскрешая меня, самым добрым наукам
Терпеливо учили с грустинкой у рта.

По складам я читал им Евангельский томик
О прощающем, любящем — странном Христе...
А они — в благодарной и кроткой истоме
Поцелуй оставляли на общем кресте.

В заповедной, ласкающей таинством, келье
Ужились возле печки, под звон угольков,
И молитва, и трапеза, и рукоделье,
И шептанье о Боге — как трепет цветов...

Мне б — не вдруг (с голодухи) у них появляться,
Мне бы здесь и расти, ближе к свету лампад...
Не далось попечению их состояться.
Жизнь толкала меня — в сатанинский обряд.

И теперь, изувеченный хищной опекой
Растлевающих душу коммуно-жрецов,
Я мечтаю о детстве, ушедшем навеки,
Я к живому тянусь
из страны мертвецов.

1986 г.

Наталья Николаевна (слева) и Татьяна Николаевна Гиппиус у памятника «1000-летие России», конец 1970-х годов

ТАЙНОЕ КРЕЩЕНИЕ

С памятью о Т. Н. и Н. Н. Гиппиус

Не чужеликим батюшкой церковным —
Наставницами,
Посланными мне
Спасителем,
Я был крещен условно
В их келье, недоступной сатане;
Все было свято, но почти безмолвно —

По-русски
в осовеченной стране.

То были сестры гневной поэтессы,
Во Франции оплакивавшей Русь,
Не ведавшей, что здесь, за скорбным лесом,
Еще жива Евангельская грусть.

Спасибо же им, тихоньким старушкам,
Пред Господом не потерявшим речь,
Молившимся Христу в своей церквушке,
Чтобы меня от скверны уберечь.

Наивное домашнее крещенье...
Не знаю — охранило ли меня?..
Спасибо милым за благословенье,
За свет того лампадного огня.

Ноябрь 1993 г.

***

Вспоминая альбомы Т. Н. Гиппиус

Лукавые болотные зверушки
Тянули в тину...

...Ловушки принимал я за игрушки,
Жизнь — за картину.

С одышкой выбираясь из болота,
Глупец, — ликую:
Предостерег, мол, опытом кого-то,
Собой рискуя.

Ахти — жертвоприимная отвага:
В грязи купаться.
А было б оно проще: сеять благо
И не
осатаняться.

1 декабря 1993 г.

С ПОВИННОЙ

Мысленно — пред Т. Н. и Н. Н. Гиппиус

Не сам ли в грех затаптывал я душу,
Потачествуя лжи... А спохватясь,
Отогнанное звал...
Все глуше, глуше
Повинный голос...
И все глубже — грязь.

...Поводыри... Заботливые няньки...
Обузою считался ваш урок...
В бесчестьи — я отменный ванька-встанька!
А в покаяньи... будто и без ног...

Но в память вы не тщетно заронили
Целительную правду о Христе.
Шепчу: «Спасибо...» Но уже — могиле.
И верю: вы меня перекрестили
Там, пред Исусом, в дивной высоте...

1984 г. (март 1994 г.)

НА КЛАДБИЩЕ, РЯДОМ С ТЕТЕЙ ТАТОЙ И ТЕТЕЙ НАТОЙ

Поклон Т. Н. и Н. Н. Гиппиус

1.

Брезжут выцветающей зарницей,
Скоро вовсе канут в темноту
Сединой украшенные лица —
Лики, предвестившие
Мечту...

Впрочем, канут — это уж со мною,
С жизнью пресеченною моей.
Дивные старушки — «Бог с тобою,
Не спеши», — сказали бы...
Милей

Этих глаз, и голосов, и жестов,
Этого дыхания добра,
Нету для меня, и неизвестно,
С кем бы я шептался до утра,

Грезя в одиночестве бессонниц,
Если б, волей Божьей, — не они...
Слышу песню призрачную звонниц,
Вижу свеч манящие огни...

Март 1994 г.
(Нач. в ноябре 1993 г.)

2.

Могилам их и холодно и сыро
(А за дождем — еще метелям выть...)
И не умеют — нежно, кропотливо —
Молитвы погребенных повторить.

Землица с глиной... саван листопада...
Два холмика, способных лишь молчать...
И все же различаю...
Нет, не надо,
Заветное не стану оглашать —

Лишь Господу доверено послушать.
Хотя и обо мне там есть слова.
К их смыслу — приготовил ли я душу?
А на остывьи... не растет трава...

Но мне все чаще с райских колоколен
Звонят незамерзающие сны:
«А ты поверь, что — не навечно болен,
Тогда — как знать— дождешься и весны...»

Ноябрь 1993 г.

Александр ХОДЯКОВ

«ТО, ЧЕГО БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ»

– под таким названием в начале 1950-х годов в парижском издательстве «Возрождение» вышли в свет воспоминания Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс. Сегодня фамилия Тырковых, как правило, ассоциируется с именем ее старшего брата, народовольца Аркадия Владимировича Тыркова. Между тем немало других представителей этого старинного дворянского рода оставили свой след в отечественной истории.

Тырковы глубоко пустили корни в новгородскую землю. Служили и Великому Новгороду, и московским князьям. По утверждению Н.М. Карамзина, среди жертв опричного террора Ивана Грозного был «воевода Кирик-Тырков, равно знаменитый и ангельской чистотой нравов, и великим умом государственным, и примерным мужеством воинским, израненный во многих битвах». Во времена А.А. Аракчеева близким товарищем и душеприказчиком графа был дед народовольца, Алексей Дмитриевич Тырков. Его брат Александр Дмитриевич – однокашник А.С. Пушкина по Царскосельскому лицею. На Васильевском острове, в петербургской квартире А.Тыркова, друзья не раз отмечали «Лицея день заветный». «Собрались на пепелище скотобратца курнофеиуса Тыркова (по прозвищу кирпичного бруса)...» – собственноручно засвидетельствовал великий поэт в шутливом протоколе лицейской сходки 19 октября 1828 года. В русско-японскую войну 1904-1905 годов отличился еще один представитель рода Тырковых – Владимир Дмитриевич Тырков, морской офицер, впоследствии контр-адмирал Российского флота. За спасение боевых знамен из осажденного Порт-Артура командир миноносца «Скорый» был награжден золотым оружием.

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс

В ноябре 1999 года исполнилось 130 лет со дня рождения Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс. К сожалению, имя этой незаурядной женщины – журналиста, писателя, общественного деятеля, почти забыто, хотя жизнь и судьба ее не менее интересны, чем история брата-народовольца.

Она родилась в Петербурге 13(26) ноября 1869 года в семье Владимира Алексеевича Тыркова. В 19 лет отец женился на 16-летней Софье Карловне Гайли, дочери отставного офицера из аракчеевских поселений на Волхове. Карьера выпускника Училища правоведения складывалась на редкость удачно: служил мировым посредником и мировым судьей на Охте, получил хорошо оплачиваемую должность юриста в Министерстве финансов, рано удостоился чина действительного статского советника, соответствовавшего в Табели о рангах званию генерал-майора. Софья Карловна занималась воспитанием детей. Она подарила мужу четверых сыновей – Виктора, Аркадия, Алексея, Сергея, и троих дочерей – Марию, Ариадну и Софью. Позднее, в замужестве, Мария получила фамилию Антоновская, а Софья стала Колесниковой.

Как и большинство состоятельных дворянских семей, зимой Тырковы жили в Петербурге, а лето проводили в своем родовом гнезде – Вергеже (сейчас – деревня Вергежа Чудовского района Новгородской области). Имение, расположенное на крутом берегу Волхова, по преданию, было пожаловано Тырковым еще в начале XVII века. Здесь все вокруг дышало историей: и седой Волхов, и державинская Званка, и аракчеевское Грузино. Усадьба неоднократно перестраивалась, расширялась, однако для многих ее обитателей оставалась олицетворением счастливой, безмятежной юности, красоты и неповторимости родного края.

«Мы с детства, – вспоминала Ариадна Владимировна, – бездумно ощущали красоту Вергежи, как всем телом и всей душой, но бессознательно, ощущали мамину красоту. Вергежа стояла на редкость живописно, на холме, обрамленном рекой. У подножья льется Волхов, просторно, неторопливо. Наш левый берег пониже, на нем поемные луга стелются дальше вглубь, дальше к лесу отходят горбыли, где тянутся деревни. На противоположной стороне невысокие обрывы местами подходят к самой воде. Река, то суживаясь, то расширяясь, поворачивается, изгибается широкими коленами. Весной в половодье волны плещутся на нижней опушке сада, подмывают елки, липы, вербы, черемухи, с трех сторон обступают наш холм. Он весь опушен старыми деревьями. Темной зеленой массой наступают они на дом. Из этой зеленой рамки выступают шесть белых колонн, поддерживающих двухэтажный балкон. От щебнистого берега к неширокой, длинной террасе перед домом поднимается неказистая деревянная лестница. Зато какая пышная сирень жмется к ней с обеих сторон! Обычно она зацветает к началу наших каникул. Тяжелые, лиловые грозди, насыщенные жирным ароматом, кланяются нам, когда мы стремглав, никого и ничего не слушая, мчимся наверх. Из зеленой чащи, покрывающей весь скат, доносится застенчивый запах ландышей. Каждая травка, каждая веточка, сама земля пахнут особенно, по-вергежски».

Родители не жалели средств, и с малых лет дети были ок-

Усадьба Вергежа. 1914 г.

ружены заботливой прислугой, лучшими репетиторами и гувернантками, обучались в привилегированных учебных заведениях. Ариадна росла бойкой, смышленой девочкой, рано научилась читать и семи лет была определена в частную гимназию княгини А.А. Оболенской. Ее гимназическими подругами стали дочери русского посла в Константинополе, генерал-адъютанта графа Игнатьева и ректора Петербургской консерватории Давыдова, а также будущая жена и соратница В.И. Ленина Надежда Крупская. С последней у Ариадны сложились особенно теплые, сердечные отношения, и память о них сохранялась долгие годы.

«Я очень любила Надю, ее искренность, доброту, прямодушие, – вспоминала Ариадна Владимировна. – Не знаю, до конца ли сохранила она эти подкупающие черты... В ней не было ни тщеславия, ни самолюбия, не было ненасытного властолюбия, которое владело Лениным... Ульянов вложил в ее руки знамя, на котором было написано имя, звучавшее тогда кабалистически – Карл Маркс. Почти полвека держала Надя это знамя в руках, вероятно ни разу не поддалась искусительным сомнениям. Хотя кто знает, что пережила она после смерти Ленина. Может быть, и до нее, сквозь казенную похвальбу большевистских лозунгов, донеслись стоны распятой России? Может быть, когда уже не было около нее великого гипнотизера, Ленина, и ее сострадательное сердце дрогнуло от того, что ее товарищи проделывали над народом?»

Переломным для семьи Тырковых стал 1881 год. В ночь с 13 на 14 марта за участие в покушении на императора Александра II студент Петербургского университета Аркадий Тырков был арестован и помещен в Дом предварительного заключения. Тяжелое заболевание избавило узника от суда, однако страшными вехами на его тернистом пути стали Петропавловская крепость, Казанская психиатрическая больница, Бутырская тюрьма в Москве, Минусинский округ Восточной Сибири. В 1896 году высочайшим повелением бессрочная ссылка в Сибирь была ограничена двадцатью годами. Лишь в 1903 году А.В. Тырков возвратился в родные края. Годы испытаний не прошли бесследно. Бывший народоволец навсегда отошел от политики и последние годы своей жизни провел в Вергеже.

Арест Аркадия положил конец блестящей карьере отца и не позволил сестре закончить гимназию. Прервав обучение, Ариадна почти три года безвыездно проводит в Вергеже, сдает экстерном экзамен за гимназический курс и в 1889 году поступает на математическое отделение Высших женских курсов. Через год А. Тыркова обвенчалась с преуспевающим инженером из семьи петербургских немцев Альфредом Борманом. К этому времени относится начало ее литературного творчества: переводы с французского, очерки и рассказы, публикуемые под псевдонимом «А. Вергежский».

Первое замужество не удалось, и в конце 1890-х годов молодая женщина, мать двоих детей, начинает самостоятельную жизнь журналиста и литератора. В это время происходит ее сближение с оппозиционными к царскому правительству либеральными земскими кругами. В 1904 году, спасаясь от полицейских репрессий, А. Тыркова уезжает за границу, где встречается с Н. Крупской, В. Лениным, П. Струве. По возвращении на Родину она активно участвует в организации и становлении конституционно-демократической партии России. Признанием общественной активности и публицистического таланта А. Тырковой явилось ее избрание весной 1906 года членом ЦК кадетской партии. Ариадна Владимировна много и плодотворно работает в периодической печати. В столичных газетах «Русские ведомости», «Слово», «Биржевые ведомости», в журналах «Русская мысль», «Нива», «Вестник Европы» печатают ее яркие публицистические статьи, первые крупные литературные произведения: «Жизненный путь», «Ночью». Необычайно широк в это время круг общения Тырковой. Это видные политики, известные ученые, поэты, писатели, представители разных направлений общественно-политической мысли России первой трети XX века. Среди них П. Струве и М. Туган-Барановский, П. Милюков и В. Вернадский, В. Ульянов (Ленин), Л. Толстой, А. Блок, В. Брюсов, З. Гиппиус и Д. Мережковский, А. Ахматова и М. Волошин.

Подарком судьбы стала для А. Тырковой встреча с известным английским журналистом, корреспондентом лондонской «Таймс» Гарольдом Вильямсом. Они познакомились в Штутгарте и в 1906 году стали мужем и женой. Блестящий лингвист, говоривший на 30 языках, Г. Вильямс был большим другом России, в которой провел в общей сложности 14 лет своей жизни.

«Немного было у России таких чутких и деятельных чужеземных друзей, как Гарольд Вильямс, – вспоминала А. Тыркова. – Его привязанность к ней не была отвлеченным мечтательным увлечением страной в его воображении. Он действительно знал Россию в ее прошлом и настоящем, изучил и духовные богатства русского народа, и его грехи, слабости и искания, его фантастику и чудачества, его талантливость и темноту, взлет и падения. И вот к этому грешному русскому народу, в котором жесткие суждения, проницательный смысл, велико-

Усадьба Вергежа, 1914 год. Третья слева – Софья Карловна, мать Ариадны Владимировны; далее – А.В. Тыркова-Вильямс; Елена Павловна с мужем, Аркадием Тырковым; Нина Алексеевна Кокорина, школьная учительница; Герберт Уэллс; Гарольд Вильямс.

душие, задушевность уживались то с буйством, то с героизмом, Гарольд Вильямс привязался любовью крепкой и неизменной. Русские люди таким другом могут гордиться».

Представления Г. Вильямса о России формировали и новгородские крестьяне, с которыми он общался в Вергеже, с искренним любопытством вглядываясь в деревенскую жизнь, удивляясь образности крестьянской речи, точности и выразительности русского слова.

Интересно, что вместе с Г. Вильямсом в Вергеже бывал еще один неутомимый исследователь России – американец Самуэль Н. Харпер. По настоянию своего отца, профессора Чикагского университета Уильяма Р. Харпера, он много ездил по России и настолько хорошо изучил ее, что впоследствии сам стал профессором русского языка в том же Чикагском университете. Полагают, что во времена президентства Вудро Вильсона (1913-1921 гг.) Самуэль Харпер был наиболее влиятельным советником по России в государственном департаменте США.

На берегу Волхова, в Вергеже, написал Гарольд Вильямс свою знаменитую книгу «Россия русских», которую английский писатель-фантаст Герберт Уэллс называл «увлекательной, непредвзятой и блестящей книгой о чужой стране». По достоинству оценили исследование и в России. «Это труд, – отмечали в марте 1914 года «Русские ведомости», – по которому, вероятно, несколько поколений англичан будут знакомиться с Россией».

Впрочем, Герберт Уэллс не ограничился заочным знакомством с нашей страной и в январе 1914 года совершил свою первую поездку в Россию. Визит был кратковременным, однако писатель успел по приглашению А. Тырковой и Г. Вильямса посетить Вергежу.

«Я провел, – вспоминал он, – два дня, в промежутках между моими посещениями Петербурга и Москвы, в старинном русском доме, отстоящем верстах в 12-ти от станции Волхов и лежащем на берегу этой реки; с вокзала и на вокзал везли меня в санях... В воскресенье, когда я был в деревне, наступила оттепель, и поверхность льда покрылась больше чем на дюйм водой: дорога настолько испортилась, что, казалось, вот-вот провалятся сквозь лед или перевернутся наши сани, а раз они действительно перевернулись...

Вода чуть-чуть колышется мягким ветерком, покрывается мелкой рябью, не будь которой, можно было бы подумать, что это какое-то второе нижнее небо; сани, следующие за нами, черным пятном висят между ясным небом и ясной водой, на фоне все тех же плоскостей заката, окрашенных в розовый, золотой и серый цвета, и вся Россия кажется низким черным берегом налево и низким черным берегом направо, с редкими группами низкорослых чахлых деревьев и куполами, и крышами какого-то монастыря, очень маленького и очень далекого».

Вероятно, писатель упоминает женский монастырь в бывшей державинской Званке, неподалеку от Вергежи. Знаменитый поэт и вельможа екатерининской поры Г.Р. Державин был соседом Тырковых. С 1797 года вплоть до своей кончины в 1816 году он ежегодно бывал и подолгу жил в усадьбе Званка.

В Вергеже Герберт Уэллс встретил радушный прием. Сохранились уникальные фотографии, свидетельствующие об

В санях, слева направо: А.В. Тырков, Герберт Уэллс, Н.А. Кокорина; на спинке саней – А.В. Тыркова-Вильямс; в центре фотографии, на втором плане – Гарольд Вильямс

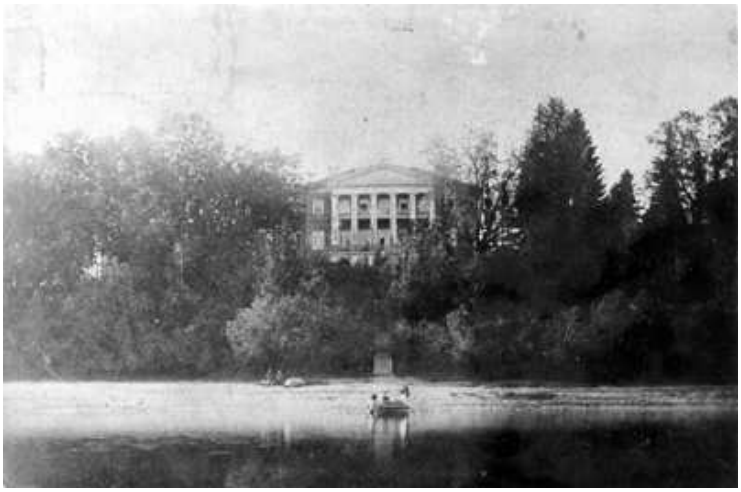
этом. На одной из них – писатель в хозяйском доме, на другом фотограф запечатлел гостя в санях.

Во время пребывания в Вергеже Г. Уэллс не ограничился общением с владельцами имения. Он посетил земскую школу, побывал в крестьянских избах, интересовался подробностями жизни и быта крестьян. Позднее свои впечатления от этой поездки писатель использовал в романе «Джоан и Питер».

В годы Первой мировой войны А.В. Тыркова с сыном Аркадием и дочерью Софьей участвовала в формировании Петроградского санитарного отряда, выезжала на фронт, занималась попечительством о солдатских семьях. После Февральской революции, летом 1917 года, А. В. Тыркова избирается в Петроградскую городскую думу, фактически возглавляя в ней кадетскую фракцию. Однако по мере развития революционных событий она все больше разочаровывается в парламентаризме и спасение страны от хаоса видит в установлении военной диктатуры.

«За то, что в феврале 1917 года в России произошла революция, – утверждала она позднее, – несет ответственность не русский народ, не низы, а верхи, интеллигенция, грамотные люди всех градаций, профессора, адвокаты, писатели, артисты, даже генералы.

Все они жаждали перемен, твердили: так жить нельзя. Но они не поняли необходимости, не сумели сразу образовать сильное правительство, способное вести войну и управлять страной, отдавать приказы, заставлять себя слушаться. С этой обязанностью русская интеллигенция не справилась».

Приход к власти большевиков в октябре 1917 года Тыркова восприняла враждебно и до конца своих дней сохраняла непримиримую позицию по отношению к советской власти. В гражданской войне активно участвовала на стороне белых, поддерживала иностранную военную интервенцию как средство борьбы с большевиками. После разгрома белогвардейских армий Деникина и Врангеля Г. Вильямс, А.В. Тыркова и ее дети покидают Родину и перебираются в Лондон. Сюда же в 1924 году из Советской России удалось вывезти мать Ариадны – Софью Карловну Тыркову.

В последующие годы Ариадна Владимировна возглавляла в Лондоне Общество помощи русским беженцам, играла заметную роль в кругах российской эмиграции первой волны. Современники отмечали ее удивительный дар общения с разными людьми, умение понять и поддержать тех, кто в этом нуждался. По-прежнему немало времени А.В. Тыркова уделяла литературному творчеству. Ее первая книга на английском языке – «От свободы к Брест-Литовску» – была издана в Лондоне еще в 1919 году. Спустя десять лет, в год 130-летия со дня рождения А.С. Пушкина, в Париже на русском языке вышел в свет первый том ее исследования, посвященного жизни поэта. Работу над двухтомником о Пушкине Ариадна Владимировна завершила в 1948 году, однако российскому читателю книга стала доступна лишь недавно. В 1999 году «Жизнь Пушкина» А.В. Тырковой-Вильямс была издана в серии ЖЗЛ.

В 1950-е годы увидели свет воспоминания А.В. Тырковой-Вильямс «То, чего больше не будет», «На путях к свободе», «Подъем и крушение». В них дана широкая панорама общественно-политической жизни России начала XX века, глубокие раздумья о судьбах страны, о роли и месте интеллигенции в ее истории. Можно не разделять политических взглядов и убеждений Тырковой-Вильямс, однако многое из того, о чем размышляла она тогда, близко и актуально для нас и в конце XX века.

Последние годы жизни Ариадна Владимировна провела у сына, Аркадия Бормана, в Соединенных Штатах Америки. Здесь, в Вашингтоне, она скончалась 12 января 1962 года на 93 году жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борман А.А. А.В. Тыркова-Вильямс по её письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон-Лувэн, 1964.
2. Иванов А. Путешествие в Россию: Герберт Уэллс на Новгородской земле. // Новгородская правда. 1989. 21 января.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 3-х кн. Кн. 3. СПб., 1998.
4. Ковалев Ю.В. Русский переводчик Герберта Уэллса. // Советские архивы. 1967. №1.
5. Менделевич Г. Герберт Уэллс и Нина Кокорина. // Учительская газета. 1966. 22 сентября.
6. Пушкинская энциклопедия. 1799-1999. М., 1999.
7. Руденская М.П., Руденская С.Д. С лицейского порога. Л., 1984.
8. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М. 1997.
9. Тыркова-Вильямс Ариадна. Источник радости. Перевод с англ. К. Краснов. // Родина [Чудовская районная газета]. 1998. 1, 8 апреля.
10. Тыркова-Вильямс Ариадна. То, чего больше не будет. Париж, 1954.
11. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Воспоминания. Лондон, 1990.
12. Тыркова-Вильямс А. Подъем и крушение. // Возрождение [Литературно-политический журнал. Основан в Париже, в 1925 г. Девиз издания: «Величие и свобода России. Достоинство и права человека. Преемственность и рост культуры». С января 1949 г. выходил в виде литературно-политических тетрадей шесть раз в год, с января 1955 г. – ежемесячно]. 1956. №№ 51-53, 55, 57; 1958. №№ 74,82.
13. Тыркова-Вильямс А.В. Из воспоминаний о 1917 годе.// Грани [Журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли]. Издательство «Посев», Франкфурт-на-Майне. 1983. № 130.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВИКТОРОВА

4 декабря 1999 года в поселке Волот трагически погиб поэт Владимир ВИКТОРОВ. Судьба отвела ему всего 51 год жизни. Замечательный человек и поэт, неисправимый романтик и оптимист, Володя был моим самым близким другом. Чистейшая, добрейшая душа, бессребреник, отзывчивый на горе и на радость, честный и в большом и в малом – невыносима мысль о том, что в этом мире нам уже никогда не встретиться. Но живет в душе память о нем, слышится его чуть глуховатый, волнующий голос и... стихи, стихи, стихи. Володя много и талантливо писал, но, предваряя публикацию его стихотворной подборки (запланированную, кстати, еще при жизни поэта), хочется сказать, что количеством и тиражностью изданий он похвастаться не мог. Большие гонорары, литературные премии – это тоже его обошло. Да он и не принадлежал к тем, для кого именно эти «критерии» являлись определяющими в творчестве. Володина душа не расплескала доброту, любовь к жизни, к людям, к России. Именно это в лучших своих стихотворениях Владимир Викторов завещал нам.

Леонид Барановский

Мысли надо ловить на лету –
их полет не совсем безобиден.
...Человек уходил в темноту,
в темноте был уже еле виден.

Человек уходил не спеша,
сознавая великое дело.
Мысль его верно следом летела,
о пространство крылами шурша.

Но когда он ушел, то она,
одинокая, с нами осталась –
то ли грозная величина,
то ли самая малая малость.

Ксения ФИРСОВА

Владимир ВИКТОРОВ

***

Слава Богу, есть свобода слова,
Благородный стих и адский труд.

Век живи и радуйся, что снова
Это у тебя не отберут.

Пыль свобод осядет после шквала,
День взметнётся в солнечном дыму...

Только бы душа не расплескала
Доброту, завидуя всему...

***

Отчаянье прекрасно болью первой.
Потом оно становится Судьбой.
А смерти нет и нет, хоть высшей мерой
Я награжден за счастье быть собой.

***

Захотелось горбуши и стерлядки.
Предложили минтая и корюшки.
Не за фунты, которые стерлинги,
А за наши, за кровные, в горюшке...

И пока я рубли отоваривал,
Мне приятель в сердцах выговаривал:
«Плюнь мне в морду, собаке отдай его —
Я не буду жрать мясо минтаево!»

Знает он из рыбацкого опыта
Да из ропота общенародного,
Что, почём, сколько живности добыто,
Разворовано, сгублено, продано...

И, однако же, ел как телятину!
Не запачкал ни стол, ни традицию.
И сказал, что такую вкуснятину
Вряд ли можно сыскать за границею.

***

Пространство разум не постиг.
Где жизни нет, там нет движенья.
И остановлены в час пик
Часы за миг до воскрешенья.

Безумен мир. И душно мне.
Мой Бог, за что ты солнце застишь?
Мечусь, и как стена в стене
Окно, распахнутое настежь.

***

Под звездой, счастливой и не очень,
Мы одной повязаны судьбой
С ручейком звенящим, с домом отчим,
С тишиной и ночью голубой.

Был я чист и радужен, но вытек.
Как ни скупо тратил, но иссяк –
В зоне революций и политик
Отсверкавший пятками босяк.

***

Все тоньше прошлого черты,
Все холодней слова и души.
Как будто море пустоты
Обрел взамен пустынной суши.

Как сердце билось горячо!
А билось ли? Тревожит мало.
Вот боль – была. И что еще?
Иного не существовало!

Не знал друзей? Любви не знал?
На все один ответ: кручина...
Не вспомнить. В памяти провал.
Есть боль. Она неизлечима.

И не пройдет сама собой.
Ее терять не больно, что ли?
Есть боль глухая, как прибой,
И – ничего помимо боли.

***

Верите? Из солнечной обители,
По какой-то воле неземной
Прилетают ангелы-хранители,
К каждому хранитель именной.

Все равно: безумца или гения,
Все равно: злодея иль творца
Защищать...
Но где предел терпения?

Видно, есть у ангелов сердца.

***

Ты вновь за чертой. За чертой, да не той,
Откуда не будет возврата,
Где, скорбно взирая, угодник святой
Запишет: «По свечке – на брата...»

Ты много грешил. Но бывает ли свят
Кто жизнь ощутил пуповиной?
Возможно, тебе прегрешенья скостят
За то, что явился с повинной.

Не позволяя себе оплошать,
Ты в срок, без досадной осечки
Прикинул: кому это дело решать.
И каждому выдал по свечке.

А лифт не считает небес этажи...
Заранее узник печется
О прошлом своем, о спасеньи души,
В надежде, что это зачтется.

***

Жить старыми обидами – пустое,
Как запасаться холодом к зиме,
Уж лучше хорохориться листвою,
пока снега
еще в своем уме.

Уж лучше веселиться до упада.
И, облетев, ветрам сказать сквозь смех:
«Я не сержусь.
Я сделал все, как надо.
Я слит со всеми.
Я похож на всех».

***

Если выдержат дух и рука,
И не лопнут терпенье и жилы, –
Значит, вымрем не скоро,
века
Удивляясь и радуясь: живы!

Сохранится мужицкая кость.
И расскажет эпоха былая,
Как таким удальцам удалось
Не дойти до последнего края.

И потомок узнает про жисть
Тех, что были душевны и кротки,
И еще – о стремящихся ввысь,
И еще – о тянувшихся к глотке...

Очерни
или светом залей, –
Но осталась бы в памяти былью
Сказка милых лесов и полей,
Без которых и крылья
не крылья...

***

Мне снилось, я уже живой,
И на недавнем пепелище
Взлетел высокою травой –
Не муравой, – но мировой
Для всех нуждающихся в пище.

Сначала я замел следы
Огня, трагедии, раздора –
Разводы эгля и слюды –
От любознательного взора;

Потом осыпался росой,
Чтоб кто-то, юн и независим,
Шутя смахнул меня косой
С почти невидимых залысин...

Не будет книг и кинолент.
Вот – море запахов и цвета.
И пусть не знают, сколько бед
И сколько сил ушло на это.

***

Уйдя от воркований голубиных,
От красоты, не ставшей красотой,
Касаться не желаю тем глубинных, –
Достаточно мне истины простой.

Достаточно, что день зажегся ранний,
И, наконец, очищены мозги
От многообещающих свиданий,
От ничего не значащей тоски.

Достаточно, что та, кого не стою,
Не заслонила свет, играя мной,
И красота осталась красотою,
И глубина осталась глубиной.

***

Твой друг устал, но юным
не проснется...
Представь себе, что сам сорвался в сон:
Да не коснется слуха, не коснется
Последний зов его, прощальный стон.

Когда в глазах закатный луч утонет, –
Как наважденье, ночь смахни со лба
И погляди на солнце...
Да не тронет
Твоих суровых черт
его мольба!

Представь себе... Но я не представляю!
Той боли нет, но как у сердца нож! –
Ты, душу отряхнув, идешь по краю,
И страшно,
если в сторону
шагнешь...

***

Осень пришла золотая.
Век предстоит золотой.
Судьбы людские латая,
Ты обретаешь покой.

Штопаешь дыры привычно,
Чтобы в компашке лихой
Выглядеть очень прилично,
Будто и сам – золотой!

Не поклоняйтесь, – не идол.
Он одинок. И пока
Душу не предал, не выдал
И не пустил с молотка.

***

Когда бы в голову взбрело,
Что умирать не тяжело
И нет от жизни проку, –
Я б не поверил Блоку.

Слепой приверженец добра,
Он точно знал, что жизнь – игра,
Но пламя революций
Не терпит страсти куцей!

Так защити, судьба,
раба,
Едва лишь сталь коснется лба.
Да убоятся плоти
Петля и тень на взлете...

***

Какой буран!.. Во тьме скользя,
Сжав тайну слов в горсти,
Нельзя дойти, доплыть нельзя,
Но можно доползти!

Там ждут меня. Конечно, ждут
На острие тепла!
И терпеливо солнце жгут,
Сгоревшее дотла...

И только там – для голытьбы –
Где не погас огонь,
На обе стороны судьбы
Я распахну ладонь.

***

Проклятая среда.
Планеты быт богемный.
Я пламя. Я руда.
Я гул реки подземной.
Я жабры в толще вод.
Сама вода. Цунами.
Я ветер всех широт.
Я свет и мрак над нами.

Но только взгляд пустой
Космической неволи
Измерен высотой
Моей любви и боли.

***

Неведомый тщете,
И никому неведом,
Он умер на черте –
Меж тем и этим светом.
Он умер там, где лег –
Не уличишь в обмане! –
Причину, место, срок
Предусмотрев заране.
О сколько пролилось
Тогда ненужной лести!
Оплакали поврозь,
Но поминали вместе...

Уж ангел отзвучал,
Слов отошла отрава.
А маятник стучал
Налево и направо.
Не проклят, не воспет
И равнодушен к бедам
Лежал себе поэт
Меж тем и этим светом.
Нет разницы... Вперед!
Необходима встряска.
Чтобы раскрыла рот
Хохочущая маска!

***

Привет всему! Из тьмы подвала
Я угодил в тепло жилья,
Где неприкаянно сновала,
Не признавая, тень твоя.

Я был не хуже, чем татарин.
Я был неряшлив и нелеп,
И бесконечно благодарен
За тишину, за соль и хлеб...

И снова дождь шумел во мраке
Да у заборов большака
Прилежно лаяли собаки,
Учуяв запах чужака.

А я, утративший чужое,
Уже не лаю на зарю.
«Оставьте родину в покое...»
Им на прощанье говорю.

***

Живу в расчете на успех
Масштабами страны,
Земные заповедь и грех
Примерив, как штаны.

Я по причине высших сил
Не вышел в мастера,
Но никого не загубил
Посредством топора!

А что душа? Она ничья,
Просторна и легка,
И ей неведома статья
Небесного УК.

***

Учет в поэзии не строг.
А вот бы для сравнения
Прикинуть: сколько выдал строк
На душу населения? –
На вес – как хлеб и мясо – строк,
Пришедших как знамение.

Чтоб в дрожь бросало и восторг
От этого сравнения!

***

О чем мечтали мы и думали? –
И о любви. И вот о чем:
Пройти дорогами – под пулями.
И умереть – под кумачом.

Мы не прислушивались к шорохам.
И выходили в ночь на стук...

А книга, пахнувшая порохом,
Под утро падала из рук...

***

За все пожизненно плати:
За сон и за харчи,
За неустроенность пути,
Пропавшего в ночи.
Плати в трамвае и метро,
Плати за страх и страсть,
Добром оплачивай добро,
На радость не скупясь.
Плати монетой иль душой
И не считай затрат,
Даже когда бедой большой
Тебя благодарят.

***

Ругай меня без жалости, не трусь,
Я терпелив для всякого нахала.
Возможно, терпеливее, чем Русь,
Не вынесшая красного накала.

Я был бы некрасиво знаменит
Под пристальным вниманием Фемиды,
Когда б взрывался, словно динамит,
Ни боли не прощая, ни обиды.

Ужасен груз покорности в аду!
Но стоит захотеть – и дверь открою
В неведомое завтра, и уйду
От одного к другому непокою.

***

Эпоха за эпохой, век за веком,
Путем жестоких опытов и проб,
Труд делал человека человеком
И наградил горбом, удобней чтоб.

О, так сподручней шествовать
за плугом,
Валить леса и взваливать кули,
И даже разговаривать друг с другом,
Не отрывая взгляда от земли.

А я-то думал: вот холопа плечи,
След вечного бича над головой.
А я-то думал: рабское увечье! –
Извилиной своей почти прямой.

***

В громах и тучах купола.
Разбойный свист в проемах звонниц.
Я стал заложником бессонниц.
Душа, ты этого ждала?

Я стал сподвижником стрелы
Ордынской и меча тевтонца,
Для черной молнии и мглы
Средь бела дня укравших солнце.

Я стал возмездьем и золой.
Я воля прошлого... Я просто
Сегодня ком земли сырой,
Я тень, пришедшая с погоста.

Я друг рассветному лучу
Перед грядущею утратой,
Я угасаю и свечу,
Молчу, как колокол распятый.

Мне боль свою отдаст изба,
Что слепо нищенствует возле.
Мы – я и Русь – одна судьба,
Вне всех времен – и до, и после.

***

...Думаете, память замело?..

Двадцать миллионов – как число,
Даже облаченное в молчание
Обретает страшное звучание!..

Тамара СИГАЛОВА

ЗАБРОШЕННАЯ ЦЕРКОВЬ

Спустилось с небес
нездешнее,
церковь, заросший ров...
А я земная и грешная
молилась, не зная слов.
Шептали губы упрямые –
истовое «пойми».
Не изгоняю дьявола,
не предаю любви.

ОБРАЩЕНИЕ К НЕЛЮБИТЕЛЯМ

Помилуйте,
пожалуйста,
сделайте одолжение,
не придавите жалостью
в нескольких предложениях.
Не погасите сочувствием,
напомнив о том, сколько лет.
Я все же играла чувствами,
как косточками кастаньет.

ВЫБОРГ

Город на граните –
взгляните,
поймите, удивитесь.
Берег ненашенский виден.
Не любят нас там, видимо.
В ресторанчике
моряки с девчонками
бокалами пенными чокаются.
Замок древний манит стариной.
Как не хочется отсюда – домой.

В ЗЕЛЕНОГОРСКЕ

Териоки –
море и сосны,
муравейники вдоль дороги.
Териоки...
Удивленно глядит недостроенный замок.
Здесь пугливой древности запах.
Здесь когда-то хотели радости,
богатые, бедные, разные.
На песке чаек следы,
стрекот сороки –
Териоки...

НА МОГИЛЕ АХМАТОВОЙ

Это кладбище
в Комарово,
здесь тишина
и надгробий ве-ли-ко-лепие,
здесь над могилами – лето,
исполняет рондо
завершенное, летнее.
Вы сюда приходили,
Анна,
чтили других,
шептали заветное.
Ушли – в вечность.
И теперь я – к Вам
непостижимо и странно...
Рукой детской нацарапано
имя Ваше.
Крест раскинул руки
чугунные.
Строчки слышу –
гулкие.

У РЕПИНА

Распяты,
размыты,
оболганы
Пенаты.
А может быть – Болдино?
Дама прекрасная
позировала в кресле красном.
Теперь только кресло.
Нет прекрасной. Нет художника.
Над домом в стекле – дождики.
По аллеям
закатом матовым
Тени шатаются.
Осторожно. Здесь – Тайна.

ЗЕЛЕНОГОРСК. ЧЕБУРЕЧНАЯ

Жара повисла,
как пытка вечная,
оазисом – чебуречная.
Такса моя распласталась –
недвижима,
смотрит – вы еще живы?
Хмурый финн уплетает вкусное,
жена его толстая куксится.
А на меня снизошло
лето.
В зелено-гордое разодето.

КОНЦЕРТ В САНАТОРИИ

Записано на кассету
это лето,
для умников и для дур,
певец, в причудливое одетый,
смотрит с кассеты –
вприщур.
А зал слушает, шепотом споря
о вечном.
В мелодии – вечер,
в сопровождении моря.

АХМАТОВА В КОМАРОВО

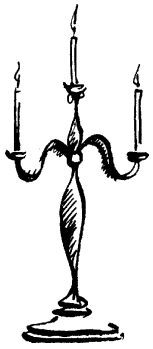
Нет музея,
нет барельефа,
примитивный курортный рай,
дом, где живут теперь летом,
называла она “мой сарай”.
Десять лет
подолгу и в долг
жила здесь.
Теперь лениво глядит дог
На туристов-гостей.
Заходить не велено:
«Подумаешь, Ахматова...»
– Куда?! – А то ведь и матом.
Россия, двадцатый век...

ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ

Вы из моря
шли медленно,
зажав что-то в руке.
Я спросила об участи
пойманного солнечного зайчика,
Вы сказали
что-то очень важное.
Я предположила отважно,
что Вы хотите
мне его подарить.
Так и случилось.
Солнечный зайчик
перекочевал в мою ладонь.
И живет в ней.
Спасибо.

***

Мой ангел
укутал своими крылами,
простыми словами
жизнь рассказал;
И от судьбы мне
некуда деться,
не передумать, не оглядеться:
последний твой взгляд
и последний вокзал.
Я много любила,
о счастье мечтала,
Неосторожно
шутила всегда,
Теперь – на сходнях
Большого Причала
В ладонях – не слезы,
а просто вода.
Прощанье банально,
прощаться не надо,
Попробуй от боли
себя уберечь,
Вдохни душистую
мякоть банана,
когда услышишь
нерусскую речь.

Ну, вот, – опять в редакции праздник. Строчки, как солнечные лучики, от листка бумаги до оконного проема, где снег и небо серое. А они – лучики – улыбчивы, чисты, немного наивны, но очаровательны в своей наивности.

Это строчки стихов Наташи Пунжиной. Подольше ей – солнечности и чистоты...

Наталия ПУНЖИНА

***

Я шла туда, где розовый восход
Румянит щеки белых колоколен,
Где пенье птиц пророчество несет
Тем, кто возвышенной душою волен,

Где в липовом цвету – мои мечты
И в изумрудье трав – воспоминанья...
Я шла туда, где утро красоты
Венчается с божественным познаньем.

Март 1994 г.

***

С твоих рук, да до чьих-то глаз...
А душа моя – в алый пыл!
Кабы с ветром умчаться в пляс
И забыть всех, кто нынче был.

Закружиться, взлететь, и прах –
Тени звезд, что легли на луг.
Будут розы в твоих руках
Слышать нежность, а в ней – испуг.

Кто ни спросит, скажу: «Не бред»,
Не поверит – не надо. Пусть
Лунным посохом звездный свет
В зелье сна подмешает грусть.

А проснусь – под окном у нас
Вместо роз – волчьих ягод куст.
С твоих рук, да до чьих-то глаз,
С этих глаз – до недобрых уст.

Июль 1994 г.

***

Нет, не проси – не услышу я флейту твою,
И не зови – не сойду по незримым ступеням.
Песню свою одиноко в тиши допою,
Ею прославив небесное чудо-знаменье.

Жди на тропе меня средь золотых мотыльков,
Слушая пчел, что слетают с надушенных кашек,
И собери мне букет полевых васильков
Да солнцеликих раскрытых душою ромашек.

В той стороне, где озерные гладь-зеркала
Ультрамарином небесным окрасили воды,
В солнечном отблеске два голубиных крыла
Воздух качнули над храмом Любви и Свободы.

Июль 1994 г.

ПАМЯТИ ПРЕДКОВ

1

Тусклый мертвенный свет
Растворился в печали озерной,
На небесном холсте рыхлый грунт потемнел и обмяк.
Здесь давно уже нет
Нашей милой беседки узорной,
И чужие следы норовят увести в полумрак.

Дождь, художник слепой,
Музыкант с одноструннною скрипкой,
Пусть смычок задрожит, заиграет, как хочется мне.
Черных яблонь покой
Растревожь своей музыкой зыбкой,
Всю щемящую боль воплотив в одинокой струне.

Пусть все станет игрой,
Закружится в едином потоке,
В дисгармонии мыслей потонут родные слова...
Только память порой
Возвращает забытые строки,
На душевную боль предъявляя прямые права.

Дождь, художник слепой,
Передай своей вещею кистью
Запах прелой листвы, привкус детства
в глубоких слезах.
Может, этой тропой
Ты весной возвратишься, и листья
Вновь тогда оживут, и надежда воскреснет в глазах.

Ноябрь 1994 г.

2

Лето веру вернуло в наполненных золотом злаках,
А надежду на крыльях весной принесли журавли.
Вы простите за то, что букет мною сорванных маков
Просто так оставляю лежать в придорожной пыли.

Дабы вспомнились те, кто, сбивая усталые ноги,
Кровью путь окроплял
до назначенных кем-то Голгоф.
Нам сто верст босиком по ухабистой этой дороге –
Только шаг ваш один по пути от снегов до снегов.

Может, кто удивится, увидев под дубом, налево
От глубоких насечек, колосья да горстку зерна –
Топорами рубили под корень столетнее древо
И младенцев учили забыть их отцов имена.

Только в белых рубахах встречавшие радость и беды
Пред святым алтарем принимали крещенье свое.
И в отцовских чертах я сегодня увидела деда,
В материнских – узрела начало мое.

В чудной дальней стране, где пред лунной
всепомнящей девой
Каждый смертный, случайно забредший,
вдруг падает ниц,
Златорогий олень стережет исполинское древо
И следит за движением звезд из-под долгих ресниц.

Ноябрь 1994 г.

***

Марине Цветаевой

Пробужденье служило толчком,
Подтверждением вещих наитий,
Чтоб сорваться ненужным клочком
В отчужденную слякоть событий.

Среди алой, дрожащей тиши
Жизнь замкнулась на пламенном вздохе,
Зацепившись струною души
За струну опаленной эпохи.

Слышишь музыку? Как хороша...
Это звуки двухструнной гитары,
Только знай, что не гибнет задаром,
Истощившись в полете, душа.

Декабрь 1992 г.

***

Воздух пахнет чуть-чуть
подпаленным крылом Алконоста,
Что за мигом вдогонку
печалью пророческой мчится,
И покорно летит за крестом
от избы до погоста,
Заметая листвою опавшей
следы за станицей.

Ель монахиней строгой
стоит на холме одиноко,
С молчаливым упорством
свой скит стережет от кого-то,
Низко кланяясь ветру,
что держит свой путь издалека,
Собирая в охапки листву,
как мирские заботы.

Небо давит на мысли
свинцовою тяжестью тела,
Наливается, пухнет,
вот-вот разразится слезами,
Напоровшись на ель,
и предстанет тогда пред глазами
Перевернутый мир,
что пророс вниз травой пожелтелой.

Вдруг исчезли, разбились
зеркальные речки оковы,
И вода задрожала
и как бы прозрела мгновенно,
Отразив вспышку молний,
и дождь заплясал откровенно,
Не стесняясь своей наготы
и упорства слепого.

Сентябрь 1993 г.

***

Ночь явилась магией печали,
Задувая свечи за собою.
Развязав крылатые сандалии,
Подала их мне: «Лети со мною».

Вздох ее придал биенье сердца
Тишине дрожащего молчанья.
В перевернутом пространстве дверца
Приоткрылась в глубину сознанья.

За кулисой сцены те же лица,
За дверями тайны нет ответа.
Только ночь, боясь прозренья света,
Все звала скорей от утра скрыться.

Жизненных не избежав крушений,
Разыгравшись в прятки и погони,
Высекаю искры на ладонях,
Призывая солнце к воскрешенью.

Март 1993 г.

***

В этот вечер чудесный,
когда грозовая портниха,
Войлок туч выжимая,
вшивала в них молний зигзаг,
Я впервые увидела, – как
грациозно и лихо
Гарцевал ты на щепке по лужам,
мой маленький маг.

И, почувствовав вдруг,
что всем сердцем тебя полюбила,
Я шагнула вперед и,
решительно встав на пути,
Об одном лишь молила, прости, –
что паром твой прибило
К берегам босоногим моим,
чтобы счастье спасти.

Вы теперь, сударь, – мой!
Неужели позволит душа вам

Отлепить от себя сладость чувств
и мгновений экстаз.
Сохнет racio твой
в коридоре на гвоздике ржавом,
Притаившись под сферою шляпы
и капая в таз.

Мы костер разожжем
и в чудесном вечернем прикиде
В старый шкаф заберемся
и там повстречаем рассвет.
Пусть сгорит пыльный хлам,
а для нас – в тесноте, не в обиде,
Суть приятных вещей
и романтика старых газет.

Март 1996 г.

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

Он не ждал. Как влюбленный мальчик
С разноцветной душой поющей,
Позабывший заветы Солнца
Без его не спускаться воли,

По струящимся вниз перилам,
По звенящим ступеням света
Устремился в объятья сада
Акварельным потоком счастья,

Абрикосово-нежной лаской,
Чистотой поцелуев свежих
На румяные лики яблок,
Ароматные гиацинты.

Опустись осторожно в травы.
В них все то, что ты ждешь от жизни:
Они льются навстречу Солнцу
Изумрудной своей надеждой.

На сквозящих прохладой вишнях,
Средь ликующих влажных листьев,
Расцветают бутоны утра
Перламутром волшебных радуг.

Май 1995 г.

***

Праздник кончился. Двери закрылись.
Ночь сняла карнавальный наряд.
Сны сиреневой дымкой спустились,
Совершая волшебный обряд.

В спящем парке, у старой веранды,
В ноздреватых перинах снегов
Чья-то елка с разбитой гирляндой
Умирала: знать жребий таков.

На крыльце моем ветер молился,
И серебряный свет фонаря
По оттаявшим стеклам струился,
Растворяясь в слезах января.

Сентябрь 1993 - Июнь 1994 г.

***

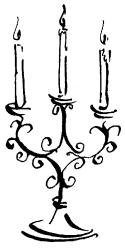
Жизнь течет, и мы ближе к земле
С каждым годом и с каждым днем...
Наперед я скажу тебе –
Не в последний мы раз живем.

Даже снег – родился в облаках –
Приближаясь к земле, живет.
Он растает в твоих руках,
Но совсем никогда не умрет.

Руки солнца поднимут ввысь
В виде легкого пара снег,
И когда-нибудь снова вниз
Устремит он свой легкий бег.

Разделяешь ли мысли мои?
Верит сердце и верит кровь,
Что душа, коснувшись земли,
Ввысь взлетит, чтоб родиться вновь.

Март 1992 г.

Марк КОСТРОВ

НА ПУТИ К РУССКОМУ ОЗЕРУ

Приглашая зимой приятелей в свои походы, я несколько лукавил. После «самоварных» разговоров в теплой квартире долгими вечерами, получая их горячие согласия, я немного боялся, тревожился: вдруг на самом деле они не передумают – весною пойдут сопровождать меня в поисках заветного озера? К счастью, из года в год приятели передумывали – я всю жизнь не любил скопа, запьянцовских коллективных поездок в колхозы и так далее. И вдруг однажды, еще до перестройки, некто Саша Ж. дал согласие. Он студент, у него каникулы, к тому же он мастер спорта по ориентированию, а его папа директор завода, так что не надо будет добираться с байдаркой на перекладных до начала нашего похода, деревни Нивки, – машину папа предоставит.

В тот год у меня в планах было не шагать, а плыть с тасками по иногда уходящей подо мхи реке Порусье, чтобы через сказочно рыбное озеро Червячок добраться до моего Беломорья с его кисельными берегами. Дело в том, что рыба, поднимаясь вверх по Неве, Волхову, Ловати, Полисти и, наконец, Порусье в поисках своих радостей, уставала и за Червячком, боясь уходить в моховую трубу, скапливалась в длинном водяном проходе в огромных количествах (хотя до Русского озера было всего 8-10 километров). Поэтому мы с Сашей захватили с собой сетку, спиннинг, чтобы питаться в пути рыбой (а попутно грибами и ягодами).

Но начались обложные дожди, и мы, перетащив лодку поверху мхов на остров Хрущевик, застряли на нем надолго. Саша стал иногда уходить в ближайшую деревню Заполье, чтобы отогреться на печи. Я же в своей крохотной палатке, покрытой пленкой, замирал, как сурок. Потом Саша отпросился у меня навестить свою девушку в Новгороде. Но вдруг погода наладилась, засверкало солнце, и старый журавль, что каждое утро пролетал над моим островом куда-то по своим делам, уже не скрипел отсыревшими крыльями. И я решил заняться разведками. До меня Саша уже исследовал Марксистский архипелаг, названный так в народе по причине расположенной там когда-то в послеперестроечные времена коммуне. Рассказывал, что на одном малом островке видел какие-то бугорки (то ли могилки, то ли землянки) и мотки перержавевшей колючей проволоки. Поковырявшись в земле, нашел даже серебряный рубль, где рабочий, на фоне дымящихся труб, кладет крестьянину руку на плечо, как бы зовет его в новую счастливую промышленную жизнь.

Мне же хотелось проплыть, сколько смогу, по Порусье, которая выныривала из подо мхов за островом. Ну, я и поплыл. И вы знаете, идти по болоту в заколенниках и даже в кедах трудно, на болотоступах полегче. Но двигаться по водным артериям, когда мхи наравне с ними, несказанная радость. Да еще сквозь солнечные болотные лески, которые осыпают тебя пахучей желтой пыльцой; я до сих пор как будто ощущаю ароматы вдруг дождавшихся тепла кривобоких сосенок. И еще запомнилось: тепло дало рост моховикам, подберезовикам и разноцветным сыроежкам, которые я собирал по берегам, не выходя с байдарки (чего и вам желаю, если вы поплывете к Русскому озеру этим путем). И морошку, уже переспевшую, желтую, которую могу есть безостановочно целыми днями, и только что начавшую поспевать чернику. Правда, с рыбой было неважно, всего два щуренка бултыхнулись на моем пути. Я бы мог написать, что и их зацепил спиннингом между делом, но чего не было, того не было.

Сперва я плыл по водяной жилке, которую на поворотах приходилось преодолевать, разворачивая байдарку на суше. Но вскорости ручей расширился до небольшого, совсем нелевитановского, плеса, и я увидел медвежьи следы. Начинался уже вечер, надо было вставать на привал. Если пойдете моим путем, то поступайте таким же способом: я повесил перед входом в палатку на сук котелок и изредка, высовывая руку, бил палкой по нему. «Бум, бум, медведи, – место занято Гомо вульгариусом!» Они же, вставая на задние лапы, удивленно смотрели на гуманоида.

На другой день ручей распятерился, как будто кто-то невидимый положил на мхи с неба свою огромную ладонь, и там, где ногтям быть, стояли переливающиеся в утренних лучах солнца водяные столбики. Ну а за ключиками, около которых кустились березы, раскинулось широко и привольно, все в огромных кочках, словно кабаны улеглись на отдых, верховое Рдейское болото с островами-кораблями по горизонту. И я знал, что за островом южного направления, согласно карте, прячется первая подступь к Русскому озеру – озеро Червячок. Поняв по прошлым попыткам, что сходу достичь желаемого нельзя, мы с Сашей решили действовать постепенно: сперва обосноваться на острове Горбатом (там остались стоять на корню еще с прошлой осени засохшие боровики), потом перебраться на рыбный Червячок, – время было доперестроечное, и сухие

супы у нас кончились. И только затем делать бросок к Русскому озеру – верхней точке Рдейщины, откуда текут на все четыре стороны реки, речки и ручьи. На запад течет речка Ашевка, впадающая в Сороть (значит и Александр Сергеевич пробовал болотной водицы), на север – Редья и Полисть, на восток – Шульга и Загарка, а на юг – Чащивка, Горелка, Пахомовка, Тупичинка, Масловка... Жихари Русского озера когда-то для сохранности перетапливали сливочное масло, чтобы снабжать им остальные земли метрополии, – может, кто помнит отсюда старое название его в Петербурге и Москве – «Русское Масло».

Наша с Сашей программа была не только достичь Русского озера и на нем остановиться, а продолжить движение и дальше. Отдыхая, накоптить окуней, попастись на морошковых полях, насушить грибов и сделать километровый таск на озера Домша и Островистое с его Крючком – плавающим моховым островком (куда ветер дунет, к тому берегу он и прислоняется) и затем двигаться вниз по Хлавице, мимо острова Горбач. Я, кстати, ел в этих краях морошку, а зимой сушеные венчики ее, и вылечил цирроз печени, а также расстался с застарелым бронхитом. Прошло во мхах и заболевание глаз. И еще питался всегда в тех краях рыбой и пил чистейшую профильтрованную водицу – идешь по болоту, пить захочется, вдавишь майонезную баночку в мох, и вода в ней такая прозрачная, что словно и нет ее. Да еще двести граммов клюквы в день. Короче, не по болоту идешь, а по Рдейскому раю.

Увы, далее начались печали. Когда я, закрепив лодку на спине, поволок ее к Горбатому острову, забарахлило сердце. Пришлось прилечь на кочку, слушать, завернувшись в многофункциональный плащ (он заменяет мне в походах и матрац, и спальник), как урчат подо мною прозрачные болотные воды. Хорошо лежать в зарослях багульника, которого не любят комары, и смотреть в небо. Однажды вот так, уже весной, вовремя нашли заснувшую от запаха багульника на мхах женщину с огромным мешком клюквы рядом. Спасли. Ну а мое сердце меня в тот раз отпустило само, только сильно заболела голова.

Когда же скатился вниз к становищу, палатки напарника не было, – вместо нее на земле лежало семь кусочков сахара, полпачки чая, и над ними сверкал сочившимся соком вырезанный на березе какой-то странный знак.

Осваивать вторую речку – Порусь – у меня сил уже не было. В чем-то виноваты были и мы, наслушавшись жихарей деревни Иванцево, которые ввели нас, непонятливых пришельцев, в тупиковую ситуацию, когда мы выспрашивали у них дорогу, и я отдался на волю течения реки Порусьи. Плыл через ее высоченные слоеные, словно черничный пирог, берега, облизываясь, потому что, когда перевернулся на порогах второй раз, утопил не только фотоаппарат, но и немудреные припасы. Деньги, правда, высушил, но на них тогда было ничего не купить. Одолев 300 км пути, дожди и завалы, вернулся в Новгород.

Потом была еще одна попытка, и снова бесплодная, протаранить болото, но уже с юга на север, через озеро Полисто, с двумя кандидатами наук. И они тоже меня бросили. Я снова перешел на одиночество. Зимнее. В Холме открыл цех по производству блесен, запонок из эпоксидной смолы, в кулоны даже заливал те цветы с посаженными на них букашками, что собирались на болоте. И однажды, выкроив несколько дней, зашлепал охотничьими лыжами по снегам. Первую ночь я провел в заброшенном сарае перед костром в бочке, вторую – на острове Две Титьки.

Не получилось у меня свидания с озером и с помощью Юрия Казакова. Начитавшись прекрасных лирических рассказов о его мужественных походах по Северу и Подмосковью, согласился вести писателя со спутниками Димой и Лидой, тоже поклонниками его творчества, в те края. Я хотел показать ему путь более легкий – через «Америку» – местность, где в двадцатые годы происходило спрямление Полисти приглашенными из США экскаваторщиками. Однако Юрий Павлович и его сопроводители хотели видеть вначале Рдейский монастырь. Когда я снова предложил им более проходимый зимник через Андроново и остров Лужки, Юрий Павлович и ребята требовали трудностей. Пришлось им уступить, избрав исходной точкой Жемчугово (когда-то здесь, в реке Редье, добывали жемчуг). Но мы добрались только до Обители. У Казакова в это время огромный окунь сорвался с удочки. А я тогда подцепил на эпоксидную блесну, что делалась по моим чертежам в Холме, двух приличных щук. Окуней же, пойманных в сети дядей Мишей Силиным из Высокого, видел только весною. Они были весом по четыре килограмма, но не столько велики по длине, как толсты и высоки, словно две сложенные вместе миски. Раньше никто этому не верил. Но вот недавно появилась в продаже долго не издаваемая книга Сабанеева «Рыбы России», где сообщалось, что «в Рдейском озере Старорусского уезда встречаются 12-фунтовые окуни».

Ю.П. Казаков, Дима и Лида Порушкевичи. 1975 г.

В конце концов мне все же удалось натаскать довольно приличных окуней из подо льда Русского озера. Добраться до него за один световой день через Лисовые Горки помог мне и еще нескольким новгородцам Павел Сергеевич Краснов из Замошья. Озеро после ветров, как зеркало в оправе, сияло в ожерельях зацепившегося за осоки льда, и было, как и рассказывали, в соснах. А ночевали мы на крохотном бугорке твердой землицы у Межницкого ручья. Помню, у меня еще хватило сил поставить жерлицу, поймать живца, а утром вытащить на него первого окуня Русского

озера, но не на четыре килограмма, а на четыреста граммов.

Позже мне специалисты объяснили, что озера, где человек никогда не производит лова, делаются для рыбы, как они выразились, тугорослыми, тем более, если, как это произошло в Русском озере, в них побеждает один вид. Неважно – окуневый ли, щучий, карасевый. И я с этим, поразмыслив, согласился.

В Рдейском озере крестьяне четырех деревень, что создали обитель, веками ловили рыбу. Позже к ним присоединились монахи, да еще наезжали на сетевые рыбалки жители Чекунова, Новичков, Пугина и так далее. Русское же озеро, окруженное топями, было недоступным. Еще позже, когда я поселюсь на год на острове Межник, – окончательно пойму ученых. Зимой буду жить в вигваме и землянке, летом сажать огород, и как-то приду в ту часть озера, где начинается Порусь. Речка с чередой разливов на полкилометра будет нормальной, а потом уйдет в сфагнумы. Кстати, если пробить в них дырку, то и там будут клевать черные, как головешки, окунята.

Через пару дней я вновь пришел к устью, и что же – места, несмотря на мои смертные приговоры, были опять заняты новыми пожирателями. И я снова и снова черпал, как из садка, для своих трапез очередные порции окуней.

И что еще меня пугает – в озере живут не просто разнополые рыбы одной породы, а только одни голубые окунихи. Просто когда-то окуни скрещивались с судаками, потом судаки или вымерли, или ушли из водоема по каким-то причинам, и в нем остались одни самки. Когда я ставил ранней весной закол в ручье, соединяющем Русское и Межницкое озера, то вперед в мережу полезли истекающие молоками в полосатых тельняшках небольших размеров самцы. Потом случился недельный перерыв, пока я не догадался повернуть горло ловушки в обратную сторону, и снова был с желанной добычей, но уже без молок. То есть, сделав свое дело, мужские особи снова возвращались или были изгоняемы самками в свое холостяцкое логово до следующего года. Специалистам бы заняться оживлением не только Русского озера, но и других соседних озер, например, Кокаревского. В нем, несмотря на соединительную канавку, живут только одни щуки. И какие! Но чем они питаются, не знаю. Рыбоедством что ли занимаются, как и окуни?.. Повторю только одну любопытную деталь – во всех озерах Рдейщины, как и в нашем светлом Ильмене, я не замечал громкого боя щук – все происходит под водой, в тиши, – снаружи такая гладь, такая благодать, такое симпатичное закатное солнце, что сидишь после трудов праведных у вечернего костерка, и невдомек тебе, что там, в озере, идет своя подспудная жизнь.

События 1974-1975 годов

Ирина ПАВЛОВА

КАК НА КУРИНЕ ЖИЛИ

Помню, зимой 1990 года, когда умерла моя бабушка, приехала к нам в Питер на похороны моя новгородская тетя, приходившаяся бабушке племянницей. И вот, войдя в комнату и увидев пустой диван, на котором старушка обычно всегда сидела последние годы жизни, тетя всплеснула руками и, заплакав, запричитала: «Некому больше нам рассказывать, как на Курине жили! Некому». «Некому» – это слово больно кольнуло меня в сердце. Почему некому? Ведь я все помню. Я всегда была из тех внучек, которые очень любят и запоминают бабушкины рассказы о былой жизни. Впоследствии восстановление и сохранение памяти о прошлом сделалось моей профессией: я стала историком. И мне ли не знать, что маленькие истории родов, семей составляют одну большую историю Отечества. Так и с нашей семьей. Ее маленькая история отразила все изломы и коллизии большой истории России. Впрочем, как и у всех наших земляков – крестьян Новгородского края.

Семья наша происходит из деревушки под названием Курино, стоящей среди густого елового леса на пологом пригорке, внизу перед которым протекает быстрая, каменистая и порожистая в этом месте, река Мста. Согласно легенде, передававшейся из уст в уста, деревня эта возникла в конце XVIII века. Какой-то местный помещик решил заставить своих крепостных мужиков гнать смолу для прибыли в его хозяйстве. Смолистого леса кругом было сколько угодно. Крестьянам пришлось оставить насиженные места в пойме Мсты среди лугов и переселиться прямо в лес. Там на пригорке они вырубили и выжгли чащобу, построили избы. Выкорчевали и очистили от камней места для посева хлеба. А оттого, что выкуривали там смолу, высокие густые столбы дыма поднимались над лесом. С реки их далеко было видно. Потому и получила деревня название Курино. Со временем смолу гнать перестали. А деревня Курино так и осталась стоять на пригорке среди лесов и болот. И куринское поле, клином врезавшееся в боры, так и звали – Борова нива.

Не одно поколение сменилось в Курине. Жили, пахали, сеяли. Практиковали трехпольную земледельную систему, традиционную для этих мест. Было у каждой семьи по нескольку полос, обычно в разных местах Боровой нивы. Одну часть своей земли крестьяне засевали яровыми: овсом, ячменем, коноплей, засаживали картошкой. Другую еще с осени засевали озимой рожью. Третью же, хорошенько удобрив навозом, оставляли под пар. Осенью на паровой земле сеялась озимая рожь. Земля, бывшая под яровыми – овсом, ячменем и коноплей, – оставалась под пар. А земля, с которой убирали рожь, предназначалась под рожь яровую.

Зимой нанимались куринские мужики и парни к купцам строить барки для перевозки товаров водным путем. Надо сказать, что Мста к концу XIX века уже утратила то большое значение, которое она имела с древнейших времен как водная транспортная магистраль. Ее заменила магистраль сухопутная – Николаевская железная дорога. Но купцы активно перевозили по ней свои товары на барках и вели торговлю, устраивая распродажу прямо на судах и пристанях возле крупных сел и маленьких городков по берегам. Гоняли по Мсте и груженые дровами плоты – гонки. Одно из мест построения купеческих барок находилось между Куриным и следующей за ним деревней Корповым, в так называемых Ребрах. Там на высоком берегу валили лес, очищали бревна от сучьев и на специальных подставках – «клетках» – ладили длинные широкие, одинаково закругленные с обоих концов барки, которые ходили только вниз по течению реки и управлялись четырьмя большими веслами-«потесями», по два на носу и на корме. Весной барки спускали на воду, когда уровень ее поднимался до самого края берега. Пока не начались полевые работы, многие мужики становились лоцманами: проводили тяжелогруженые вереницы барок и гонок-дровянок через мстинские пороги и крутые повороты до самого Петербурга, после чего с заработком возвращались домой.

Вот в такой деревне и жила семья Семена куринского, одного из моих прапрадедов. Как было его отчество и сколько у него было детей теперь уже выяснить не удастся. Одно знаю, что детей было не меньше трех. Но может быть и больше. Во всяком случае, двое из них, братья Александр и Николай, всю жизнь так и прожили в Курине. Была еще их сестра Дуня, но в какую деревню она вышла замуж теперь тоже неизвестно. Зато о судьбе моего прадеда, Николая Семеновича, я знаю все. Родился он еще при крепостном праве, но спустя два года оно было отменено. Двадцати годов попал в рекруты. На службе находился пять лет. И, хотя грамоте он выучился только в армии, сумел зарекомендовать себя смышленым и расторопным, потому и в отставку вышел уже в чине фельдфебеля, что удавалось далеко не каждому крестьянину.

В старом-престаром фотоальбоме старшей сестры моей бабушки сохранилась маленькая и почти совсем выцветшая фотография, датированная 1884 годом. С нее сквозь туман былого смотрит на нас бравый молодец в военном сюртуке и фуражке. При взгляде на это фото меня всякий раз охватывает волнение: кажется, будто чувствуешь живой взор прадедушки, которого никогда не видела живым, но которого знаю и люблю по рассказам бабушек, его дочерей. На этом фото ему еще 25 лет. Впереди у него возвращение в родную деревню, покорение сердец всех красавиц из окрестных селений, из которых ему достанется самая лучшая, о какой мечтали многие парни. Ее звали Таля Лебедева.

Иван Васильевич Лебедев, отец моей будущей прабабушки, служил управляющим в имении князя. Имение называлось

Видомлицы. Теперь это скромная деревня недалеко от Любытина по дороге на Малую Вишеру. От княжеского дома осталось какое-то строение неопределенной формы, хотя в нем до последнего времени еще живут. Правда, теперь оно что-то вроде коммунальной квартиры или общежития. Тогда же деревни Видомлицы не было вовсе. Это была большая усадьба князя (мои бабушки называли его фамилию – Еникеев). Усадьба с деревянным, но хорошим домом, с садом и парком, с лиственничной аллеей, спускающейся к реке (остатки которой еще можно наблюдать и сейчас), с клумбами цветов, с коровником, конюшней и многочисленными хозяйственными постройками. Прапрадедушка и прапрабабушка Федора Ульяновна жили прямо в доме князя, как бы в отдельной квартирке. Прапрабабушка исполняла роль домоправительницы и кухарки. Князь был холост, жил один, но, несмотря на это, забот у нее хватало. Детей у супругов Лебедевых выросло одиннадцать – восемь сыновей и три дочери: Катя, Саша и Наташа (или Таля, как принято называть в наших деревнях). Всем сыновьям прапрадедушка сумел дать образование. Впоследствии большинство из них работали на железной дороге начальниками станций. Как вспоминала моя бабушка, дядя Петя был начальником станции Курск, дядя Яша – начальником станции Фарфоровский пост под Петербургом, дядя Вася – станции Чудово. Дядя Андрей служил дьяконом в Троицкой церкви села Никандрова, а дядя Павел – чиновником в Питере, и больших чинов достиг. Дочери тоже умели читать и писать. Катя рано умерла. Саша уехала в Петербург, выучилась портняжному делу, работала, затем завела собственную швейную мастерскую. Во времена детства моей бабушки это уже была важная госпожа Александра Ивановна Лебедева – хозяйка дамского ателье по пошиву верхней одежды, но для племянников – щедрая питерская тетушка, присылавшая к праздникам обновки, игрушки и сласти.

Самая младшая и любимая дочь, Наталья Ивановна, слыла красавицей. И вправду: высокая, голубоглазая с длинной черной косой, она сразу бросалась в глаза. Наряжал ее отец по-купечески, да и черной работы она не знала. Помогала матери по хозяйству в княжеском доме. С семнадцати лет начали за нее свататься. Сватались бельские лавочники (Белое – старое название Любытина), сватались боровичские и даже новгородские купцы. Но отец не спешил с нею расстаться, ждал жениха, который ей понравится. Вечерами частенько приходила она на посидки в соседнюю с Видомлицами деревню Борок. «Талька конторщикова пришла!» – пробегал по избе возбужденный шепот, когда она плавно переступала через порог и подсаживалась к подружкам петь песни. А деревенские парни не решались пригласить ее плясать. Но однажды нашелся тот, который решился: бравый фельдфебель куринский Семенов. Так произошло их знакомство. Вскоре она поняла, что этот парень – тот жених, который ей по нраву. Отец был категорически против.

– Куда же ты пойдешь в Курино на крестьянство! – говорил он ей. – Ведь ты ни в печке стряпать, ни ткать, ни прясть, ни корову доить, ни жать рожь не умеешь. Разве для такой бабьей жизни я тебя берег!

– Научусь, – отвечала она.

– Да ведь там тебе придется самой на всю семью белье стирать, самой ребятишек нянчить, самой огород сажать и полоть, пойло скотине варить!

– Ну и буду.

– А я-то тебя за богатого купца прочил с кораблями, с хоромами.

– Пойду или за куринского Семенова, или ни за кого.

В конце концов отец уступил. В середине восьмидесятых годов сыграли свадьбу. На Курине для молодых была поставлена новая изба. Зажили они хорошо. Молодая жена действительно всему научилась: и в печке стряпать, и стирать, и коров доить. Только прясть, ткать и вязать так и не умела. Как вспоминала моя бабушка, для этого всегда нанимали бобылок – вдовых старушек, которые приходили из соседних деревень и жили у них в доме по нескольку дней, а то и недель, пока не переделают всю работу. «Они очень любили к нам приходить, – говорила бабушка. – Зимними вечерами работали, а мама читала им вслух газеты и книги. Им нравилось слушать, и они иной раз работали медленнее, чем могли бы, чтобы подольше у нас побыть».

Через год после свадьбы народился у Семеновых первенец – сынок Васенька. Но вскоре началась в их жизни полоса несчастий. Васенька, не прожив и года, заболел и умер. А их новая изба сгорела, когда все были в поле. Следующую избу прадедушка Николай Семеныч построил сам, да еще какую! Недаром звался он на все руки мастером. Изба и сейчас еще

Семья Погодиных в Курине. Фото 1909 г.
Нижний ряд, слева направо: Яша Погодин, Федора Ульяновна Лебедева (мать Н.И. Погодиной), Ваня, Николай Семенович, Наталья Ивановна, Таля (бабушка автора) Погодины; верхний ряд, слева направо: Александра Ивановна Лебедева (старшая сестра Н.И. Погодиной), Василий Карпов (приемный сын Погодиных), Константин и Клавдия Погодины

стоит на Курине, уже второй век. Вот ведь какая крепкая. Была она небольшая, но тщательно продуманной постройки, на высоком подклете, как принято в деревнях Северной Руси. Пол был двойной, с прослойкой из песка. В нижнем полуподвальном помещении – в подклете – была печь, как и наверху. В сильные морозы ее топили, чтобы не замерзла хранившаяся там картошка, а пол снизу подогревался бы так, чтоб дома ходить босиком. Снаружи изба напоминала сказочный терем: по углам – точеные деревянные столбики, вокруг вся словно опоясана резною бахромою, наличники окон – как деревянное кружево. Возле избы посадил прадедушка вишневый и яблоневый сад. Выкопал пруд, в котором плавали утки. Все было бы хорошо, да после смерти первенца Васеньки не было у них больше детей. Это продолжалось несколько лет. Наконец, совершенно отчаявшись, решили они взять ребенка из приюта на воспитание. Рассказ о том, как это произошло, я много раз слышала от бабушки и ее старшей сестры.

Собралась Наталья Ивановна и поехала в Питер, в приют, чтобы выбрать себе малютку. Приехала, пришла в приют, стала смотреть на детей. Сначала понравилась ей одна девочка. И хотела она уже было взять ее, как вдруг подошла к ней какая-то женщина, которой она раньше не замечала, и говорит: «Мамаша, возьмите моего Васеньку. Я на вас давно смотрю, вы мне понравились. Вижу, что вы женщина серьезная. Ему у вас хорошо будет». Наталья Ивановна потом вспомнила: «Меня как в сердце кольнуло: Васенька! Ведь и у меня Васенька умер. Видно, Бог мне указывает». Посмотрела она на младенца. Мальчик был новорожденный, и хорошенький такой! Она согласилась. Так Васенька Карпов попал в семью Семеновых на деревню Курино. Кто знает, что заставило его мать отдать свое дитя другой женщине, но выбор она сделала правильный. Васеньку Семеновы очень любили и вырастили как своего родного сына. К тому же он принес им счастье: через год после его усыновления у Семеновых родилась родная дочь Антонина, еще через два года – Екатерина, затем сын Константин, затем – Клавдия, Иван, Яков и Наталья (моя бабушка). Семья стала большой, шумной, дружной.

В самом конце XIX века у нее сменилась фамилия. История такая: у Николая Семеновича был родной брат Александр Семенович, живший рядом с ним в том же Курине. У дяди Саши, как звали его дети, была какая-то природная способность предсказывать погоду, что очень важно для земледельцев. Предсказывал он весьма своеобразным способом. «Дядька Саша, какая завтра погода?» – кричали ему. Он зарывался в стог сена так, что торчала одна борода и, посидев там немного, вещал: «Вёдро» или «Дождь». Поэтому его и прозвали: Сашка-Погода. А всех его родственников стали звать Погодины. Так стали Семеновы Погодиными. Все дети Николая Семеновича пошли в школу уже под этой фамилией.

В нашем семейном архиве сохранилась драгоценная фотография 1909 года. На ней – вся семья, за исключением двух старших дочерей, Антонины и Екатерины. Они к тому времени уже не жили дома. Екатерину забрала к себе в Питер тетушка Александра Ивановна, чтобы выучить ее искусству портнихи-модистки и оставить ей в наследство мастерскую. А Антонина, закончив Новгородскую учительскую семинарию, уже работала сельской учительницей в одной из деревень Новгородской губернии. Говорили, в те годы в Белом появился фотограф, которого модно было приглашать к себе и сниматься всей семьей, а то и даже всей деревней. К счастью, эти фотографии сохранили для нас дорогие лица наших прадедов и прабабок – русских мужиков и баб, земледельцев, страдников, – тех людей, чьим трудом жила аграрная Россия, кем она держалась. Из-за отсутствия крестьянства ей нечем и некем держаться теперь.

Лет пятнадцать назад мне удалось обнаружить еще одну ценную фотографию начала XX века в доме бабушкиной подруги детства, тоже уроженки Курина, ленинградской учительницы Лидии Николаевны Вересовой. Она, в свою очередь, нашла эту фотографию среди детских игрушек в избе у своей родственницы, ранее жившей в Курине. Перед нашими глазами – все куринские мужики. Вы не найдете здесь ни глупых, ни пропитых лиц. Это степенные отцы семейств, труженики, уважающие свой труд и друг друга и живущие результатами собственного труда.

Все дети моего прадеда учились в Льзичской земской школе. Это была одна из тех школ, которые создавались Земскими управами, появившимися в России в результате реформ, связанных с отменой крепостного права. Здание ее не сохранилось. На месте, где оно стояло, теперь проходит железная дорога, построенная во время Великой Отечественной войны. Сохранилась только старая сосна, стоявшая под окном школы на берегу речки Забитницы. Директором и основным учителем в Льзичской школе был Николай Михайлович Корсаков. Члены его семьи тоже были учителями. Жена, Ольга Михайловна, преподавала девочкам рукоделие, дочь, Мария Николаевна, вела начальные классы. Вторая дочь, Татьяна Николаевна, и сын, Евгений Николаевич, учительствовали в других деревнях Боровичского уезда. Физкультуру для мальчиков в Льзичской школе преподавал мой прадед Николай Семенович Погодин. Как бывший фельдфебель, он учил мальчишек строиться, маршировать с палками вместо ружей на плечах, и прочей армейской науке. За это он получал жалование – три рубля в месяц, по тем временам неплохие деньги (можно было купить на них пуд муки и еще бы осталось).

Период обучения в земской школе составлял шесть лет. Он разделялся на две ступени: первая ступень (4 года) давала начальное образование, вторая ступень (2 года) готовила крестьянских ребят к поступлению в среднее учебное заведение вроде учительской семинарии или фельдшерской школы. Хотя образование в земской школе и было бесплатным, немногие крестьянские дети проходили ее полный курс. Во-первых, это зависело от природных умственных способностей и от желания ученика. Во-вторых, в зимнее время нужна была, конечно, теплая одежда и обувь, чтобы каждый день проходить по шесть-восемь километров туда и обратно. Да и помогать родителям нужно было. Но, как вспоминала моя бабушка, уж если кто очень хотел – тот выучивался, преодолевая все трудности. Жил на Курине мальчик по имени Трофим Ключников. Семья его была очень бедной: отец пил, уходил из дому бродяжничать, как только наступала пора работать в поле, а мать с малыми детьми кое-как вела хозяйство. Но Трофим оказался очень способным учеником. Он ходил в школу в рваных валенках, в одежде не по росту. Дома готовил письменные уроки на высоком пороге, потому что не было стола. Тем не менее он прошел полный курс земской школы. А впоследствии стал генералом советской армии. Но, как говорила бабушка, он и при царе бы своего добился: очень уж хотел выучиться и выйти в люди.

В нашей семье дети учились благодаря сильнейшему желанию матери и невероятной трудоспособности отца. Мама, как вспоминала моя бабушка, уж если кто из детей заболеет и пропустит занятия, так переживала, что ребенок торопился поправиться и пойти в школу, чтобы ее не огорчать. А отец обеспечивал детей всем необходимым: сам выращивал овец и те-

лят, сам выделывал овчины и кожи, сам шил полушубки, шапки, сапоги и меховые варежки. Сам зарабатывал деньги на книги. Конечно, дети помогали управляться с хозяйством летом и на каникулах, но основная нагрузка лежала на родителях.

Попечителем Льзичской земской школы был видомлицкий князь Еникеев. Он каждую неделю, как рассказывала бабушка, приезжал, приходил на уроки. В начале девятисотых годов это был высокий худощавый старик с длинной белой бородой, как у Льва Толстого, и с одним глазом. Другой, говорили, он потерял в молодости на дуэли. Приезжал обычно один, без кучера, сам правил лошадью, запряженною в легкие санки зимой или в небольшую коляску летом. Ходил быстрой походкой, быстро говорил и быстро принимал решения. Его помощь школе всегда была существенной. Например, он закупил на свои деньги фланели и велел всем ученицам на уроках рукоделия сшить себе на зиму по паре теплого белья, которого деревенские девочки в те времена не имели вовсе. А ведь ходить в школу по морозу им приходилось очень далеко. Покупал князь для школы и книги, и тетради, и приборы для уроков физики. Устраивал рождественские елки с подарками.

Куринские мужики. Фото 1909 г.
Нижний ряд, слева направо: Костя Погодин, Максим Никиткин, Дмитрий Ключников, Николай Семенович Погодин, Николай Анисимович Вересов, Федор Сидорович Сидоров (Федя Грешихин); верхний ряд, слева направо: Дмитрий и Михаил Погодины (племянники Н.С. Погодина), Александр Елезаров, Василий Доронин, Гриша Макарончик (куринский пастух)

Моя бабушка вспоминала: когда она закончила первый класс, в школе было устроено что-то вроде торжественного утренника. Учебный год тогда заканчивался в начале мая, так как дети должны были помогать родителям в поле, пахать и сеять. И вот уже цвели деревья и цветы. Первоклассников поздравляли с переходом во второй класс. На торжестве присутствовал князь. Старшие ученицы на уроках рукоделия приготовили для него подарок – газетницу с вышитыми на ней гарусом красивыми красными розами. Моя бабушка, тогда девочка девяти лет, и еще одна ее соученица, должны были этот подарок вручить. Для этого учительница рукоделия Ольга Михайловна написала ей несколько слов на бумажке. Не один день учила бабушка эту речь. Она всю жизнь помнила ее наизусть, как первую речь, которую ей пришлось сказать: «Ваше сиятельство, князь Николай Николаевич! За вашу заботу о нас, ученицах, мы просим вас принять в знак сердечной благодарности этот маленький подарочек рукоделия». Но в тот день проговорить все это она не смогла – очень волновалась. Произнесла только первые слова: «Ваше сиятельство, князь Николай Николаевич...» – и забыла, что дальше. Ольга Михайловна шепнула ей: «Посмотри в бумажку». Но она совсем смутилась и заплакала. Тогда князь быстро поднялся со своего места, подошел к ней, расцеловал в обе щеки и произнес: «Умница, хорошо сказала». Взял газетницу и сам прослезился.

Жизнь князя закончилась трагически. Он имел несчастье дожить до советской власти. Усадьба у него была отобрана, дом заселен жильцами, а сам он, слепой, глубокий старик, ходил по миру и питался подаянием. Некоторые, сочувствуя ему, подавали милостыню, а иные, из пришедшей к власти бедноты, глумились над ним, науськивали, дразнили и швыряли в него грязью. Умер он в нищете и забвении. Такова была «сердечная благодарность» народа, который он так стремился просветить.

Из семьи моего прадеда вышло четыре народных учителя. Старшая дочь Антонина Николаевна, закончив Новгородскую учительскую семинарию, с 16 лет учила крестьянских детей в глухих далеких деревнях Новгородской губернии. Иногда (еще детство давало себя знать) каталась учительница вместе с учениками с горы на салазках, чем приводила их в неописуемый восторг. Но тяга к знаниям была в ней настолько велика, что она не остановилась на достигнутом, а подготовилась и поступила на Высшие женские Бестужевские курсы в Петербурге, единственное тогда в России высшее учебное заведение для женщин. Курсисткой ей удалось пробыть только два года, затем началась революция. Уже в советское время закончила она педагогический институт имени Герцена. До войны проработала учительницей русского языка и литературы в Ленинграде. Жизнь ее оборвалась в страшную блокадную зиму.

Константин Николаевич Погодин закончил педагогический институт имени Ушинского в 1914 году в Петрограде. Сразу же попал на фронты Первой мировой войны (его история заслуживает отдельного рассказа).

Яков Николаевич Погодин закончил Боровичскую учительскую семинарию. Он тоже прожил большую и сложную жизнь. Наконец, моя бабушка, Наталья Николаевна Погодина, уже в советское время закончила педагогический техникум, а затем институт в Ленинграде, и более сорока лет проработала учительницей, воспитателем блокадного детского дома, завучем, директором школы.

Учащиеся Бельского (Любытинского) ремесленного училища, будущие кузнецы. Фото 1915 г. В центре в белом кителе – инженер Белащенко, справа от него сидит учитель истории Евгении Николаевич Корсаков (сын сельского учителя Н.М. Корсакова), следующий справа сидит, подбоченясь, Иван Погодин

Кроме Льзичской земской школы в Белом (Любытино) до революции было еще и ремесленное училище. Там готовили будущих кузнецов. Как вспоминала бабушка, туда обычно шли ребята, которые не отличались особыми успехами в школе, но хотели выучиться ремеслу. Многие из пришедших туда мальчиков просиживали в земской школе в каждом классе года по два, по три, после чего Николай Михайлович Корсаков советовал им больше не тратить времени зря, а уж если им непременно хочется выучиться чему-то, то идти в кузнецы. Так они и делали. Из нашей семьи там учился второй сын Погодиных, Иван Николаевич. В раннем детстве он серьезно болел. От этого у него сделалась плохая память, и хорошо учиться в школе он не мог. Но кузнец из него вышел замечательный. За свою жизнь поработал он и на Ижорском заводе в Колпине, и на Уралмаше. И везде пользовался уважением.

Начальником училища был инженер Белащенко. Моя тетя, дочь Ивана Николаевича, нашла среди старых вещей в куринской погодинской избе фотографию, на которой засняты учащиеся Бельского ремесленного училища, вероятно, 1913–14 года. В центре снимка инженер Белащенко в белом кителе и фуражке. Справа от него Евгений Николаевич Корсаков, сын Николая Михайловича Корсакова, преподававший в училище литературу. Еще правее Иван Погодин. Имена остальных парней бабушка, конечно, могла бы назвать, но ее уже нет. Может быть, кто-то из любытинцев узнает своих дедушек. Это очень интересно — узнать дедушку в молоденьком пареньке.

Летом все ученики школы и ремесленного училища, хорошие и не очень, становились просто земледельцами, помощниками своих родителей. Как вспоминала моя бабушка, с одиннадцати лет ее братья пахали самостоятельно, хотя еще голова была едва видна над плугом. Но это им очень нравилось, потому что, как только мальчик самостоятельно вспахивал борозду, он начинал считать себя ровней взрослым мужикам. И отец поддерживал в нем эту уверенность, говоря: «Ну вот и еще один помощник у меня вырос», – а сам прятал улыбку в бороду. На сенокос выходили всей семьей. Дети с десяти лет косили. Им отец делал специальные маленькие косы и грабли по росту. Имели свои обязанности и девочки. Они за скотиной в поле ходили, учились доить коров, стричь овец, огороды пололи, лен дергали. Хозяйство было большое и трудоемкое. Коров у наших в Курине всегда имелось три – четыре, две лошади, небольшое стадо овец и коз, свиньи, куры, утки, одно время и кроликов держали. Забот хватало у всех. Бабушка вспоминала, что отец обычно покупал только соль, сахар, белую муку, гвозди, иглы да некоторые ткани на нарядные платья и рубашки. Всем остальным они обеспечивали себя сами. Даже мебель отец сам делал. У меня в теперешней нашей борковской избе до сих пор стоят два стула, сделанные прадедушкой. А в избе на Курине, где теперь, правда, живут чужие люди, все еще имеется буфет и этажерка прадедушкиной работы.

Так за работой не замечали куринские жители, как проходило лето. В конце его самым ярким впечатлением, по воспоминаниям бабушки, был праздник последнего снопа. Когда заканчивали жатву, последний сноп, украшенный лентами, приносили в избу и торжественно сажали под образа в красный угол. Приход этого дорогого гостя означал сытую зиму и обеспеченный посев на будущую весну. Снопу кланялись, пели песни, плясали. В ближайшее воскресенье ехали всей семьей в бельскую Успенскую церковь и благодарили Бога за урожай и успешно завершенную жатву. В церковь ездили на маленькой выходной таратаечке, сделанной прадедом. Она была вся резная и ярко раскрашенная. Жаль, что не сохранилась на фотографиях.

Зимою время в Курине проводили по-иному. Горела в избе свеча или керосиновая лампа. Бобылки-старушки пряли лен или шерсть, вязали чулки. Наталья Ивановна читала им Пушкина. «Повести Белкина» им особенно нравились. Покончив с уроками, любили ребята сбегать за бабкой Поварешихой и пригласить ее к себе рассказывать сказки. Жила на Курине в маленькой избенке в два окошечка старушка-вдова. Звали ее Поварешихой потому, что покойный муж ее когда-то служил поваром, то ли в Питере, то ли у какого-то помещика, а в глаза называли уважительно: Василиса Егоровна. Была она большой мастерицей рассказывать страшные сказки и истории. Вот придет, бывало, бабка Поварешиха, сядет на лавку возле печки и начнет что-нибудь этакое: «Месяц светит, мертвец едет: «Милая жена, не боишься ль ты меня?» – а она ему в ответ: «Да чего же мне своего-то мужа бояться!» А у самой волосья-то дыбом стали так, что платок приподнялся...» Ребята и старушки слу-

шают, затаив дыханье, а в морозные узорчатые стекла окна заглядывает луна. Ледяные узоры сверкают в ее лучах, а по заснеженному огороду возле избы прыгают крупные зайцы-беляки, прибежавшие из лесу, который сплошной зубчатой стеной стоит прямо за околицей, за изгородой. Ищут зайцы, нельзя ли поглодать кору яблонек в саду у моего прадеда, но напрасно: все стволы в саду предусмотрительно обернуты соломой и обвязаны крепкой бечевкой – не добраться до них зайцам.

«А вот еще такое слыхали, – продолжает бабка Поварешиха, – что с нашей бельской просвирней случилось в прошлую Пасху? Просвирня-то наша бельская малость скуповата. Вот идет она раз утречком раненько в церковь со свежими просвирками, а на дороге у обочины нищий сидит, отдыхает, стал быть, старенький такой старичок. Он и говорит просвирне: «Дай мне, матушка, просвирочки свеженькой». А она в ответ: «Не могу, желанный, все просвирочки у батюшки на учете». Вздохнул старик: «Ну хоть копеечку подай ради Христа». А она ему: «Не могу родимый, одна живу, самой бы кто подал». И пошла дальше. Отнесла просвиры в церковь, на службе постояла и пошла обратно, значит, домой. Видит, на том месте, где старичок нищий сидел, сидит кот. Да эдакий красавец! Большой, пушистый, черный, а грудка и лапки белые, а глаза светло-зеленые, и на кончике хвоста беленькая кисточка. «Вот так котик красавчик, – думает просвирня, – позову-ка я его, может, пойдет ко мне жить». И манит его: «Киса, киса, кис, кис, кис». Он и пошел за ней. А живет она одна в маленьком чистеньком домике у берега Мсты. Вот пришли они, и стал котик у нее жить. А дело-то было незадолго до Пасхи. Вот настала и Ночь Великая Пасхальная. Пошла просвирня к заутрене. Вернулась домой уж засветло. Входит в свой домик да и говорит коту: «Христос воскресе, кисонька!» Вдруг у кота глаза-то как сверкнут зеленым огнем, и молвит он ей человеческим голосом: «У тебя-то воскресе, а у меня-то не воскресе!» Да как прыгнет прямо на нее, чуть ей в горло не вцепился. Отпрянула просвирня в сторону да зашептала молитву. Стоит она, дрожит от страха и шепчет: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй мя». А кот-то раскрыл пасть, что у рыси, и как заревет, да так страшно, точно зверь лесной. Выскочила просвирня из дому. Себя не помня, до соседей добежала. А кот как принялся у нее по домику скакать – все лавки, столы и стулья в щепки разбил, все горшки и посуду, какая была, в черепки перекрошил и окна высадил с рамами. А сам исчез. Просвирня потом долго боялась в свой домик вернуться. У соседей ночевала. Уж после призвала туда священника, молебен отслужили, все святой водой опрыскали. Тогда лишь она вернулась. Вот, детки, что значит божьему-то человеку милостыньки пожалеть. А враг-то не дремлет. Тут же и подстережет тебя да в душу к тебе и влезет, как тот кот к просвирне в домик, да и порушит в ней все. Вот так-то. Поняли?»

Наслушавшись таких рассказов, говорила бабушка, мы боялись и в сени выйти. Шли непременно все вместе, держась друг за друга, а впереди обязательно мама с фонарем. Но бабку Поварешиху очень любили. Перед праздником мама нас, девочек, посылала к ней в избушку полы намыть, и пирогов ей всегда относили, и пива, когда отец варил: она до него охотница была.

Наступали святки – время между Рождеством и Крещением, холодные январские ночи, когда мороз трещит и щиплет за щеки. Но в деревнях это время самое веселое, время гуляний, посидок и гадания. Гадали и наши бабушки – о том, о чем всегда гадают девицы: о женихах. Лили воск и олово, ходили за деревню слушать. Случались тут и курьезы. Однажды куринские девицы от десяти до семнадцати лет отправились за деревню слушать, стоя на телячьей шкуре, кому что прислышится. Расстелили шкуру на снегу, встали на нее и напряженно начали вслушиваться. В это время Митька Погодин, сын дяди Саши, из-за которого и получили Погодины свою фамилию, пользуясь темнотой, подкрался к девицам, схватил телячью шкуру за хвост и дернул изо всех сил, так, что все гадальщицы полетели вверх тормашками. Вскочив, они с криком бросились бежать в деревню. А Митька, накинув на себя шкуру – за ними сзади. Вот уж страху-то они натерпелись. А вся деревня потом посмеялась: «Не возьмут вас, девки, замуж! Всех выбросили!»

В другой раз ходили девицы слушать под окнами изб, где что скажут. Вот подошла под окно одной избы девица по имени Дуня Никиткина. Была она девушка хорошая, работящая, в своей семье основную рабочую нагрузку на себе несла, потому отец и не спешил отдать ее замуж, – самому была нужна. Было ей лет двадцать с лишним. Вот слушает Дуня, что в избе скажут. А хозяйка смекнула, *кто* под окном стоит, да и говорит: «Что-то поставила я квашню еще со вчерашнего вечера, а она все киснет, киснет, киснет, никак не подходит». Так и пришлось Дуне до тридцати лет в девках сидеть. Потом выдали ее замуж за вдовца с детьми.

Случались и печальные предсказания, которые сбывались. Так произошло с Варей Вересовой. Это была очень серьезная, целеустремленная девушка, круглая отличница в школе. Она тоже училась в Новгородской учительской семинарии. Моя бабушка вспоминала: «Приехала Варечка на рождественские каникулы в Курино. Однажды вечером стали мы гадать у нас на кухне. Было нас несколько девчонок. Лили олово. Расплавляли его на печке в маленьком ковшике, а затем выливали в ведро с холодной водой. Фигурки получались самые разные – кому сердечко, кому цветок, кому церковь: цветок к знакомству, сердечко к любви, церковь к свадьбе. Когда же очередь дошла до Вари, ей вылился холмик с крестом и висящий на кресте венок. «Ой, доченька, что тебе вылилось-то нехорошее! – сказала наша мама. – Пойди-ка Богу помолись да больше не гадай». Осенью того года в Новгороде Варя сильно простудилась, заболела воспалением легких, попала в больницу. Там она и умерла за несколько часов до приезда ее отца. Всему Курину было горе, когда ее хоронили». Сестры же ее Ирина Николаевна и Лидия Николаевна Вересовы выучились и всю жизнь проработали учительницами. Одна в Боровичах, другая в Ленинграде.

Встречались среди куринских жителей и такие колоритные фигуры, как деревенская дурочка Уля Поворова или Петрушка-странник – один из тех людей, которых на Руси называли «калики перехожие». Пешком исходил он всю Россию, прошел по всем ее святым местам от монастыря к монастырю. Был и на Соловках, и в Заволжье, и в Сибири. Много чего видел и слышал. Раз в несколько лет приходил в Курино зимовать. И всегда останавливался у наших в доме. Прабабушка Наталья Ивановна любила принимать у себя таких людей и слушать их нескончаемые рассказы. Петрушка-странник, приходя в Курино, всегда приносил с собою для прабабушки новый веник из ивовых прутиков, чтобы выметать золу из печи, и говорил при этом: «Вот, Наталья Ивановна, как сносится этот веник, так и ждите меня снова в гости». И правда, бывало скажет прабабушка: «Что-то веник мой совсем сносился? Где-то нынче Петрушка? Давненько его не было». Смотрят, а через день, через два идет странничек по дороге, из лесу показывается с посохом в руке да с сумою за плечами. А в другой руке новый веник несет для Натальи Ивановны.

Уленька Поворова была девицей лет сорока пяти. С детства она считалась не в своем уме. Ходила по деревням, по лесу, никогда не сбивалась с дороги и не заблуждалась в любое время суток. Подбирала вдоль дороги все щепочки и палочки и втыкала их в землю. Когда люди видели эти палочки, воткнутые в обочину, то говорили: «Здесь уж Уленька прошла». Мать ее рано умерла, отец женился на другой. Новая семья Уленьку не жаловала. И ходить бы ей по миру, если бы не прабабушка Наталья Ивановна. Она Уленьку практически взяла к себе. Кормила, в бане мыла, зимой на печке держала. За то уж Уленька любила Погодиных и называла Кормилица Ивановна и Кормилец Николаюшка. За них всегда Бога молила. Бабушка вспоминала: «Уленька всегда вставала раньше всех. Опускалась на колени перед образами и начинала молиться так: «Солнышко восходит, сам Сус Христос выходит, крест с Евандельем выносит. Благослови меня, Господи, по сырой земле по матушке пройти, талан своей участи поискать». Затем начинала она поминать всех, о ком молилась, после каждого имени ударяя лбом об пол: «Помилуй, Господи, Николая Семеныча!» – бум, – «помилуй, Господи, Кормилицу Ивановну!» — бум, – «помилуй, Господи, всех рабов и рабочков – маленьких девушек и паренечков!» – бум, бум, бум. Говорили про Уленьку, что дано ей видеть то, чего другие не видят. Однажды прибежала она в дом очень испуганная и сказала: «Ох, Кормилец Николаюшка! Прохожу я мимо бани Феди Гришихина, да и заглянула в дверь (Федя Гришихин – куринский мужик, который одно время здорово пил). Вот заглянула в дверь-то, Кормилец Николаюшка, а там Федя-то пьяный спит, а вокруг него-то чертей... И маленьких, и побольше, и синих, и красных, и зеленых, и в полосочку-то, и в крапинку! Все с рожищами, хвостами бьют и пляшут!» Насилу прадедушка ее успокоил».

В другой раз говорила она прабабушке: «Ох, Кормилица Ивановна, как вчерась позвала ты меня за стол с ребятами своими да щи хлебать посадила, так у тебя из-за правого плеча ангелочек выглянул. Хорошенький такой, кудрявенький и смеяться начал, да этак звонко, что твой бубенчик». Но после одного случая вся деревня стала смотреть на Уленьку иначе. Стояло очень засушливое лето. И вот случилась большая беда: загорелся лес недалеко от Курина. Ели – деревья смолистые, горят хорошо. А тут еще подул ветер прямо на Курино. Огонь начал приближаться к деревне. Наша погодинская изба стояла от леса первой. Огонь шел прямо на нее, уже падали рядом с домом горящие головни, сбегались все куринские жители с баграми, ведрами и лопатами. Но тут из нашей избы выбежала Уленька с растрепанными волосами. Упав на колени, начала она молиться на восток. Минут через пять ветер резко повернул в другую сторону и огонь ушел вспять. После этого даже семья Уленьки, которая про нее и думать забыла, стала звать ее к себе обратно жить, да она не пошла, осталась у Кормилицы Ивановны.

Куринский мужик Федя Гришихин – здоровый и крепкий детина, смолоду здорово пил, хотя и был уже женат и имел детей. Однако в некий час случилось с ним нечто, после чего пить он совсем бросил. А дело было так. Раз зимой пошел он в Белое за какой-то надобностью. На обратную дорожку приложился как следует к шкалику. А стало уже темненько. Звезды в небе горели и месяц светил. Шел он по большой дороге и дошел до того места, где из Бору на куринский проселок поворачивать надо. Тут нагоняет его старый знакомый, сам бельский житель. «Здорово, – говорит, – Федор Сидорович! Куда идешь?» Тот отвечает: «Домой на Курино. А ты куда собрался?» Знакомый сказал, что ему, мол, надо к сестре на Корпово сходить. А Корпово, как известно, следующая за Курином деревня. Значит им по пути. Пошли они вместе. Идут, разговаривают, что-то обсуждают. Вот дошли они до того места, где среди поля крест деревянный стоял и кружечка жестяная на нем висела (в нее копеечки на церковь прохожие бросали). Поравнялись они с тем крестом, а Федя Гришихин возьми да и скажи: «Господи помилуй, сколько уж идем, а еще только до креста дошли». Обернулся, а знакомый исчез, как сквозь землю провалился. Тут Федю осенило: ведь мужик-то этот в запрошлом годе помер! Только он об этом вспомнил, глядит, ни дороги, ни креста, а стоит он по пояс в снегу среди кладбища. А по лесу сильный ветер зашумел, и в шуме его слова послышались: « У-у-у-у-у, догадался, проклятый!» Со страху Федя едва чувств не лишился. Хмель весь вышибло. Дрожащею рукою творил он крестное знаменье да пытался молитву прочесть. Однако зубы у него стучали, и выговорить он ничего не мог. Не помнил Федя, как с кладбища выбрался, как домой добежал. Но с тех пор, говорили, он и в праздник больше одной чарки хмельного не принимал, а в будни и подавно.

Когда Федя Гришихин был уже в годах, приключилось с ним еще одно диво, но уж не по причине пьянства. Случилось это в тринадцатом году, перед Первой мировой войной. Этот рассказ мне приходилось слышать и от бабушек и от Груши, приходившейся моей бабушке невесткой, жены Ивана Николаевича Погодина. Интересная легенда. Много в ней пророческой правды.

Раз зимой поехал Федя Гришихин в уездный город Боровичи на базар мясо продавать. Ехал он дорогой через лес. Выехал еще затемно. На небе звезды сияют. Впереди дымка морозная. И вот кажется мужику, что огромная вековая ель стоит перед ним прямо посреди пути. Удивился он: как такое может быть, чтобы ель посреди дороги стояла? Подъезжает ближе. И – чуть со страху не помер! Стоит перед ним баба. Ростом с вековую ель. А сама одета как купчиха. Бархатная на ней шуба с лисьим воротником, а на голове платок узорчатый. И говорит та баба громовым голосом:

– Здравствуй мужичок. Куда путь держишь?

Хочет Федя ответить, а у самого губы дрожат. Однако, собрался с духом и выговорил:

– Еду я в наш уездный город Боровичи. Мясо надо продать на базаре.

Говорит ему огромная баба:

– Слушай меня, мужичок. Поезжай в город Боровичи. Продай мясо. А как будешь назад возвращаться, привези мне новый полушалок. Да смотри, не вздумай другой дорогой поехать, а то худо тебе будет. Понял ли?

– Понял, – отвечает Федя. – Понял, как не понять.

Приехал он в Боровичи. Выгодно продал мясо. Выбрал самый красивый и большой полушалок и пустился в обратный путь. А у самого аж сердце заходится, как про бабу гигантскую вспомнит. Вот едет он уж под вечер в сумерках мимо того же места. Видит, опять будто ель вековая на дороге стоит. Приблизился, снова та баба.

– Ну что, – говорит, – мужичок? Привез ли мне полушалок?

– Привез. Вот, пожалуйте, – и подает ей подарок.

– Ну спасибо тебе, мужичок, – говорит огромная баба. – А за твою услугу покажу я тебе кое-что. Садись-ка, мужичок, ко мне на ладонь. Да не бойся, плохого с тобой не случится. – Взяла она Федю и поставила себе на левое плечо. – Смотри, мужичок, вперед. Что ты там видишь?

Смотрит Федя, а там война идет. Ружья стреляют, сабли свер-

кают, пушки палят, кровь потоками льется.

– Ужас, – говорит, – вижу. Война сплошная идет.

А баба ему:

– Смотри, смотри – это еще не все.

Смотрит он, а дальше уж сами мужики в деревнях друг на друга пошли с топорами да кольями, и почти все друг дружку перебили.

– Ну, видел? – спрашивает баба.

– Видел, – отвечает.

Пересадила она его на правое плечо.

– Теперь что видишь?

Смотрит он, а там стоят деревни пустые, заброшенные. Избы развалившиеся. Поля запущенные. Где шумела рожь, шумит лишь дикая трава. Где стояли цветущие хутора, там вырос дремучий лес. Что ж такое? Смотреть страшно!

– Видел? – спросила баба.

– Видел, – ответил Федя.

– Вот так оно и будет, – сказала баба и отпустила Федю на дорогу.

– А дальше-то что ж? – спросил он.

– Что дальше тебе знать покуда не надо. А то недолго проживешь, – сказала баба и пропала.

Озадаченный вернулся Федя в Курино. Рассказал про все, что видел, мужикам. Ну, вскоре мировая война началась, за нею революция, потом гражданская. Не один раз мужики эту притчу вспомнили. Да и до сих пор есть тут о чем подумать, особенно глядя на пустые поля и заброшенные деревни родного края.

А вот какая история произошла во всей этой круговерти со старшим братом моей бабушки Константином Николаевичем Погодиным. Он закончил педагогический институт имени Ушинского в Петрограде как раз в 1914 году. Летом началась Первая мировая война. Поскольку образование у него было высшее, его отправили после мобилизации на курсы, которые готовили младший офицерский состав. И вот он оказался в Школе прапорщиков, находившейся в Старой Руссе. Успешно закончив ее и получив звание прапорщика, он отправляется на фронт.

Чудом сохранилась в альбоме у одной из сестер Погодиных, Екатерины Николаевны, фотография прапорщика Константина Погодина перед отъездом в места боевых действий, сделанная в Старой Руссе в 1915 году. Я нашла этот альбом в городе Изюме Харьковской области. Там жила бабушка Катя, выйдя замуж за петербургского студента, уроженца Изюма. Говорят, что такая фотография была и в Курине, но, по известным причинам, в тридцатых годах ее сожгли в печке.

На фронте прапорщик Погодин проявил себя геройски. Получил Георгиевский крест и еще много наград (каких – теперь вряд ли удастся узнать, потому как самого его давно нет в живых, награды его закопаны вместе с мундиром, погонами и саблей где-то в Куринских лесах) и дослужился до чина штабс-капитана. Получил пулевое ранение навылет, но остался жив и вернулся в строй. Об этом его ранении в нашей семье тоже сохранилось воспоминание. В истории разных войн описано много подобных случаев, встречаются они и в литературе, но, тем не менее, это чистая правда. Я сама помню, как мне в детстве показывали серебряный медальон, который спас жизнь дедушки Кости. Дело было так. После окончания Школы прапорщиков Константин Погодин был в кратковременном отпуске дома. Прощаясь с сыном, прабабушка Наталья Ивановна благословила его и отдала ему медальон, полученный ею еще от своего отца. Это был серебряный овал на цепочке; с одной стороны на нем было изображение православного креста, с другой выгравирован образ Божией Матери. С тех пор он всегда носил его на шее. В одном бою шальная пуля ударила ему в грудь и попала прямо в этот медальон. Отскочив, она все же ранила его в бок, но жизнь была спасена. Однако, как говорится в русских сказках, самое страшное было еще впереди.

Прапорщик Константин Погодин перед отправкой на фронт. Старая Русса, 1915 г.

В 17-м году после октябрьского переворота в полку, где служил Погодин, все офицеры были арестованы и по распоряжению комиссаров свои же солдаты, с которыми вместе они сидели в окопах и в атаки ходили, превратили своих бывших командиров в кашеваров. Заставили для полка кашу варить. Варить – так варить. Среди тех офицеров голубой крови практически не было. В основном, все вроде того же Погодина: кто из учителей, кто из инженеров и прочих разночинцев, многие и крестьянского происхождения (но с образованием, конечно). Недели две варили они кашу. Затем всех их посадили в какой-то вагон и повезли на поезде, не говоря куда и зачем. Охраняли их те же солдаты, бывшие их подчиненные. Среди солдат был денщик Константина Николаевича, прошедший с ним всю войну. В дороге денщик вызвал штабс-капитана Погодина в коридор и зашептал:

– Константин Николаевич, вас всех везут расстреливать. Скоро будет поворот. Поезд замедлит ход. Я вас отведу в нужник, там окно легко открывается. На повороте прыгайте под откос.

– Не пойду, — заупрямился Погодин. – Я останусь со своими товарищами.

– О родителях подумайте, – возразил денщик. – Я ж понимаю, у меня тоже дети есть. Прыгайте, пока не поздно!

– Нет.

– Пошел! – вдруг гаркнул денщик, винтовкой толкая Погодина в спину. – Пошел, офицерская морда! Поговори у меня.

Силой он затолкнул своего командира в вагонный туалет и захлопнул за ним дверь. Поезд замедлил ход на повороте и штабс-капитан Погодин, выпрыгнув из окна, кубарем покатился с насыпи, оставляя за собой славное прошлое русского офицера.

В каком именно месте все это происходило, я не знаю. Но знаю, что довольно долго добирался дедушка Костя до родной деревни, прячась днем в лесах, а ночью продвигаясь по дорогам. Погоны и кокарда у него были сняты, но лишняя предосторожность не мешала. Наконец в одну из ночей постучался он в окошко своей куринской избы. Николай Семенович страшно обрадовался, что сын его остался жив. В деревне объяснили, что он, мол, долгое время был в госпитале после ранения, а теперь отпущен домой насовсем. Так прошло несколько месяцев. В 18-м году в Белом (Любытино) открылась, как тогда называли,

ШКМ – Школа коммунистической молодежи (в том, теперь старом, здании, где и сейчас размещается часть любытинской школы). Там открыли седьмой и восьмой классы, в которых могли продолжать обучение ребята, окончившие курс земской школы (среди этих ребят оказалась тогда и моя бабушка Наталья Николаевна). Директором этой школы был Петр Иванович Илларионов. От людей он узнал, что в Курине живет учитель с высшим образованием, который может преподавать математику и физику, и пригласил его на работу в школу.

Константин Николаевич Погодин проработал в Любытинской школе с 18-го по 26-й год, первые три года учителем физики, а затем директором. Тогда же он женился на учительнице немецкого языка Антонине Николаевне Ореховой. При школе они и жили.

Квартира директора находилась в двухэтажном домике возле школы, где теперь помещается школьная библиотека. На втором этаже были жилые комнаты, а на первом Константин Николаевич устроил что-то вроде интерната. Там ночевали ученики из дальних деревень, которые не могли каждый день добираться до дому.

Дальнейшая судьба К.Н. Погодина тоже весьма интересна. В 1926 году он снова оказывается на службе, теперь уже в советской армии, в которую тогда набирали образованных людей на офицерские должности. Видимо, командиры, едва умевшие читать, перестали отвечать требованиям времени. Его призвали среди прочих, хотя о его военном прошлом никто не знал: оно тщательно скрывалось. Служил он на Дальнем Востоке, служил у берегов Черного моря до самой Великой Отечественной войны. Войну он тоже прошел полностью. Дошел до Берлина, служил не территории Германии до конца сороковых годов. Вышел в отставку в середине 50-х в чине полковника. Двое его сыновей, Владимир и Геннадий, тоже стали офицерами и тоже воевали. Владимир Константинович Погодин был военным летчиком, а после войны участвовал в научных арктических экспедициях как полярный летчик. Дочь Константина Николаевича Валентина Константиновна была инженером-химиком. А ее сын Юрий Владимирович Митришкин — один из видных советских ученых. Он занимался вопросами термоядерной энергетики, работал в Москве в Академии наук СССР. В тридцать с небольшим лет стал доктором наук. К сожалению, теперь он вынужден работать за границей, так как Россия перестала финансировать его исследования. Примета нашего времени, именуемая «утечкой мозгов».

Много хороших, ценных и замечательных людей вышло из потомков куринского рода Погодиных. Одних учителей – пятнадцать человек. Перечислить всех, рассказать о их судьбах невозможно в рамках этого повествования. Одно обидно – род наш совершенно иссяк в Новгородских краях. По каким причинам, объяснять долго. Впрочем, эти причины одинаковы для всех российских крестьянских родов, и не только крестьянских. Они станут более понятны, если мы проследим дальнейшую историю жизни нашей семьи, семьи Николая Семеновича Погодина. Но дальше должна открыться новая ее страница. Страница, название которой – Хутор Наволок.

ХУТОР НАВОЛОК

Хуторская эпопея моего прадеда Николая Семеновича Погодина – это трагедия многих российских крестьянских семей, поверивших посулам советской власти о земле и воле. Казалось, сбывается многовековая мечта русского крестьянина о свободном труде на собственных полях, которые целиком принадлежат ему, находятся рядом с домом, не разделены на разбросанные в разных местах полосы, разные по качеству почвы. Тут же и выгон для скота, покос и огороды. Живи, трудись на благо своей семьи и радуйся результатам. Так подумали многие, когда в начале 20-х годов крестьянам было разрешено выезжать из деревень и селиться на хуторах, когда им нарезали земли. Многие крепкие хозяева, способные к большому постоянному труду землепашца, как говорится, «клюнули» на это. Они строили свои хутора на века, с расчетом на детей, внуков и правнуков. Стремились создать настоящие усадьбы тщательно продуманной планировки, выверенной многовековым укладом крестьянской жизни в Северорусских деревнях. Но, увы, разрешение селиться на хуторах было лишь уловкой, обманом, направленным на то, чтобы за 15-20 лет дать крестьянам возможность освоить и сделать плодородными как можно больше земель, развести скот, а затем отобрать все это, конфисковать в пользу созданных за это же время колхозов, в которые войдут более бедные слои крестьянства. Несостоятельный хозяин на хутор, естественно, выехать не мог. От подобного мероприятия ожидался большой экономический эффект. Хотя на практике получилось совсем иначе. Цветущие хозяйства и злачные поля, отобранные у хуторян, в большинстве случаев не были использованы колхозами, а попросту пропали: заросли лесом и дикою травой. Кому все это было нужно, кроме законных хозяев, любивших свою землю и терпеливо возделывавших ее? В результате государство проиграло на многие десятки лет вперед и продолжает проигрывать до сих пор.

Мой прадед был одним из тех, кто давно мечтал иметь свои отдельные поля. И в 1924 году он со своей семьей, которую к тому времени составляли уже только жена Наталья Ивановна, сын Иван, невестка Груша да их малолетние дети (остальные разъехались), покинул Курино и переехал от него примерно за километр на давно облюбованное место. Место это находилось на довольно высоком пригорке у самой Мсты, прямо возле ее поворота и знаменитого порога «Добрая жена», постоянно ласково журчащего свою плавную мелодию, как новгородский гусляр-былинник. Пригорок имел древнее название «Наволок». Такие названия наши предки-славяне давали не случайно. Мста была одной из древних водных магистралей. В тех местах, где каменные гряды образовывали пороги и ладьям становилось невозможно проплыть, их выносили на берег и катили, подкладывая под днища бревна. Такие места и назывались «волоками», «волочками», а если это были еще и пригорки, на которые приходилось втаскивать суда, то «наволоками».

Название «Наволок» перешло к погодинскому хутору и надежно за ним закрепилось. На пригорке удобно расположилась усадьба с большим, составленным из двух срубов, домом, имевшим светелку и балкон, с которого можно было обозревать красивейший ландшафт. Возле дома раскинулся широкий двор, обрамленный хозяйственными постройками. За домом

зеленел сад, перед окнами находились цветочные клумбы. Калитка со двора выходила на дорожку, ведущую вниз с пригорка ко Мсте. Для удобства спуска прадедушка построил там лестницу. На берегу бил родник, чистую и студеную воду из которого, лучшую, чем колодезная, использовали для питья, а полоскать белье спускались на Мсту. В том месте, куда вела лестница, лежал в воде для этого большой камень. В жаркое лето там и купались многочисленные погодинские внучата, съезжавшиеся на каникулы к дедушке и бабушке. Другая калитка со двора выходила на пастбище, богатый травами луг. Количество скота на хуторе прадедушки увеличилось. Коров стало четыре, не считая телят, лошадей – три. На сезонные работы обычно прикупали одну или две лошади, которых после окончания страды снова продавали. Немного увеличилось количество свиней, овец и коз. Широкие двустворчатые ворота выходили на дорогу, ведущую на Курино и Любытино. По этой дороге приезжали гости, чаще желанные, но иногда и непрошеные.

Вокруг пригорка располагались четыре поля и огород. На эти поля немало пота было пролито моим прадедом и его сыновьями, приезжавшими ему помогать. Почва здесь была песчаная, чтобы она стала плодородной, нужно было хорошенько ее удобрить. Прежде всего Погодины очистили ее от камней и пней. Пни выкорчевывали, камни выкапывали, руками грузили все это на телегу и вывозили на лошади в лес. Техники не было никакой. Все делалось так, как делали наши предки-славяне тысячу лет назад. Чтобы удобрить пашню, прадед, по договоренности с местными властями, подрядился очищать общественные туалеты в Любытине. В то лето почти каждый день отправлялись Погодины, вооружившись ковшами на длинных шестах, в свой районный центр, вычерпывали органическое «золото» и загружали им специальные бочки на своей телеге. Затем везли на хуторские поля, разбрасывали, и ехали в Любытино снова. Прабабушка Наталья Ивановна в это время топила жаркую баню, помогавшую им избавиться от неприятного и привязчивого запаха. Но – что поделаешь. Как говорил тогда прадедушка: «Хочешь хлеба полное гумно, так полезешь и в .....» Зато, когда стал родиться хлеб на полях Наволока, все усилия Погодиных вознаградились сторицей. Моя бабушка Наталья Николаевна говорила, что таких колосьев ржи, как на хуторе, больше нигде не видела. На высоком стебле качался колос сантиметров в двадцать длиной с очень крупными золотыми зернами. Прадедушка кормил семью, платил налоги, продавал излишки. Кроме ржи росли на полях ячмень, овес, конопля, лен, и даже пшеница (ею он кормил лошадей). Со временем купил он кое-что из техники – веялку, например, сепаратор. Ездили прадедушка с прабабушкой на базар в Боровичи продавать масло, творог и сметану. Все шло хорошо. Хозяйство укреплялось и росло прадедовыми трудами.

Недавно я попросила мою двоюродную тетю, выросшую на хуторе Наволок, нарисовать по памяти план усадьбы, чтобы облик ее сохранился для наших детей и внуков. На том месте, где она стояла, шумит теперь еловый и березовый лес да виднеется издалека старинная сопка – древний языческий могильник. Эта сопка почти вплотную примыкала ко двору прадедушки, и он мечтал когда-то соорудить на ее верхушке беседку, чтобы пить в ней чай и любоваться окрестностью, да, жаль, не успел.

Примерно в километре от Наволока по берегу Мсты, напротив второго в этих местах порога, называемого «Собачьим пролазом», расположился хуторок Василия Карповича Карпова – приемного сына Погодиных. «Собачий пролаз» представлял из себя гряду больших валунов, как бусы протянувшуюся поперек всей реки. Жарким летом валуны выступали из воды, и можно было перейти по ним на другой берег. Отсюда, наверное, и произошло название этого порога. Василий Карпов, выросший в погодинской семье, был, как и Николай Семенович, мужик с руками: все мог делать сам в крестьянском хозяйстве. В то время он был уже женат на Ольге Романовой, дочери бывшего урядника с Бору. Родилась у них дочка Катя. Всю свою жизнь и энергию вложил Василий Карпович в устройство хутора, планировал в будущем поселить там дочку с зятем и внуками. Поэтому потеря хутора для него обернулась смертью. Но это случится еще в конце 30-х годов, а пока семья Карповых счастливо жила и трудилась на своем хуторе, который местные жители так и называли: Карпов хутор.

На хуторе Наволок, как я уже говорила, постоянно, круглый год проживали супруги Погодины и семья их сына Ивана Николаевича: невестка Груша и трое ее детей – Галя, Аля и Коля. Сам Иван Николаевич бывал дома наездами: в это время он работал на Ижорском заводе в Колпино кузнецом. Зимою прабабушке Наталье Ивановне бывало на хуторе скучновато. Привыкла она на Курине всегда среди людей жить, принимать в доме то странников, то бобылок. А так как характер у нее был вспыльчивый (в отличие от Николая Семеновича, который был очень обстоятелен, уравновешен, никогда ни на кого не повышал голоса и ни с кем не ругался), частенько начинала она упрекать мужа, стуча чугунами у печки: «Мороз боровской, пастух светицкий! Вывез на Сахалин! Поговорить, пойти не к кому!». Дед молча подшивал валенки или штопал рукавицы. «Молчит, как пень! – продолжала кипятиться Наталья Ивановна. – Пойду в поле, пусть меня волки съедят!» Иногда даже надевала она при этом овчинный полушубок и выходила из дому. «Дедушка, дедушка! Бабушка-то в поле пошла!» – кричали ребятишки. «Ничего, пускай остынет, прогуляется», – говорил Николай Семенович. Через некоторое время Наталья Ивановна возвращалась, снимала платок и шубу, сердито забиралась на печь. «Груша, – кричал Николай Семенович невестке, – подай-ка самовар! Где там «волчьи-то объедки», пускай с печки слезут да чайку попьют с морозу!» – и сам, отложив работу, подсаживался к столу.

Впрочем, и на хуторе у Погодиных довольно часто бывали гости. Дом открытый, хлебосольный. А уж летом, когда съезжались дети и внуки, живало в Наволоке около тридцати человек, а иногда и более. Тут уж не до скуки Наталье Ивановне: дай Бог сил на всех наготовить, за детьми присмотреть, в бане всех намыть, накупать. Однако бабушка и дедушка Погодины любили, когда вся семья собиралась вместе. С нетерпением ждали лета. Моя тетя вспоминала: «Когда начинало пригревать весеннее солнышко и подтаивал снег, звонко била капель под окном кухни хуторского дома. «Ну, вот, ребятишки, – говорила нам бабушка, – вот и весна. Теперь уж скоро наши из Питера (название Ленинград она так и не смогла усвоить) приедут: Ниночка с Колей, с Левушкой, Наташенька» (обе дочери – старшая и младшая, тогда уже были ленинградскими учительницами). Стаивал снег, прорастала зеленая трава, прилетали ласточки. Они всегда селились под стрехой хуторской конюшни. Бабушка первая замечала их появление. «Ребятишки! Ребятишки! – кричала она, поднявшись рано утром. – Ласточки прилетели! Послушайте-ка, что они поют. Вот, слышите? Так и выговаривают: «Улетали – были хлеба полны скирды, полны скирды! Всё приели, всё приели, всё притре-е-е-скали!» Слышите, слышите? Это они про нас поют, про людей. Ну, теперь уж лето скоро. Скоро наши Питерские приедут». С этого дня мы начинали готовить летние комнаты, в которых жили дачники».

В альбоме моей бабушки Натальи Николаевны со времен

хутора сохранилась одна-единственная фотография. Тем ценнее она для меня. Эта фотография чудом уцелела в блокадной ленинградской квартире среди мороза и сырости. Относится она к началу 30-х годов. Не вся семья представлена на ней, но и это уже сложное родовое сплетение Погодиных, Славгородских, Дежоржей, Королевых, все это – потомство Николая Семеновича и Натальи Ивановны. Каким могучим и ветвистым могло бы быть сие древо, если бы не лишили его почвы, на которой оно произрастало, если бы не обломили его ветвей ураганы истории XX столетия! На сегодняшний день живы из этих людей только двое: моя двоюродная тетя Галина Ивановна Погодина и Геннадий Константинович Погодин. Она живет под Новгородом, он – под Москвой. Большинство же изображенных здесь умерли, как говорится, не своей смертью, многие очень рано.

В 1929 году началась коллективизация. Но у хуторян не отняли все сразу. Это происходило постепенно. Сначала отобрали поля, но и сами хозяева должны были работать на них, хоть они уже считались собственностью колхоза. Колхоз, в пользу которого отобрали поля у Погодиных, назывался «Новый строй». Конкретно на нашем примере дело выглядело так. Прадедушка Николай Семенович в период весенних и летних полевых работ привык подниматься в три, четыре часа утра. Когда вставало солнце, работа уже вовсю кипела, а к полудню заканчивалась. Колхозники же трудовым рвением не отличались. Бывало уж солнышко высоко, а на поле еще никого, – один Погодин ходит по краю поля, хватаясь за голову и приговаривая: «Да что же это такое, Господи! Что же родит земля при таких работниках?» Выйти на свое бывшее поле один, без колхозников, он не мог, его бы не так поняли. Конечно, без должного ухода, без хорошего удобрения поля Наволока перестали родить настоящую рожь. Края пашни понемногу начали зарастать березнячком. Когда хутор полностью прекратил свое существование, поля тоже оказались заброшенными. В наши дни шумит на их месте смешанный лес: частый ельничек да березнячок. Забрали у Погодиных в колхоз и часть скота: две коровы и лошадь. У моей бабушки всегда наворачивались на глаза слезы, когда она вспоминала эту лошадь. Ее звали Птичка. Прадедушка сам вырастил ее и пользовался ею для выездов в церковь или в гости. Приезжал на ней на железнодорожную станцию встречать своих из Ленинграда. Отдать лошадь, своими стараниями выращенную – это для крестьянина все равно, что расстаться с родным человеком. Поскольку кобыла молодая и красивая, колхозное начальство решило не отправлять ее в поле, а само на ней ездило, но недолго. Вскоре нерадивые работники в конюшне напоили ее «горячую», сразу после бега, и она, что называется, «села на бабки». Такая лошадь уже ни на что не годится. Ее пришлось пристрелить.

В 30-х годах начались массовые раскулачивания, конфискации имущества, ссылки в Сибирь. Погодина не трогали, потому что к тому времени один из его сыновей, Константин Николаевич, служил офицером в советской армии, а другой, Яков Николаевич, был партийным работником в Боровичах. Однако ночные обыски случались и в погодинском доме. Однажды поздней осенью, по первому снегу, часа в два ночи подъехали к хутору Наволок по Любытинской дороге сани с несколькими людьми в кожаных куртках, с кобурами. Громко застучав в ворота, они потребовали дать им осмотреть дом. Моя тетя, тогда девочка четырнадцати лет, впоследствии вспоминала: «Бабушка разбудила меня и велела срочно бежать наверх в светелку. Я поспешила туда. Почти тут же она пришла вслед за мною и сунула мне в руку какой-то узелок, а из-под подола вдруг вынула настоящую саблю. Я знала, что эта сабля дяди Кости. Она хранилась у дедушки со времен Первой мировой войны, когда дядя Костя служил в Русской армии, но об этом никто не знал. Вернее, что он был на войне, конечно, все знали, но не знали, что он был офицером. И дедушка с бабушкой это тщательно скрывали. Бабушка шепнула мне: «Открой окно и брось все это в снег. В огород-то, поди, не пойдут». А сама тотчас же спустилась вниз. Дедушка уже отпер ворота и вел непрошеных гостей в дом. Я открыла окно и выбросила саблю, а затем узелок. Они исчезли в темноте. Прикрыв раму, я поспешила сбежать вниз и легла в свою постель. Непрошеные гости перерыли весь дом, но не нашли ничего подозрительного. Следующим вечером мы с дедушкой нашли в огороде выброшенные вещи, отнесли их подальше в лес и закопали в землю. Как сейчас вижу себя, стоящую возле дедушки и держащую в руке самодельный керосиновый фонарь. А дедушка молча и терпеливо копает заступом яму поглубже. В узелке был мундир дяди Кости с Георгиевским крестом и другими царскими наградами, и погоны офицерские тоже там были. Если бы все это тогда у нас нашли – всем крышка, и дяде Косте в армии тоже».

Константин Николаевич Погодин. Фото конца 1940-х гг.

В этот раз беда миновала моего прадеда, но впереди его ожидало еще одно испытание. На Курине, как и в других деревнях, существовала комсомольская ячейка. Секретарем ее был некий парень, по имени Илья (фамилию его опустим в этом рассказе). Происходил он, как и полагалось комсомольцу, из самой бедной семьи в деревне. Бедных семей в Курине было две. В обеих пьющие отцы, и, следовательно, не приученные к труду дети. В семьях, где отец был трудолюбив, являлся рачительным, экономным хозяином, с ранних лет приучал своих детей к труду, вырастали разумные, воспитанные, трудолюбивые дети, не страдавшие ни завистливостью, ни жадностью, умевшие уважать и ценить чужой труд. В семьях же, где отец пил, отлынивал от трудов, не занимался воспитанием детей, не учил их работать, вырастали хулиганы, завистливо и враждебно смотревшие на благополучие других. Большое удовольствие им доставляло напакостить, насолить тем, кто жил хорошо благодаря своему труду; они не имели ничего и ничего не жалели, потому что не знали истинной цены нажитому трудом добру. Такие люди и оказались крестьянской беднотой, на которую сделала ставку советская власть. Они стали во главе колхозов, комсомольских ячеек и т.п. Став секретарем комсомольской ячейки, Илья не раз говаривал своим товарищам: «Я – трудовой человек, крестьянин, в худой избенке живу, а вон этот Погодин – кулачье недобитое, эксплуататор, какой дом занимает! Я не я буду, ежели в тот дом не перееду». План переехать в погодинский дом, видимо, долго зрел в его голове, возможно, нашлись и подсказчики. Во всяком случае, попытка была предпринята.

Однажды в конце лета, погожим теплым вечером, в небо над деревней Курино взметнулись языки пламени. Николай Семенович Погодин, завидев из окна своего хуторского дома зарево над родной деревней, схватил ведро и побежал помогать тушить, как всегда поступали деревенские соседи. Оказалось, что горела изба семьи, к которой принадлежал Илья. Не успел Погодин появиться на пожаре, как комсомольский секретарь завопил, указывая на него: «Это он! Он мой дом поджег! Он ненавидит комсомольцев и колхозников!» Погодин тут же был арестован, препровожден в Любытино и посажен в холодную. Должно быть и местные власти обрадовались, что наконец-то представился случай добраться до этого Погодина, который со своим хутором у них, что бельмо на глазу. Только не учел комсомолец Илья одной немаловажной детали. В то лето по Мсте сплавляли лес. Лесорубы и лесосплавщики валили деревья на берегу, недалеко от хутора Наволок. И прадедушка Николай Семенович по своей доброте душевной пустил их к себе на постой, чтобы им не ночевать в лесу, в шалашах из сосновых веток. Артель лесосплавщиков, приехавших с Западной Украины, жила в хуторском доме. В тот роковой вечер (а это была суббота) Погодин натопил баню и пригласил гостей попариться. Так они и сделали: пошли в баню вместе с хозяином, а после он угощал их чаем. Все вместе и увидали они зарево над Курином, сидя на кухне хуторского дома, вместе побежали тушить. Лесосплавщики оказались людьми порядочными. Они пошли в милицию и засвидетельствовали присутствие Погодина в собственном доме в течение всего того дня и в момент начала пожара. Прадеда выпустили. Комсомольский секретарь остался с носом. Тем более что, как оказалось при расследовании, из его избы перед пожаром было вынесено все имущество, вплоть до крынок с молоком, ни единой капли из которых не было пролито. Говорили, что, когда Илья и его отец строили себе новую избенку, старик, пристукивая топором, замечал сыну: «Сумел, растак твою ... сжечь, так умей и строить».

И все-таки советская власть в конце 30-х годов единым махом добралась до всех хуторян, которых еще не успели раскулачить. В 1939 году вышел закон, запрещавший крестьянам жить на хуторах. Все хуторяне были обязаны в кратчайшие сроки переехать в деревни, ликвидировав свои усадьбы. Погодиным, как и прочим, было предложено срочно переселиться куда им вздумается, а хозяйство свернуть. Узнав об этом, прадедушка, бывший уже в почтенном возрасте, но еще крепкий и сильный старик, сразу осунулся и слег в постель. Потеря хутора означала для него крах всех надежд, планов и усилий последних пятнадцати лет его жизни. Хутор ему хотелось передать в руки внука Коли Погодина, названного в честь него и в него уродившегося. Коля Погодин, сын Ивана Николаевича Погодина, с малых лет находился при дедушке, во всем ему подражал и всему от него выучился. Работать он любил, и, как дед, стал на все руки мастером. Если бы хозяйство Наволока перешло к нему, позднее это была бы большая и процветающая сельскохозяйственная ферма. Конечно, государство наше, имея такие индивидуальные хозяйства в большом количестве, дав им развиваться в соответствии с прогрессом, очень бы выиграло, но, увы, там, где чистота утопических идей почитается более здравого смысла, не остается ничего. Зимой того же 39-го года Николай Семенович Погодин скончался в своем доме на хуторе Наволок, которому уже было предначертано последовать за хозяином в небытие.

То же случилось с приемным сыном Николая Семеновича, Василием Карповым. Узнав о том, что он должен ликвидировать собственными руками с такими усилиями и любовью созданное хозяйство, он впал в скоротечную чахотку и скончался в том же 39-ом году.

Чтобы ускорить переезд хуторян в деревню, советская власть приняла решительные меры. Моя бабушка вспоминала: «Летом 1939 года мы все, дети Погодиных, приехали на хутор, чтобы помочь маме и Груше с семьей (отца уже не было в живых) переселиться из Наволока. Решено было перевезти небольшую часть хуторского дома в Любытино. Там должна была поселиться мама, Наталья Ивановна. Для Груши и ее семьи снова выкупили у тех людей, кому она была продана, погодинскую избу в Курине. Постепенно мы вывозили с хутора вещи. Дом пустел. Но однажды днем вдруг подъехали к дому две подводы с сотрудниками НКВД. Молча сошли они с подвод, молча подошли к дому. В руках у них были длинные веревки с петлей на конце. Накинув петлю на одну из печных труб на крыше дома, они все вместе потянули за нее, и кирпичная труба, свернувшись на сторону, рассыпалась. Так же поступили они и с остальными трубами на нашей крыше. Затем молча сели на подводы и уехали. Мы остались в состоянии крайней подавленности, ибо видеть, как чужие угрюмые люди сворачивают трубы на крыше родного дома, построенного твоим отцом, все равно, что испытывать гражданскую казнь. Психическое воздействие этого акта колоссально. Не дай Бог никому такого видеть».

Итак, хутор Наволок прекратил свое существование. Обитатели его разъехались по разным местам. Впереди у них было еще много суровых и страшных испытаний: война, потеря многих, многих родных и близких людей, детей, внуков. Прабабушка Наталья Ивановна умерла в 1948 году. Аграфена Ивановна Погодина умерла в 1982 году в поселке Бронница под Новгородом у дочери Гали.

Судьба предполагаемого наследника хутора Наволок Коли Погодина сложилась тоже вполне в духе того времени. В 50-х годах он был призван на службу в армию. Так как парень был толковый и умелый, весь в дедушку, после окончания срока службы начальство уговорило его остаться на сверхсрочную. И то сказать, это было лучше, чем возвращаться в Курино, в колхоз, на нищенское и бесправное существование. Служить ему пришлось в Казахстане, в Семипалатинске, на печально известном ядерном полигоне, где люди являлись подопытным биоматериалом. За ними наблюдали со стороны, не предупреждая их о размерах реальной опасности для их здоровья и жизни. От полученных доз радиации Николай Иванович Погодин умер тридцати семи лет от роду, умер от того, что в народе называют «лучевой болезнью», оставив жену и двоих детей.

Шумит лес на высоком пригорке над рекой Мстой. Шумят березы и сосны, шумят темные ели. Несмолкаемо говорит о чем-то Мстинский порог «Добрая жена». Им есть о чем вспомнить, есть кого помянуть. Даже когда весь лес пронизан солнцем, в этой картине много печали. Наверное, потому, что прошлое в ней незримо присутствует. Но, когда в прошлом много печали, из нее рождается надежда. Придет ли радость вновь на эти берега? Дай-то Бог.

Инна ГРИГОРЬЕВА, Николай САЛОНИКОВ

БИБЛИОТЕКА НОВГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ: 1706-1925 ГОДЫ

Habent sua fata libelli
(Книги имеют свою судьбу)

Фундаментальная библиотека Новгородской духовной семинарии (далее – НДС) – одного из самых старых и значительных учебных заведений России – была замечательной по своей масштабности и богатству, принадлежа к числу самых крупных российских библиотек XVIII века. Согласно реестру 1779 г. она насчитывала около 6500 томов в основном латинских изданий, выпущенных в Западной Европе в XV-XVIII вв. Ее первоначальное ядро сложилось из книг Новгородской школы Лихудов, возникшей в 1706 г. и преобразованной в 1740 г. в НДС. В 1742 г. в ее состав вошла знаменитая библиотека Феофана Прокоповича, крупнейшая частная библиотека России, уникальная как по числу книг, так и по своему составу, хорошо известная мировой науке. Библиотека НДС была, таким образом, одной из старейших и выдающихся библиотек России. Она существовала в виде отдельного книжного собрания 219 лет.

Библиотека НДС относилась к числу книжных собраний нового типа, в которых книга была десакрализована и выступала в своей новой функции – информационной. Сближение России с Западной Европой осуществлялось в значительной мере именно благодаря появлению таких библиотек. С наступлением Нового времени, кроме книжных собраний при церквах и монастырях, содержавших в основном богослужебную литературу, в России появляются библиотеки государственных учреждений, начинающие играть все большую роль. Древнейшей из них была Библиотека Московского Архива Коллегии иностранных дел (библиотека бывшего Посольского приказа), насчитывавшая к 1764 г. 1356 книг. С возникновением регулярной школы появляются библиотеки учебных заведений. Основанная в 1685 г. Московская Славяно-греко-латинская Академия, по образцу которой была создана Новгородская школа Лихудов, располагала библиотекой, насчитывавшей около 600 наименований, ее учащиеся имели возможность пользоваться книгами знаменитых поборников просвещения Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева.

Здание библиотеки Новгородской духовной семинарии (ныне – библиотека НовГУ)

В 1730-е годы целый ряд архиерейских школ в результате введения латинского курса обучения был преобразован в семинарии, которых в 1741 г. в России насчитывалось семнадцать. Восемь из них имели полный курс обучения, включая классы философии и богословия (в Харькове, Смоленске, Пскове, Казани, Петербурге, Новгороде, Троице-Сергиевой лавре, Твери). Из них самой крупной и выдающейся библиотекой располагала НДС, имевшая штат, утвержденный Священным Синодом, и денежное содержание, намного превосходившее содержание других семинарий. По количеству книг в 40-х – 60-х годах XVIII в. она уступала лишь Библиотеке Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, основанной в 1714 г. и насчитывавшей в 1747 г. 22 тыс. томов, и являлась в это время крупнейшей библиотекой учебного заведения в России, по-видимому, превосходя библиотеку Московского университета, открытую в 1756 г. и насчитывавшую в 1762 г. около 5 тыс. томов.

Первоначальное ядро библиотеки НДС сложилось из книжного собрания Новгородской школы Лихудов, открытой благодаря усилиям одного из образованнейших российских иерархов митрополита новгородского и великолуцкого Иова (1697-1716), получившего согласно Высочайшему указу от 31 января 1706 г. разрешение на перевод Лихудов из Костромы в Новгород. Новгородская школа Лихудов стала единственной из епархиальных, способной по уровню гуманитарной подготовки сравниться с Московской Славяно-греко-латинской и Киево-Могилянской Академиями. В школе с самого начала были созданы два класса – «славянский» и «греческий». Обучением в славянском классе руководил переводчик Федор Герасимов. Курс наук в нем заключался в изучении церковнославянского языка, преподававшегося на высоком уровне. В греческом классе преподавали сами Лихуды, возглавлявшие школу в течение 10 лет (1706-1716). Они создали в Новгороде предназначенное для обучения как духовных, так и светских лиц учебное заведение типа «академии», или допетровского университета. Преподавание Лихудов в Новгороде не отличалось от преподавания в Москве и велось по тем же учебникам, предназначенным для высшей школы. Лихуды преподавали в Новгороде свободные искусства, дисциплины тривиума: грамматику, риторику, логику, а также пиитику. Особенно большую роль в преподавании играли грамматика, риторика и пиитика, культ которых был характерен для восточнославянских академий XVII-XVIII вв. Особенностью Новгородской академии при Лихудах был ярко выраженный филологический характер, напоминающий о феномене педагогики Возрождения. Основой учебного плана была филология – обучение языкам классической древности: греческому и, по-видимому, также латыни. Сохранилось сви-

детельство о существовании «Грамматики латинской и российской учителей братьев Лихудиевых, писанной в Новегороде в 1706 г.» и погибшей во время московского пожара 1812 г.

Помимо учебной деятельности Новгородская школа, по замыслу митрополита Иова и Лихудов, должна была выполнять роль переводческого и книгопечатного центра, что входило в задачи академии. Лихуды занимались в Новгороде переводом книг по поручению Петра. Они переводили книги, в том числе с латинского и итальянского: «Энеиду» Вергилия, «Об артиллерии и о способах победить турок» С. Альберта, «Книгу Сфинкс» иезуита Афанасия Кирхера (Sphynx mystagoga sive diatriba hieroglyphica de mumiis), которую Лихуды перевели «с кратким толкованием», «Изъяснение арменския литургии». В планы митрополита Иова входил также перевод в Новгороде богословской литературы и исправление текста славянской Библии. Для этого он просил Петра прислать в помощь Лихудам московских типографских справщиков, обладавших великолепной филологической подготовкой, некоторые из которых были их московскими учениками. Среди них один из лучших – Николай Семенов (Головин), преподаватель Славяно-греко-латинской Академии, переводчик и поэт, которому Петр разрешил отправиться в Новгород для помощи в переводах. В 1712 г. в Новгород прибыл знаменитый московский просветитель и филолог, по-видимому, также учившийся у Лихудов, Карион Истомин, сторонник педагогических идей Яна Амоса Коменского, который более года занимался в Новгороде переводом книг с греческого языка. В переводах богословской литературы с греческого языка участвовали и московские ученики Лихудов – преподаватели Новгородской школы. Один из них, Федор Герасимов, в 1712 г. перевел с печатного издания (Бухарест, 1703 г.) богословский труд Севаста Трапезундского Киминита «Догматственное учительство». Запись на рукописи гласит: «Переведеся же на росский язык повелением и тщанием преосвящ. киръ Иова митрополита великого Новаграда и Великих Лук в доме Софии Премудрости Божия на его архиерейском дворе трудами переводника Феодора Герасимова сына Полетаева...» Аналогичный перевод осуществил в Москве один из лучших московских учеников Лихудов Федор Поликарпов[1].

Ученые греки вели в Новгороде богословские дискуссии и писали полемические сочинения. В 1706 г. они окончили противопротестантское сочинение «Лютерские ереси». К новгородскому периоду относится также «Обличение на гаждатели св.Писания Библии, переведенныя с еврейского на еллинский диалект 72 богомудрыми мужами», в котором Лихуды защищали греческий перевод Библии. По поручению митрополита Иова с 1713 г. Иоанникий Лихуд вел богословские прения с раскольником Семеном Денисовым, находившимся в заточении в Новгороде, а также с киевскими учеными, преподавшими в Московской Славяно-греко-латинской Академии. После возвращения Лихудов в Москву в школе преподавали их московские и новгородские ученики. С 1716 по 1718 г. школой руководил иеромонах Иов (ум. 1721), приехавший в Новгород в 1713 г. Один из первых московских учеников Лихудов, изучивший под их руководством курсы грамматики, пиитики, риторики, логики и физики, он был филологом, писателем и переводчиком, знатоком латинского, древнегреческого и новогреческого языков. В 1694 г. после удаления Лихудов из Москвы стал наставником Славяно-греко-латинской Академии и, возможно, даже ее возглавлял. Основное сочинение Иова – «Беседа молебная о благочестивом государе и победе на враги» (1695 г.), посвященная первому походу Петра I на Азов, написанная прозой и силлабическими стихами. После его ухода на покой руководство школой принял Федор Максимов.

Дальнейший расцвет Новгородской школы связан с деятельностью Новгородского архиепископа Феодосия Яновского (1721-1725), игравшего при Петре I роль главного духовного лица в империи. При нем при архиерейском доме в Новгороде, наряду с созданной Лихудами греко-славянской школой, появилась латинская. В ней преподавали московские учителя с академическим образованием. Известно, что в 1726 г. в школе училось 284 человека, а всего за двадцатилетний период существования школы в ней получили образование более 550 человек. Масштаб деятельности в области образования,

Предлогъ.
Союзъ.

«Грамматика» Федора Максимова (СПб., 1723).
Разворот. Шифр РНБ: VII.7.5[а]

развернувшейся в Новгородской епархии, был беспрецедентным для России. Благодаря усилиям архиепископа Феодосия Яновского в Новгороде и в Новгородской епархии было открыто до 15 партикулярных школ, обеспечивавших начальное образование. В эти школы был открыт доступ ученикам, принадлежавшим к разным сословиям. Общая численность учащихся в Новгородских школах, включая партикулярные, к 1726 г. превышала 1000 человек, что во много раз превосходило число учащихся школ, возникших в других епархиях России. В 1722 г. Новгородская школа была объявлена Синодом образцовой, получив характер учительского института, готовившего кадры учителей и грамотных канцеляристов для всей империи.

Новгородская школа Лихудов, подготовивших первое поколение русских филологов, занимает в истории отечественной филологии особое место. Она стала выдающимся центром изучения церковнославянского языка, имевшего в восточно-славянских академиях сакральный характер. Свидетельством чрезвычайно высокого уровня даваемой Лихудами в Новгороде филологической подготовки стала первая собственно российская грамматика, созданная новгородским учеником Лихудов, преподавателем Новгородской школы Федором Максимовым, изданная тиражом в 1200 экземпляров по постановлению Синода в 1723 г., сыгравшая выдающуюся роль в становлении русского литературного языка и ставшая первым массовым учебником «славенского» языка, придя на смену грамматике Мелетия Смотрицкого. В том же году Федор Максимов ввел в программу обучения «славенскую риторику», которой при Лихудах не было. Учеником Федора Максимова был В.Е. Адодуров, автор первой русской грамматики на родном языке, филологическая деятельность которого составила важный этап отечественной русистики.

После отставки Феодосия Яновского его политический противник Феофан Прокопович, ставший новгородским архиепископом (1725-1736), разрушил систему образования, созданную в Новгородской епархии: в 1726 г. была закрыта латинская школа при архиерейском доме, а в 1727 г. ликвидированы партикулярные школы. Греко-славянская школа под руководством Федора Максимова продолжала, однако, действовать, хотя число ее учеников сильно сократилось[2]. Большая часть ее учащихся была переведена в Санкт-Петербург в школу Феофана Прокоповича на Карповке. Архивные данные свидетельствуют, что при архиерейском доме в Новгороде школы существовали вплоть до открытия 30 октября 1740 г. Новгородской духовной семинарии. Дискретность в истории существования двух новгородских учебных заведений XVIII в., таким образом, отсутствовала.

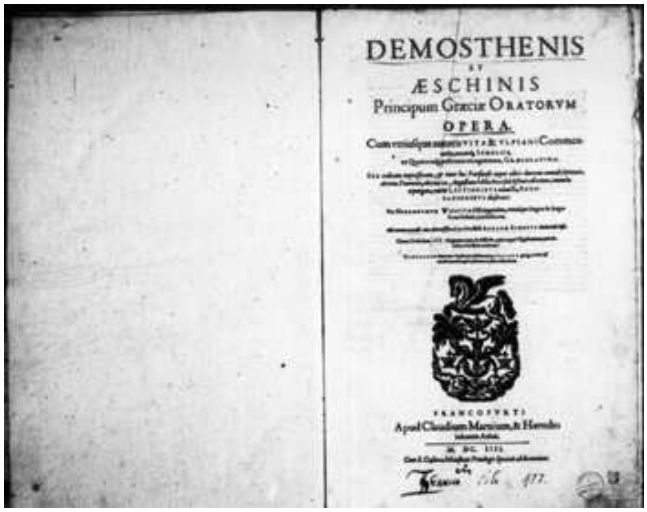
Школа Лихудов была хорошо обеспечена литературой. Лихуды привезли с собой если не всю, то часть своей богатой библиотеки, книги из которой остались в Новгороде после их отъезда. Кроме

того, митрополит Иов, проявлявший о школе большую заботу, предоставил в распоряжение ее учащихся довольно обширную библиотеку Новгородского архиерейского дома, в том числе и свои личные книги. В книжном собрании Новгородской школы Лихудов находились и книги, привезенные в Новгород их московскими учениками. Несомненно, существовали и другие пути пополнения этого книжного собрания.

Основным источником для изучения библиотеки Новгородской школы Лихудов является «Опись архиерейской ризницы, находящейся в Софийском соборе, и имущества, оставшегося после смерти Иова, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук»[3], включающая описание более четырехсот книг, рукописных и печатных (острожской, киевской, московской печати), в том числе иноязычных, названия которых даны в русском переводе. Несовершенство библиографического описания входящих в опись книг, а иногда и полное его отсутствие, сильно затрудняют их идентификацию. Большая часть этого книжного собрания состояла из «славенских» книг, печатных и письменных. Иноязычных книг – рукописных и печатных – было около 80-ти: на греческом, латинском, польском, немецком и сербском языках. Из них «в школе Греческой, у иподиакона Федора Максимова с товарищи», находилось около 40 книг. Это была богословская и богослужебная литература, включая рукописи: «Богословия письменная, еллиногреческая», «Григория архиепископа Фесалонитскаго Палама, в тетратех, греческая», а также печатные книги: «Два новых завета, греческие», «Цвет ветхаго и новаго завета, греческая», «Новый завет... греческой», «Преподобного Макария Египтянина, греколатинская», «Описание Афонския горы, греческая», «Возследование вечерни, утрени и литургии, греческая», «Орологион или часослов, греческой», «Евхологион или молитво-слов, си есть требник с служебником, греческой», «Грешных спасение, греческая» и др. Имелись многочисленные лексиконы: рукописный «Лексикон в тетратех письменной же, Славенолатинской», и печатные: «Лексикон большей, Греколатинской», «Лексикон Епифаниевской, Полякославенский», «Два лексикона Влаховы, четвероязычные», «Лексикон, Московския печати, Славяногреколатинской», «Два лексикона Греколатинские», «Лексикон на новый завет, греческой», а также грамматики: рукописная «Грамматика, Софрониева творение Лихудиева, греческая» и печатные: «Две грамматики, творение Элия Копиевского, латинославенские», «Грамматика Ласкарева, греческая», «Грамматика Львовская, грекославенская», «Две грамматики, греколатинския», «Грамматика Мелетиева, славенская». Из произведений античных писателей были следующие книги: «Плутарха о детском вождении, греколатинская», «Исократа к Димонику слово, греколатинское».

Определенным количеством книг располагал и «славянский» класс: «В школе Славенской, у переводчика Федора Герасимова, архиерейских же книг: Библия Славенская, Острожской печати. Новый завет Славенский, тоя ж печати. Богословия на еллинском диалекте, писменная. Лексикон Славенский, Киевской печати. Грамматика славенская Мелетиевская». Репертуар Новгородской школы Лихудов соответствовал ее учебному плану: в описи представлены книги по филологии и богословию преимущественно на греческом, латинском и церковнославянском языках, что отражало филологическую направленность Новгородской школы, ее характер как учебного заведения типа восточнославянской академии.

В числе других книг, описанных в «Описи архиерейской ризницы...», находились сочинения отцов Церкви: Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина (печатные), Игнатия Богоносца, Василия Великого, Исаака Сирина (рукописные); богословские и полемические сочинения самих Лихудов («Слово на лютеров о лжеучениях их», «На гаждатели библии», «О порицании новосочиненныя службы Премудрости Божии, ответ учителя Лихудиева» и др.), Св. Димитрия Ростовского («Розыск о брынской вере»), Стефана Яворского («Камень веры»). В числе книг гражданской печати были сочинения по точным наукам, военному делу, навигации: «Побеждающая крепость», «Практика артиллерии, Бухнерова», «Практика артиллерии, Брауноа», «Новое крепостное строение, Кугорнова», «Геометрия», «География», «Два описания артиллерии», «Две о способах творящых водо-

DEMOSTHENIS
ET
ÆSCHINIS
Principum Græciæ Oratorum
OPERA.

Собрание сочинений Демосфена и Эсхина (Франкфурт, 1604) из книг митрополита Иова. Шифр РНБ: 7.XXIII.1/37

хождение рек свободное», «Архитектурная военная», «О войнах Цесариевых описание», «Ордера к содержанию во флоте морских прав», «Генералные сигналы надзираемыя во флоте», «О учении, церемониях и должностех, воинским людем надлежащих», «Артикулы военные надлежащие ко флоту, на руском и галанском языке», «Арифметичка малая с некиими притчами, Амстердамской печати», «Землемерная». Среди книг иноязычных печатных были: Демосфен, Плиний Младший, книги о Троянской войне и Александре Македонском, Григорий Нисский, лексикон Амбросия Калепина, учебник латинского языка Эммануила Альвара, сочинения католических и протестантских писателей: «Католический катехизис с похвалой Тридентскому собору» на польском языке, изложение учения Лютера на латыни, польский перевод «Церковных летописей» Цезаря Бария. Отметим универсальный характер библиотеки Новгородской школы Лихудов: кроме книг гуманитарного профиля, мы находим в ней также литературу по точным и естественным наукам, технике и военному делу, соответствовавшую интересам и потребностям Петровской эпохи.

Уточнить библиографическое описание рукописей и печатных изданий библиотеки Новгородской школы Лихудов позволяют реестр библиотеки НДС 1779 г., а также опись книг НДС, поступивших в середине 20-х годов XX столетия в Государственную Публичную библиотеку, составленная В.В. Майковым (ОР РНБ. Ф. 522, № 238). Реестр библиотеки НДС 1779 г. содержит перечень книг из Новгородского архиерейского дома, переданных в НДС в 1740 г., в момент ее основания, – «Libri varii latini, qui non ex Bibliotheca illustrissimi Theophanis accepti in usum seminarii ex novo grodensi Archiepiscopali domo ante quam Bibliotheca Theophanis in novo grodense seminarium est translata» («Различные латинские книги, которые получены для использования в семинарии из архиерейского дома, не из библиотеки Преосвященнейшего Феофана, до того, как библиотека Феофана была передана в Новгородскую семинарию»), а также «Реэстр Принятым книгам из дома Новгородскаго Архиерейскаго 1765 года декабря 1 дня по указу Преос. Димитрия Митрополита Новгородскаго»[4].

Первый перечень («Libri varii latini...») дает описание 452 томов, из которых 395 на иностранных языках, включая польский, и 57 «славенских». Этот перечень сильно отличается по составу от «Описи архиерейской ризницы...»: в нем намного больше иноязычных книг. Это свидетельствует о том, что с 1716 г. библиотека архиерейского дома сильно пополнилась иноязычными книгами, о происхождении которых можно пока только догадываться. Вероятно, увеличение числа иноязычных книг связано с тем, что в библиотеку архиерейского дома попали книги учителя иеромонаха Иова, частично переданные туда архиепископом Феодосием Яновским. Богатая библиотека учителя Иова насчитывала 105 наименований книг (20 рукописных и 85 печатных), в абсолютном большинстве иноя-

зычных[5]. Среди них больше всего латинских, но имелись книги и на еврейском, греческом, польском, немецком и итальянском языках. Кроме того, некоторые из приехавших в НДС преподавателей-киевлян передавали свои книги в семинарскую библиотеку, что наряду с книгами из архиерейского дома составило ее первоначальный фонд. В перечне встречаются книги, принадлежавшие Иннокентию Одровонж-Мигалевичу, второму после Маркелла Радышевского ректору НДС.

Отраженные в этом перечне книги из архиерейского дома частично принадлежали митрополиту Иову. Среди них «книга докторская» – «Beguini Ioannis Tirocinium chymicum. Venetiis, apud Buleonium, 1643» – с двумя пометами – на польском («Ksiega doctorska dano za nie Czyrwon Zloty Wenetij Roku 1656 februarii 28» – «Книга докторская, дан за нее флорин в Венеции года 1656, февраля 28-го») и на русском («Книга докторская П. Иова М. келейная. Латинская», ОР РНБ. Ф. 522, № 238. Л. 21 об.) языках, а также собрание сочинений Демосфена и Эсхина, выявленное авторами этих строк в Российской национальной библиотеке: «Demosthenis et Aeschinis Opera omnia. Per Hieronymum Wolfium. Francofurti, 1604». Последнее содержит дарственную надпись: «Великому Господину Преосвященному Иову митрополиту Новгородскому и Великолуцкому Герман недостойный монах сею книгою челом бьет 1710 марта в 7 день».

Второй перечень книг архиерейского дома в каталоге библиотеки НДС – «Реэстр Принятым книгам...» – включает описание 81 тома, большая часть которых находилась в «школе Греческой, у иподиакона Федора Максимова». В числе этих книг – изданный в Базеле в 1538 г. «еллино-греческий» лексикон (Лексикон Варина Фаворина), принадлежавший московскому ученику Лихудов Николаю Семенову (Головину). Книга имела помету владельца: «Из книг Николая Головина Лексикон Еллиногреческий Глаголемый Варин Фаворин изряднейший с толкованием богословских и философских вещей цена 10 рублей, а по нужде рубль» (ОР РНБ. Ф. 522, № 238. Л. 34). Это не единственная книга, принадлежавшая Николаю Семенову (Головину) в библиотеке Новгородского архиерейского дома и других книжных собраниях Новгорода, что определенно свидельствут о его пребывании в Новгородской школе Лихудов.

Продолжением школы Лихудов стала возникшая в 1740 г. НДС. Ее основатель архиепископ Новгородский Амвросий Юшкевич окончил Киево-Могилянскую Академию. Задуманная им как высшее учебное заведение, НДС (с точки зрения учебного плана) – почти точный слепок Киевской Академии. Амвросий решил разместить семинарию в Антония Римлянина Рождество-Богородичном монастыре. В указе императрицы Анны Иоанновны об утверждении штата НДС говорилось: «...определяется ныне при Новгородском архиерейском доме Семинария для обучения латинского, еллино-греческого, и аще возможно, и еврейского языков, начав от грамматики даже до риторики, философии и теологии. И для того собрать искуснейших учителей... и набрать в ту Семинарию до 200 человек, выбирая способнейших к наукам...» Согласно этому документу деятельность НДС была с самого начала подробно регламентирована и обеспечена в материальном отношении. На содержание ее штатного оклада было ассигновано 7859 рублей 37 копеек в год, что намного превосходило денежное содержание других семинарий. Для сравнения укажем, что в 1765 г., когда НДС имела штатное содержание 8285 рублей, Московская духовная академия получала денежное содержание размером в 4847 рублей, Троицкая семинария – 4901 рубль; другие семинарии – гораздо меньше[6]. Хорошо понимая, что уровень учебного заведения определяется его книжным собранием, Амвросий приложил особые усилия к организации семинарской библиотеки. Штат 1740 г. предусматривал, что семинария будет «...довольною библиотекой удовольствована»: на ее комплектование полагалось по 300 рублей в год, чего не имела ни одна семинария. Кроме того, Амвросий передал НДС книжное собрание Новгородского архиерейского дома, включавшее библиотеку Новгородской школы Лихудов и ставшее основой семинарской библиотеки, возникновение которой, таким образом, следует датировать 1706 г. Он добился также разрешения императрицы Елизаветы Петровны на передачу НДС библиотеки Феофана Прокоповича, специально для которой решил выстроить каменное здание. Однако строительство здания началось только в 1759 г. и было закончено в 1780-е гг. Под библиотеку был отведен верхний этаж этого двухэтажного здания, представлявший собой «как бы одну общую большую залу в два света», в которой стояли деревянные шкафы с книгами. Это одно из первых в истории русской архитектуры зданий, специально выстроенных для библиотеки. Оно представляет собой редкий для Новгорода памятник архитектуры стиля барокко.

Своей численностью и удивительным богатством библиотека НДС в основном обязана уникальному книжному собранию Феофана Прокоповича. Феофан Прокопович был образованнейшим человеком русского государства эпохи раннего Просвещения. Продолжительная и верная служба Петру I, огромные заслуги Феофана по проведению петровских реформ в церковной, гражданской и военной сферах сделали его важным государственным и церковным сановником, богатым человеком. Свое выдающееся книжное собрание, которое позволяет, на наш взгляд, судить о широте его научных интересов, Феофан пополнял в течение всей жизни. Большую часть библиотеки Феофана составили книги, полученные в качестве военного трофея в Дерпте, о передаче которых он просил императора в письме от 29 сентября 1719 г.: «Державнейший царь, государь милостивейший. В твоей, великого государя, псковской артиллерии есть латинские книги, которые взяты из Дерпта и многое время лежат в

Греческий лексикон Варина Фаворина (Базель, 1538), принадлежавший Николаю Семенову (Головину).
Шифр РНБ: 7.43.1.15

сундуках, тлеют и гниют. Всемилостивейший государь, прошу вашего величества, да повелеть ваше державство оныя книги отдать мне, нижайшему рабу и богомольцу вашему»[7]. Дерптская часть библиотеки Феофана насчитывала около 2,5 тыс. книг. Исключительное по значению в культурной истории России XVIII столетия книжное собрание архиепископа Великоновгородского и Великолуцкого Феофана Прокоповича сыграло первостепенную роль в распространении научных знаний и идей эпохи Просвещения в России. Ее с восхищением описывал доминиканский монах Бернард Рибера, отмечая, что она значительно превосходила императорскую и по своему богатству не имела себе равных в России.

После смерти Феофана императрица Анна Иоанновна высочайшим указом повелела отдать его книги с «подлинным описанием» в Александро-Невский монастырь. На основании этого указа по распоряжению Синода библиотека Феофана была принята указанным монастырем на хранение и поручена иеродиакону Епифанию, который и составил ее опись. Опись Епифания, опубликованная П.В. Верховским, включающая 3192 наименования книг, изданных в абсолютном большинстве на латыни, выполнена по-русски; она содержит неполное, неточное и часто искаженное библиографичес-

«Послания» Св. Игнатия Богоносца (Оксфорд, 1709) с владельческой записью Феофана Прокоповича: «Ex libris Theophanis Archiepiscopi Novogrodensis». Шифр РНБ: Рэ Феоф/I-50 Q

кое описание. Несовершенство этой описи, а также дальнейший рост библиотеки НДС побудили составить новый реестр книг, датированный 1779 г., беловой и сверочный экземпляры которого хранятся в Государственном архиве Новгородской области[8]. В связи с тем, что фонд библиотеки НДС в настоящее время в виде отдельного книжного собрания не сохранился и значительная его часть трагически утрачена, реконструкция репертуара и изучение истории библиотеки возможны лишь на основе ее многочисленных каталогов XVIII-XX вв., сохранившихся в архивах страны. Реестр 1779 г. является главным источником по истории библиотеки в XVIII в.

Беловой экземпляр реестра 1779 г. включает описание книг библиотеки Феофана Прокоповича на языке оригиналов, численно, а также по расположению книг совпадающее с описью Епифания. Кроме книг Феофана, в реестре описаны другие книжные собрания, вошедшие в фонд библиотеки НДС: «Libri varii latini...» (452 тома); книги из библиотек архиепископов новгородских Амвросия Юшкевича (358 наименований, 602 тома) и Стефана Калиновского (358 наименований, 866 томов); митрополита новгородского Димитрия Сеченова (267 наименований, 474 тома); «Реэстр Принятым книгам...» (81 том); книги, купленные в разное время с 1777 года попечением митрополита новгородского и санкт-петербургского Гавриила (347 наименований, 760 томов); «Реестр присланным из Московской Типографской Конторы в Новгородскую Семинарию разного звания книгам» (13 наименований); «Реестр книгам, купленным вновь с июня 1778 дня» (117 наименований); «Реестр книгам, вновь поступившим в Семинарскую Библиотеку после отдачи в консисторский Архив Генерального о всей Семинарской Библиотеке Реестра по нынешний 1784 год и прочим вещам». Таким образом, поступление последних книг, описание которых содержит беловой экземпляр, датировано 1784 г. Однако тот факт, что задняя крышка переплета белового экземпляра отсутствует, а его последние листы утрачены, заставляет предположить, что в нем первоначально содержалось описание книг, поступивших после 1784 г. Сверочный экземпляр реестра 1779 г., кроме перечисленных в беловом, включает: библиотеку учителя философии магистра Андреевского, купленную в 1775 г. (186 наименований), библиотеку врача Мины Исаева (142 наименования), библиотеку настоятеля Деревяницкого монастыря Павла (356 наименований).

Почти целиком идентичный сверочному экземпляру реестра 1779 г. каталог библиотеки НДС («Каталоги книг библиотек новгородских архиепископов Феофана Прокоповича, Амвросия, Стефана и др., а также библиотеки Новгородской семинарии») с датировкой под 1779 г. хранится в Библиотеке РАН[9]. Ряд имеющихся в каталоге записей указывает на то, что его, как и первые два экземпляра, начинают использовать с 1779 г.

Данные каталогов 1779 г. позволяют сделать вывод о том, что библиотека НДС, за исключением ее первоначального ядра – библиотеки Новгородского архиерейского дома – формировалась из частных книжных собраний, в основном новгородских архиереев. Несмотря на универсальность репертуара этих книжных собраний, они не в полной мере соответствовали потребностям семинарии как учебного заведения, хотя книги библиотеки НДС активно использовались семинаристами в процессе обучения, о чем свидетельствуют многочисленные пометы на некоторых из них. Еще одним источником комплектования библиотеки было целенаправленное приобретение литературы, необходимой в учебном процессе. Сохранились сведения о том, что в 1750 г. было решено купить в Киеве для семинарии 500 экземпляров учебника латинского языка Эммануила Альвара. В том же году для обеспечения семинаристов оригинальными текстами на латыни была выписана из-за границы большая партия изданий произведений древнеримских авторов, в том числе книги Вергилия и Овидия – по 50 экземпляров, Квинта Курция, Корнелия Непота и Цицерона – по 60 экземпляров.

В библиотеке НДС находились книги, изданные в XV в. – инкунабулы, точное число которых пока не удалось установить. Одной из них было издание «Золотой легенды» Якопо Ворагинского (Jacobus de Voragine. Legenda aurea. Lyon, ca 1480-1482) (Шифр РНБ: 9.24.2.57). Согласно вышеописанным экземплярам реестра 1779 г., библиотека НДС включала редкие издания Писания: Biblia sacrosancta Veteris et Novi Testamenti. 1544; Biblia graeca. Basileae, 1545; Biblia haebraica. Francofurti, 1612; Erasmi Roterodami. Novum Testamentum. Francofurti, 1674. Святоотеческое наследие Западной и Восточной Церквей на языке оригиналов представлено именами: Аврелия Августина, Амвросия Медиоланского, Иеронима Стридонского, Тертуллиана, Василия Великого, Климента Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Григория Нисского, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Оригена и др. Среди историков древней Церкви и более поздних византийских авторов – Евсевий Памфил, Сократ Схоластик, Феодорит Кирский, Евагрий, Иоанн Зонара, Михаил Глика, Георгий Акрополит. Исключительно богатым и разнообразным было также собрание греческих и латинских классиков. Чрезвычайно многочисленны в книжном собрании НДС произведения писателей-гуманистов: Лоренцо Валлы, Анджело Полициано, Эразма Роттердамского, Себастьяна Кастеллиона, Марка Антуана Мюре, Филиппа Меланхтона, «Письма темных людей» и др. Важное место в реестре 1779 г. занимают теологические трактаты, среди которых преобладают труды протестантских богословов: Мартина Лютера, Андреаса Озиандера, Георга Майора, Викторина Штригеля, Эгидия и Николая Гунниев, Леонарда Гуттера, Конрада Пелликана, Иоанна Бренца, Теодора Безы, Генриха Буллингера, Абрахама Калова, Конрада Кирхера, Компеджио Витринги, Бенедикта Карпцова, Иоанна Буддея, Мартина Хемницера, Иоахима и Филиппа Камерариев. Имеются также издания трудов деятелей Контрреформации: Станислава Гозия, Георга Кассандера, Роберта Беллармина, Корнелия а Ляпиде, Христофора Целлариуса, Афанасия Кирхера и др. К различным областям философии, гуманитарного и естественно-научного знания XVI-XVIII вв. относятся издания трудов Полидора Вергилия, Джорджа Бьюкенена, Сципиона Аммирато, Цезаря Бария, Никколо Макиавелли, Жана Бодена, Гуго Гроция, Андреа Алчиати, Варнавы Бриссония, Иосифа Юста Скалигера, Юста Липсия, Иоанна Буксторфа, Михаэля Неандера, Герарда Меркатора, Конрада Геснера, Каспара Баугина, Иоганна Кеплера, Галилео Галилея, Христиана Вольфа и др.

Редкий по богатству и разнообразию репертуар библиотеки НДС XVIII в. является дополнительным свидетельством высокого уровня семинарии как учебного заведения. В 1788 г. высшие классы НДС были переведены в Санкт-Петербург, чтобы поднять уровень другого учебного заведения – Александро-Невской семинарии. Вместе с высшими классами в Санкт-Петербург была отправлена и часть библиотеки НДС. В дореволюционной историографии существовало устойчивое мнение, что с восстановлением высших классов НДС в 1801 г. ее библиотека, вывезенная в Санкт-Петербург, осталась в столице. Архивные данные, датированные 1804 г., свидетельствуют, однако, о том, что книги из Александро-Невской академии (бывшей

Александро-Невской семинарии) были возвращены в НДС (См.: ОР РНБ. Ф. 522, № 209. Л. 271 об.) Перемещение и пополнение книжного фонда семинарской библиотеки сделали необходимым составление нового каталога, который датирован 1806 г. Согласно каталогу 1806 г. библиотека НДС включала книги 4523 наименований и состояла из 8565 томов. Из них 2864 наименования – на латинском языке, 848 – на русском, 258 – на немецком, 236 – на греческом, 137 – на французском, 57 – на древнееврейском, 124 наименования – на испанском, итальянском, арабском и других языках. Тематически книги делились на следующие группы: «исторические» (680 наименований, 1403 тома); «богословские» (500 наименований, 942 тома); «юридические» (433 наименования, 500 томов); «философские» (421 наименование, 710 томов); «классические» (390 наименований, 1790 томов); «реторические» (241 наименование, 255 томов); «библейские» (220 наименований, 360 томов); «учебники» (300 наименований, 600 томов); «медицинские» (229 наименований, 360 томов); «географические» (147 наименований, 400 томов); «святоотеческие» (55 наименований, 160 томов); «смесь» (116 наименований, 432 тома) и др.

В 1824 году выпускник НДС архиепископ ярославский и ростовский Антоний (Знаменский) завещал семинарии всю свою библиотеку. Ныне ее каталог, составленный в 1829 г. и насчитывающий 1028 наименований, хранится в Отделе письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника[10]. Книжное собрание архиепископа Антония (Знаменского) носит преимущественно светский характер, в нем преобладает литература на иностранных языках. Библиотека Антония (Знаменского) – последнее крупное частное собрание, вошедшее в фонд библиотеки НДС.

По-видимому, следующим в хронологическом порядке является хранящийся в ОР РНБ (Ф. 522, №№ 235, 236, 237) трехтомный каталог библиотеки НДС, который предположительно можно датировать временем до 40-х годов XIX века. Том первый имеет надпись:

INSIGNIA, SIVE ARMA GENE-
rosorum Comitum, & Domi-
norum in Colbil, &c.

ILLVSTRI, AC GENE-
ROSO DOMINO, GEORGIO, COMI-

VALENTINVS ERYTHRAEVS
S. P. D.

Magnum quoddam opus
est illustre, ac generosè
Comes GEORGI: at-
que haud scio, an de hu-
manis operibus longè
maximum: sapientissimis sententijs,
gravibusque verbis ornata & perpoli-
ta oratio. Namsi hominis proprium,
& præcipuum munus est ratione, ac ser-
mone cæteris præstare animantibus (
quæ cum nec ratiocinari, nec loqui
possint, à Græcis uno nomine ἄλογα sunt
appellata) præclarius multò est, & ma-
ximè proprium litteratorum virorum, &
Eloquentium est: reliquis hominibus
A ij

Иоганн Штурм «Об ораторском искусстве» (Страсбург, 1576). Книга с владельческой записью Амвросия Юшкевича: «Ex Bibliotheca illustrissimi Ambrosij Epi Wologdensis 1739». Шифр РНБ: Рэ Феоф?/S-90 О

«А. Библиотека древних языков. Разряд I-й. Богословие. Отделение I-е. Библия» (№ 235); он содержит описание «Библиотеки древних языков» до разряда «Исторические науки» включительно (2783 наименования). Второй и третий тома имеют одинаковую надпись: «Разряд VI. Языкознание. Отделение I. Грамматики» (№№ 236, 237). Том второй включает описания: последнего разряда «Библиотеки древних языков» – «Языкознания» (489 наименований), а также «Библиотеки Российской» (1602 наименования); «Библиотеки Французской» (121 наименование); «Библиотеки Немецкой» (319 наименований); «Библиотеки малоизвестных новых языков» (126 наименований); «Библиотеки книг, не принадлежащих к духовному просвещению» (1013 наименований); «Пособий географических» (40 наименований) и «Сочинений неблагомыслящих писателей» (2 наименования). Третий том включает описание «Библиотеки книг, не принадлежащих к духовному просвещению», которое по содержанию и количеству наименований целиком идентично аналогичному разделу второго тома. Большое количество помет и исправлений заставляет предположить, что этот том использовался как сверочный экземпляр.

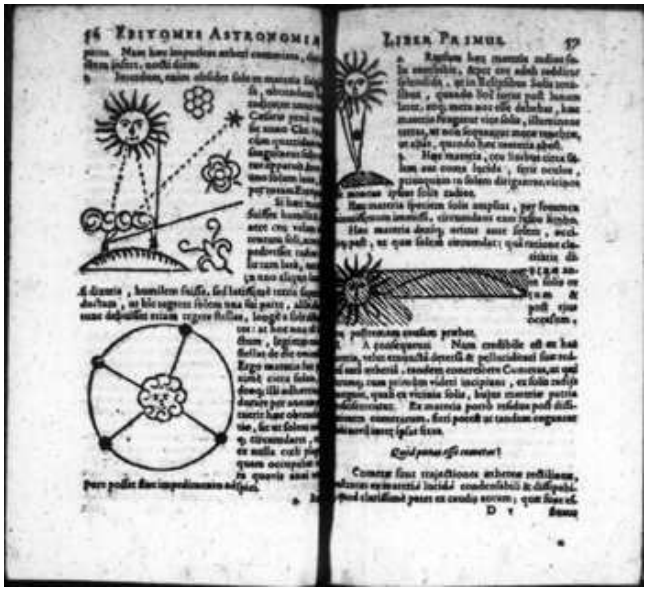
По-видимому, 1840-ми годами датируются три тома каталога библиотеки НДС, также хранящиеся в ОР РНБ: «Каталога Том, I. Библиотека древних языков Н.С.Б.» (Ф. 522, № 233); «Каталога Том, II. Библиотека новых языков Н.С.Б.» (№ 234); «Каталога Том, III. Библиотека книг, не принадлежащих к духовному просвещению Н.С.Б.» (ОР РНБ. ОСРК. F. XVIII. 73). Все тома каталога имеют общую сквозную нумерацию. Они составлены, согласно постраничным надписям, «Библиотекарем Новгородской Духовной Семинарии и Учителем Православного исповедания Богослужебных книг Гражданской истории и греческого языка Петром Солярским». Первый том каталога П.Ф. Солярского включает описание «Библиотеки древних языков» (2962 наименования). Второй том содержит описания «Библиотеки Российской» (1744 наименования), «Библиотеки Французской» (104 наименования), «Библиотеки Немецкой» (684 наименования), «Библиотеки малоизвестных новых языков» (136 наименований), а также различных учебных пособий (189 наименований). Третий том, озаглавленный в описи ОСРК ОР РНБ: «Каталог библиотеки Новгородской Духовной Семинарии XIX века», содержит описание «Библиотеки книг, не принадлежащих к духовному просвещению» на разных языках (1115 наименований), «Библиотеки рукописей на разных языках» (138 наименований), «Библиотеки рукописей, не принадлежащих к духовному просвещению» (11 наименований), «Сочинений неблагомыслящих писателей» (7 наименований).

Большой интерес представляет «Библиотека рукописей» из каталога П.Ф. Солярского, содержащая описание более 150 рукописей, большая часть которых в 20-е годы текущего столетия поступила в ОР РНБ и находится ныне в фонде НДС (Ф. 522), включающем, согласно «Рукописной описи рукописей НДС», выполненной В.Г. Гейманом, 219 наименований. Среди славяно-русских рукописей, описанных в каталоге: Списки с грамот Ярославского архиерейского дома; Стоглав; Повесть временных лет; Летопись града Углича; Хронография, или Летопись Св. Димитрия Ростовского; Житие патриарха Никона и Сборник рукописных материалов о нем; Сборник писем (переписка с Сорбонной по вопросу о примирении церквей); Переписка митрополита Иова и др. Греческие и латинские рукописи, тематика которых в основном соответствует учебному плану семинарии, датируются XVI-XIX веками. Отдельные группы составляют: лексиконы; грамматики, в том числе греческого языка, составленные Лихудами; многочисленные учебные пособия по риторике, включая «De arte Rhetorica» Феофана Прокоповича; трактаты по философии; богословские сочинения Адама Зерникава, И.-А. Турретини, Матвея Властаря, «Enchiridion militis christiani» Эразма Роттердамского. В разряд «Сочинений неблагомыслящих писателей» попали следующие книги: Коран в переводе на латинский язык; Коран в переводе на польский язык; Коран в русском переводе; книга Андреа Алчиати «Contra vitam monasticam»; сочинения Вольтера.

В конце XIX в. был составлен еще один каталог Фундаментальной библиотеки НДС – «Книга записи книг, поступивших в Новгородскую духовную семинарию» (ОР РНБ. ОСРК. F. XVIII. 72.). Он имеет примерно ту же структуру, что и вышеописанные каталоги XIX в. «Библиотека древних языков» имела в своем составе: книги Ветхого завета на древнееврейском языке; произведения патристики на греческом и латинском языках; богословские труды Феофана Прокоповича и Иринея Фальковского; философские сочинения Баумейстера. В разряд «Словесность» входили произведения античных классиков: Вергилия, Горация, Овидия, Анакреонта, многочисленные издания Цицерона, а также труды Тита Ливия, Корнелия Непота и Евтропия. Разряд «Языкознание» включал словари и грамматики греческого и

латинского языков. Перечень книг «Библиотеки Российской» открывается различными изданиями Писания и святоотеческой литературы. В разряд «Новейшие риторы и эстетики» попали произведения русской литературной классики XIX в., а также сочинения историков литературы П.В. Анненкова, О.Ф. Миллера, В.Ф. Корша. В «Системы наук философских» вошли сочинения Д.С. Милля, И. Тэна, К.Д. Кавелина, М.И. Владиславлева, Ч. Дарвина, Г. Гартвига, Ф. Ибервега, Г. Спенсера, Вл. Соловьева. Кроме того, «Библиотеку Российскую» пополнили сочинения Г.Л.Ф. Гельмгольца, М. Стасюлевича, К. Ушинского, Канта, Гегеля, Лапласа, Э. Тэйлора, Э. Геккеля. Зарубежная литературная классика представлена именами Шекспира, Шиллера, Байрона, Диккенса, Теккерея, В. Скотта, Э.-Т. Гофмана, Ф.-Г. Клопштока, Г.-Э. Лессинга. Из историков в каталоге названы: Ф.-Х. Шлоссер, О. Тьерри, Ф. Гизо, Т.-Б. Маколей, Анна Комнина, В. Вегнер, Г. Бокль, И. Чельцов, А. Лебедев, А.В. Горский, Н.Г. Устрялов, А.И. Ишимова, С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров. В составе «Немецкой библиотеки» находилось богатое собрание богословских произведений, труды историков древней Церкви, книги по классической филологии. «Библиотека малоизвестных языков» включала издания Нового завета на татарском, арабском, польском и португальском языках.

В фонде НДС ОР РНБ имеются также четыре тома каталогов Фундаментальной библиотеки НДС конца XIX – нач. XX вв. По-

Извлечение из «Астрономии» Коперника Иоганна Кеплера (1618). Книга из библиотеки Феофана Прокоповича. Шифр РНБ: Рэ Феоф/К-36 О

видимому, наиболее ранний из них – «Инвентарь фундаментальной библиотеки Новгородской духовной Семинарии 1887 года» (ОР РНБ. Ф. 522, № 229), который, очевидно, служил книгой новых поступлений. Последние описанные в нем издания за №№ 16364 и 16365 – собрание сочинений И.А. Бунина, вышедшее в 1915 г. и журнал «Церковный вестник» за 1911 г. Остальные три тома имеют общее название: «Систематический каталог Ф.Б. Н.Д.С.» и следующую нумерацию: IV, V, VI. (№№ 230, 231, 232). Все три тома содержат описание литературы в основном на русском языке. Очевидно, литература на иностранных языках, составляющая наиболее ценную часть библиотеки НДС, была описана в первых трех томах этого каталога, местонахождение которых нам неизвестно.

Наиболее поздним из дореволюционных каталогов НДС является «Список книг и старинных рукописей, пожертвованных в фундаментальную библиотеку Новгородской духовной семинарии протоиереем Павлом Тихомировым, настоятелем Знаменского собора, 18 декабря 1910 года»[11]. Список содержит 49 наименований печатных книг на русском, латинском, греческом, французском, немецком языках, а также 7 наименований рукописей на русском языке.

По данным каталогов XIX в., библиотека НДС, сохранившая свое основное ядро – западноевропейскую старопечатную книгу – комплектовалась в XIX – нач. XX вв. в основном литературой на русском языке, предназначенной для массового читателя, включая беллетристику и периодические издания. Несмотря на это, она продолжала оставаться уникальным источником для изучения истории и культуры России и Западной Европы. Ее численность, очевидно, достигала 14-16 тыс. томов. В советское время библиотеку постигла трагическая судьба.

НДС была закрыта в 1918 г. На основании Декрета Совета Народных комиссаров здания семинарии передавались в распоряжение Отдела Комиссариата по Народному Просвещению. В помещениях семинарии и на ее базе в октябре 1919 г. возник Новгородский практический институт народного образования, в распоряжении которого оказалась также фундаментальная библиотека НДС, включая книжное собрание Феофана Прокоповича. Таким образом, начался шестилетний период в истории существования библиотеки НДС в составе книжного фонда Института народного образования, преобразованного в 1923 г. в педтехникум, на базе которого в сентябре 1932 г. открылся Новгородский государственный педагогический институт им. М.Н. Покровского. За этот шестилетний период фонд библиотеки по некоторым данным достиг 30 тыс. экземпляров и состоял из библиотеки НДС, библиотек Седлецкого Учительского института, эвакуированного в Новгород из Польши, и двух местных учительских семинарий. Согласно постановлению планового совещания ГубОНО от 25 января 1925 г., Фундаментальная библиотека НДС была передана Губ. музею.

После этого наиболее ценная часть библиотеки НДС, включая библиотеку Новгородской школы Лихудов, поступила в Государственную Публичную библиотеку (далее – ГПБ). Сохранившиеся архивные документы, найденные Б.А. Градовой, позволяют частично реконструировать историю передачи книг НДС в ГПБ[12]. Инициатором передачи в распоряжение ГПБ библиотеки Феофана Прокоповича, а также рукописей и печатных изданий XV-XVIII вв. из библиотеки НДС был Д.И. Абрамович, видный ученый-филолог, историк русской литературы и языка, чл.-кор. Академии наук, сотрудник Отдела рукописей ГПБ. Посредником в передаче книг выступил Государственный Книжный фонд, в который должна была поступить часть книжного собрания НДС. В письме от 25 января 1926 г. ГПБ просила перевозку книг из Новгорода осуществить силами и средствами Книжного фонда. Вероятно, эта просьба была удовлетворена, так как Книжный фонд уведомил ГПБ о том, что книги будут перевезены в конце февраля, и тогда представители ГПБ будут приглашены для разбора и приемки нужных ей книг. 23 апреля 1926 г. заместитель директора ГПБ И.И. Яковкин подписал следующий документ: «Ссылаясь на личные переговоры Зам. Директора ГПБ в Ленинграде с Зав. ГКФ-ом ГПБ просит при передаче Библиотеки Нов. Д. Сем. перевезти в Ленинград для ПБ-ки также и библиотечн. шкафы означенной б-ки, представляющие худож. ценность (XVIII в.) и особенно нужные ПБ-ке в наст. момент ввиду острого недостатка в библ. мебели». Согласно договору, заключенному 16 апреля 1926 г., «представитель Гос. фонда М.В. Черноков, с одной стороны, и представители Новгубоно: Зав. ГубОНО А.Н. Балуев, Зав. Губполитпросветом А.М. Пучежский, Зав. Губ. Музеем Н.Г. Порфиридов и Зав. Губ. Центр. Б-кой. С.Д. Пучков, с другой, заключили настоящий договор в том, что представитель Госфонда, принимающий т.н. фунд. б-ку б. НДС от имени Госфонда дает обязательство компенсировать ГубОНО современной научной и худож. литературой в кол-ве от одной до двух тысяч книг со складов Госфонда, а в случае недостатка нужной ГубОНО литературы на собствен. складах, Фонд обязуется содействовать в получении литературы во всех книгохранилищах Ленинграда (Публ. б-ка, БАН и др.), а также ходатайствовать перед Главнаукой. Компенсация Госфондом должна быть выполнена в течение 1926 г.» Так Новгород утратил уникальное книжное собрание, принадлежавшее НДС, добровольно передав его в Ленинград. Сохранившиеся архивные документы содержат сведения о бюрократической переписке по поводу предусмотренной компенсации. В феврале 1927 г. Публичная биб-

IOACHIMI CA-
MERARII PABERGENSIS IN
M. T. C. EPISTOLAS FAMIL.
LIB. I. ANNOTATIONES
ATQVE CASTIGA-
TIONES.

ANNOT. IOACH. CAMER.

«Письма» Цицерона из библиотеки НДС (выходные данные неизвестны). Книга пострадала от пожара 1947 года. Шифр РНБ: Рэ Феоф?/С-58 О

лиотека сообщила в Государственный Книжный фонд, что ею выбрано и отложено из своих дублетов до тысячи книжных единиц для Новгубполитпросвета. Однако в июле 1927 г., согласно документу, подписанному заведующим Новгородским ГубОНО и заведующим Губполитпросвета, адресованному Государственному Книжному фонду, компенсация все еще не была получена. Сведениями о ее получении Новгородом мы не располагаем. Согласно нашим предположениям, подтвержденным сотрудниками РНБ, Публичная библиотека получила около десяти тысяч книг из библиотеки НДС, включая раритеты большой ценности: инкунабулы, палеотипы, западноевропейскую старопечатную книгу второй пол. XVI-XVII вв., среди которых шедевры – книги, выпущенные знаменитыми издательскими фирмами и типографами: Мануциями, Фробенами, Плантенами, Этьенами, Эльзевирами и др. Эти издания, содержащие владельческие записи и пометы XV-XX вв., несли ценнейшую информацию историко-культурного характера, связанную с их бытованием в Западной Европе и России.

На заседании Правления ГПБ 20 августа 1926 г. был выработан план инвентаризации поступившей из Новгорода «библиотеки Феофана Прокоповича» «с точным учетом особенностей каждого экземпляра, автографов самого Феофана и других лиц, во владении которых когда-либо находились книги его библиотеки, пометок и т.д. Работу предложено поручить В.В. Майкову». Сотрудник Отдела рукописей ГПБ В.В. Майков (1863-1942), археограф, палеограф, библиограф, чл.-кор. АН СССР, начал работу по инвентаризации книг из библиотеки НДС в 1926 г. Очевидно, эта работа продолжалась в течение пяти лет, с 1926-го по 1930 г. Об этом свидетельствуют записи, сделанные самим В.В. Майковым на книгах из библиотеки НДС, выявленных нами в РНБ. Вероятно, в течение года составлялась одна инвентарная книга. Таким образом, итогом пятилетней работы по инвентаризации библиотеки НДС могли быть 4-5 инвентарных книг. Из них на сегодня известна только одна – за 1929-1930 гг., хранящаяся в ОР РНБ (Ф. 522, № 238). Инвентарь озаглавлен: «1929 год. Новгородская Духовная Семинария (библиотека Ф. Прокоповича)» и содержит описание 2619 наименований книг на различных языках. Судя по распискам, находящимся на полях инвентаря, книги после инвентаризации должны были поступить в различные фонды ГПБ: Отделение культов, Отделение юридических и социальных наук и др. Таким образом, не предполагалось хранение библиотеки Феофана Прокоповича, как и всей библиотеки НДС, в виде отдельного книжного собрания.

В 1947 г. в одном из книгохранилищ ГПБ вспыхнул пожар, в результате которого пострадала значительная часть книг библиотеки НДС. Размер ущерба, нанесенного национальному достоянию России, еще предстоит определить. Пренебрежительное отношение к культуре Великого Новгорода XVIII в., отсутствие интереса к деятельности братьев Лихудов, НДС, недооценка их значения и роли в истории русской культуры привели к утрате (часть книг сгорела, остальные рассредоточены по разным отделам РНБ и другим библиотекам) ценнейшего книжного собрания, состоявшего из библиотек школы Лихудов, митрополита Иова, Феофана Прокоповича, включая уникальную дерптскую часть его библиотеки, книг новгородских владык XVIII в. и многих других ценных рукописей и изданий.

Изучение истории и реконструкция репертуара библиотеки НДС по имеющимся архивным данным, выявление сохранившихся книг в фондах РНБ и других российских библиотек, включая библиотеку Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, содержащую оставшуюся в Новгороде часть библиотеки НДС, являются абсолютно необходимыми. Необходимо также тщательное изучение фонда сектора редкой книги библиотеки НовГУ, содержавшей некогда уникальные книжные богатства, с целью выявления в нем изданий, отражающих послеоктябрьский период истории библиотеки НДС.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рукописные книги собрания М.П. Погодина. Каталог. СПб. (В печати). Указанные рукописи (№№1200 и 1202) описаны В.А. Ромодановской.

[2] См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1901. Т.10. №378. Стб. 621.

[3] См.: Опись архиерейской ризницы, находящейся в Софийском соборе, и имущества, оставшегося после смерти Иова, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук // Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. 1868. Т. 1. Стб. LXXXIII-XCIX.

[4] ГАНО. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2. Л. 184-203 об.; 265-266.

[5] Прилежаев Е.М. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху / / Христианское чтение. 1877. Ч. 1. Март-апрель. С. 346-347.

[6] Знаменский П.В. Духовные школы России до реформы 1808 года. Казань, 1881. С. 491.

[7] Рункевич С. Архиепископ Феофан Прокопович в его переписке с Петром Великим // Странник. 1906. Февраль. С. 205.

[8] ГАНО. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-290; Д. 1. Л. 1-374.

[9] НИОР БАН. Собрание иностранных рукописей. Ф. 28. Ғ. 409. Л. 1-309. См. также: Описание рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР. Исторические сборники XVIII-XIX веков / Сост. Н.Ю. Бубнов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, О.П. Лихачева. Л., 1971. Т. 3. Вып. 3. С. 305-307.

[10] ОПИ. НГМ. Инв. № 25982/12016. Л. 1-197.

[11] ОПИ. НГМ. Инв. № 5144.

[12] Здесь и далее документы цитируются по статье: Градова Б.А. Из истории поступления библиотеки Новгородской духовной семинарии в Государственную Публичную библиотеку//Лихудовские чтения: Материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11-14 мая 1998 г./Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород (в печати).

Валентин ПАПЕШИН

БИБЛИОТЕКА ГРАФА АЛЕКСЕЯ АНДРЕЕВИЧА

Село Грузино Чудовского района Новгородской области связано с именем всесильного временщика, любимца двух императоров графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769-1834). Имение Грузино было пожаловано Павлом I двадцатисемилетнему генерал-майору Аракчееву, которым тот владел 38 лет: с 1796 по 1834 год.

К сожалению, общественное мнение не всегда венчает лаврами или терниями действительно выдающихся людей: зачастую внимание его останавливается на лицах среднего уровня, в силу тех или иных обстоятельств оказавшихся в центре общественного внимания. К лицам таким, несомненно, можно отнести и графа Аракчеева, которого молва людская превратила чуть ли ни в «гения зла». Но был ли он личностью исключительной? Вовсе нет: и в самых одиозных своих деяниях он никогда не возвышался над уровнем среднего человека. Тайна его успеха заключалась в образцовой исполнительности и прямолинейной настойчивости, пришедшихся по вкусу двум монархам.

Аракчеев не был своеобразен: он отразил в себе воспитание, школу гатчинской службы и бытовые черты той эпохи. По словам современников, он «был отличным артиллерийским офицером, необычайно деятельным, но... дурно образован»[1]. Домашнее его образование заключалось в грамоте, письме и четырех правилах арифметики, преподаваемых церковным дьячком. Но в кадетском корпусе Аракчеев показал быстрые успехи в науках. Он свободно говорил по-немецки, понимал французский. Граф обладал природным умом, был очень религиозен, строг в точном исполнении возложенных на него обязанностей, деятелен и трудолюбив. Отличительная черта его характера – благодарность. Он испытывал ее до конца жизни не только к монархам, но и к прочим лицам, ласками и благодеяниями которых когда-то пользовался. Организатор и устроитель военных поселений, граф, тем не менее, оказал Отечеству ряд значительных услуг, забывать которые не следует.

И.С. Семенов. «Во внутренности гру́зинского собора», 1822 г. Слева изображен памятник Павлу I работы И.П. Мартоса, 1815 г.

Аракчеев не жалел денег на строительство своей усадьбы. Причем строились не только графские дома, беседки и павильоны, но и добротные крестьянские избы, осушались болота, наводились мосты и прокладывались шоссейные дороги, создавался прекрасный парк. В усадьбе Аракчеев построил большую каменную церковь, которая освящена была в память св. апостола Андрея Первозванного и первою в уезде получила статус собора. В ее сооружении принимали участие скульпторы Ф.И. Демерцов, И.П. Мартос, Т. де Томон, И.А. Крылов и другие. Была построена бесплатная больница; выписанный из Петербурга врач обязан был регулярно объезжать деревни. Лечение, лекарства, прививки от оспы – все это для крестьян было бесплатно.

Граф проявлял заботу о крестьянском быте, требовал порядка, дисциплины и ответственности, преследовал склонность к бесконечным праздникам и бражничанью. Он оказывал щедрую помощь пострадавшим от тяжелых стихийных бедствий (пожар, наводнение, падеж скота, неурожай) и принимал меры по их предупреждению. Для этого была построена пожарная каланча и создана пожарная команда. Во всех деревнях действовали общественные хлебные магазины, а созданный графом Сельский заемный банк выдавал денежные ссуды и оказывал материальную помощь.

Аракчеев покровительствовал дарованиям, часто приглашал в Грузино литераторов, художников, ученых. Крепостного Ивана Семенова из деревни Хотитово отправил учиться в петербургскую Академию художеств; впоследствии тот стал архитектором и принимал участие в застройке Грузино.

Скупой до чрезмерности в своем домашнем быту, граф не жалел денег на обучение крестьянских детей музыке и пению. В Грузино был крепостной хор и оркестр, а также школа для обучения грамоте крестьянских мальчиков[2].

В июне 1810 года император Александр I впервые посещает Грузино. Восхищенный увиденным, он пишет из Петербурга Аракчееву следующий хвалебный рескрипт: «Граф Алексей Андреевич! Устройство и порядок, которые лично видел я в деревнях ваших при посещении вас на возвратном пути моем из Твери, доставили мне истинное удовольствие. Доброе сельское хозяйство есть первое основание хозяйства государственного. Быв личным свидетелем того обилия и устройства, которое в кратчайшее время, без принуждения, одним умеренным и правильным распределением крестьянских повинностей и тщательным ко всем нуждам их вниманием успели вы ввести в ваших селениях, я поспешаю изъявить вам истинную мою признательность за удовольствие, которое вы мне сим доставили...»[3]. Всего император посещал Грузино 11 раз.

Перед смертью граф внес в Государственный Заемный банк

300 000 рублей, проценты от которых шли на воспитание в Новгородском кадетском корпусе бедных дворян Новгородской, Псковской и Тверской губерний. Кроме того, в 1833 году он оставляет в банке значительную сумму (50 000 рублей) сроком на 93 года «неприкосновенною со всеми процентами», чтобы послужила она наградою историку, написавшему лучший труд о царствовании Александра I. В результате мы имеем большое количество исследований, посвященных этому времени. Здесь и сочинение «Александр I» профессора Н.К. Шимана, и 6-томное исследование «Император Александр I и Россия в его царствование» М.Н. Богдановича, и 4-томное исследование Н.К. Шильдера «Император Александр I», и работа великого князя Николая Михайловича «Александр I. Опыт исторического исследования» в двух томах, и многое другое. Срок рассмотрения сочинений должен был истечь в 1925 году. Капитал же в 50 000 рублей должен был превратиться в результате роста процентов в сумму 1 918 960 рублей. Граф Аракчеев не мог, конечно же, предположить, что Великая Октябрьская социалистическая революция разрушит эти его далеко идущие планы[4].

В Грузино имелась личная библиотека графа, фонд которой насчитывал 3 780 сочинений в 11 184 томах. Эту библиотеку он собирал более 30 лет, с тех самых пор, как получил во владение Грузино. Библиотека располагалась по частям в разных местах обширного имения: одна часть находилась в Андреевском соборе, другая – в большом каменном дворце графа, третья – в оранжерее, четвертая – в гостинице для приезжих и гостей графа, пятая – в специальном помещении в китайской беседке у прудов в парке. Еще в ранней юности, сразу после окончания кадетского корпуса, молодой Аракчеев заведовал некоторое время корпусной библиотекой, которая считалась лучшей среди библиотек учебных военных заведений. Поэтому свою личную библиотеку граф формировал, опираясь на знание и навыки, приобретенные им при работе в библиотеке кадетского корпуса.

Какие же книги были в графской библиотеке? Самые разнообразные, отвечающие любому вкусу. Самая ценная часть библиотеки помещалась в соборе Андрея Первозванного. В ризнице собора хранилось много редких богослужебных книг, на которые Аракчеев тратил огромные деньги. Здесь были: рукописное Евангелие, писанное в 1525 году; Евангелие печатное 1651 года; напрестольное Евангелие 1815 года, украшенное белым бархатом и литым серебряным изображением распятого Христа; напрестольное Евангелие 1800 года в серебряном и позолоченном окладе, пожертвованное в собор крестьянами села Грузино, на котором рукою Аракчеева сделана надпись: «Сие Евангелие куплено в Санкт-Петербурге ценою 500 рублей подаянием благочестивых и добрых крестьян моей грузинской вотчины 1807 года ноября 30 дня ко дню праздника грэзинского села святого апостола Андрея Первозванного во время владения оным селом и вотчиною генерала от артиллерии и кавалера всей российской артиллерии графа Алексея Андреевича, сына Аракчеева»[5]. Здесь же хранилось напрестольное Евангелие 1833 года, оправленное досками из серебра весом 20 фунтов 36 золотников (около 8 кг серебра) и финифтевыми образками. В нем на прокладных листах рукою Аракчеева написано «Завещательное распоряжение» о награде за лучшее сочинение по истории царствования императора Александра I[6]. Ныне это Евангелие хранится в Грановитой палате новгородского Кремля. В исторических документах сохранились списки церковных книг (Евангелия и Апостолы), «в служении употребляемых» (см. приложение I). На всех церковных книгах отпечатан золотом герб Аракчеева с девизом: «Без лести предан».

И.С. Семенов. «Вид колокольни у гру́зинского собора, внизу коей теплая церковь», 1822 г.

Кровля и шпиль колокольни Андреевского собора в Грузине покоились на восьми чугунных колоннах, полых внутри. Когда ставили колонны, Аракчеев заложил в них отпечатанные в виде книг письма к нему Александра I. Рескрипты были положены в стеклянные ящики. Зачем это было сделано – неизвестно, да и сам этот факт был настолько малоизвестным, что с течением времени возникла легенда о грэзинской колокольне. В 1927 году в одной из своих статей Н. Порфиридов писал: «Последние годы и музейные работники в Грузине раскрыли несколько подобных легенд. С несомненностью установлено присутствие заложенных Аракчеевым документов в чугунных колоннах грэзинской колокольни – чему не особенно верилось»[7].

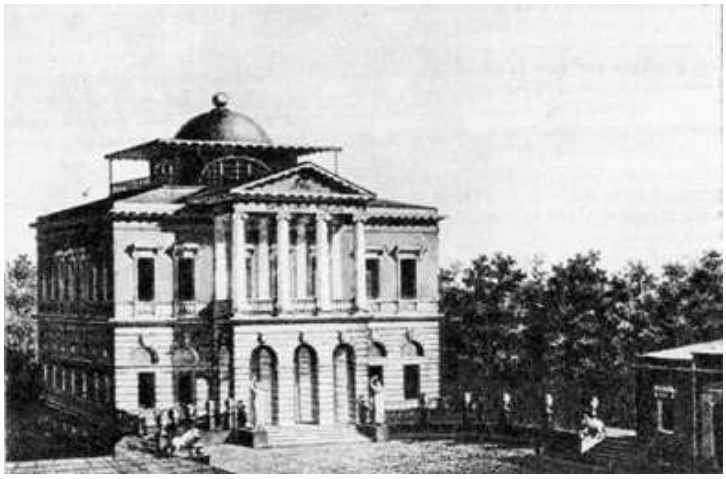
Таким образом исторически достоверно известно, что библиотека собора Андрея Первозванного в Грузине была обширной и богатой. Кроме редких и ценных книг в ее фонде было много другой духовной литературы.

В 1826 году граф возвратился из Парижа. По приезде в Грузино его ждали неприятности. Вот что он писал своим друзьям, чете Бухмейстеров: «Я сюда приехал 4 марта, а 7 марта поутру Богу угодно было меня вновь наказать огорчением: сгорела большая у Волхова оранжерея, в которой находились дорогие померанцевые деревья, пожалованные покойным государем, и вся моя 30 лет собираемая библиотека, а особливо жаль мне разных письменных бумаг, коих нигде не можно получить...»[8] Отсюда видно, что сгорела лишь часть библиотеки, расположенная в оранжерее, все остальное уцелело.

В Грузино был свой хор и оркестр из крепостных крестьян, исполнявший марши, вальсы, симфонии, серенады, увертюры и арии. Соответственно были и книги по искусству. В реестре «нотам певческим и книгам» есть следующие произведения: «Концерты», «Воскликните Господеви», «Рече Господь», «Вкусите и видите» и другие[9].

По части военного искусства (особенно артиллерии и фортификации), военной и политической истории у него были книги на французском и немецком языках. В числе произведений, относившихся к профессии Аракчеева, были «Происки и хитрости воинские», «Примеры для офицеров и солдат», «Россия в Италии, или Победы над французами генералиссимуса Суворова» (с эстампами, 1801 г.), «Десятилетнее странствование унтер-офицера Ефремова», «Стихи на случай выросшей ветки на монументе Румянцева-Задунайского», рисунки мундиров, шлагбаумов, будок и прочее.

Из исторических трудов имелись книги М.М. Щербатова, И.Д. Ертова, И.К. Кайданова, который, посетив графа в 1832

И.С. Семенов. «Вид гру́зинского каменного дома с приезда от собора», 1821 г.

году, счел необходимым внести свою лепту в грэзинское книгохранилище.

Как у государственного деятеля, у графа были такие книги, как «Истинная политика знатных и благородных особ», «Выбор острых слов и изящных мыслей» и другие. Здесь же хранилось собрание медалей, относящихся к царствованию императрицы Екатерины II, из чего можно сделать вывод, что он интересовался той эпохой и собирал о ней исторические сведения. Часть этой коллекции в настоящее время хранится в Нижегородском историческом музее.

Как ни странно, уделявший большое внимание сельскому хозяйству Аракчеев не имел по нему книг. Только в последние годы жизни он приобрел несколько брошюр: «Об устройстве колодцев», «Об управлении скотным двором», «Устройство ветряных мельниц».

Из медицинских книг была только «Польза гигиены и искусство сохранять глаза».

Отдел русской литературы в грэзинской библиотеке был беден и ограничивался сочинениями Г.Р. Державина, Д.И. Фонвизина, Ф.В. Булгарина, письмами Карамзина. Зато была порядочная коллекция старых романов французской писательницы С. Жанлис, английской – А. Радклиф и других книг подобного рода: «Похождения дикого африканца», «Славные красавицы, или История о наперсницах», «Повесть сына природы», «Атала, или Любовь двух диких в пустыне», «Тереза Фальдони, или Письма двух любовников», «Театр для любовников» и т.п. На чтение серьезных книг Аракчеев имел свою точку зрения и видел в нем только забаву. Литературы, особенно новой, он не любил, и когда его книжный поставщик, купец Заикин, прислал в Грузино в числе прочих книг «Цыган» и «Кавказского пленника» Пушкина, граф отметил в счете: «Возвратить обратно». В разные годы им выписывались для библиотеки множество периодических изданий, а также календари и альманахи (см. приложение II). В 1831 году графом было выписано периодических изданий на сумму 277 рублей.

Были в библиотеке Аракчеева книги и на мистические темы: «Некоторые любопытные сны», «Египетский оракул, или Полный и новейший гадательный способ», «Открытие тайны древних магиков и чародеев», «Астролог, или Новый оракул» и другие. Много было книг и по богословию.

В библиотеке в беседке хранилось отличное собрание географических карт. «Один шкап наполнен планами, принадлежавшими фельдмаршалу З.Г. Чернышеву».

В 1815 году из книжной лавки Глазунова для библиотеки графа Аракчеева поступили такие книги и журналы, как «История тридцатилетней войны» в 4-х частях, «Российская иерархия» в 5-ти частях, «Руководство к ботанике», сочинения Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, «Четвероевангелие», стихотворения В.А. Жуковского, «Душенька» И.Ф. Богдановича, «Русский вестник» за 1815 год и другие, а также оперы «Иван Сусанин», «Молодые супруги» и т.п., всего на сумму 261 руб. 60 коп. (см. приложение III).

Граф Аракчеев был не только собирателем книг, но и издателем. В его распоряжении имелась типография штаба военных поселений, в которой им было отпечатано не только множество приказов, положений и инструкций, но и другие издания, в том числе выпущенная без ведома цензуры в 1822 году брошюра, содержащая письма Александра I к А.А. Аракчееву[10]. В соборе апостола Андрея Первозванного был мраморный памятник офицерам и нижним чинам Гренадерского аракчеевского полка, погибшим в 1812-1814 годах. Каждый посетитель получал печатный экземпляр «Кратких биографий офицеров и списка нижних чинов с приложением краткой истории полка графа Аракчеева». Издаваемые в типографии книги и брошюры Аракчеев дарил разным лицам: генералу де Воланту, генерал-адъютанту князю П.М. Волконскому, генерал-лейтенанту Сиверсу, датскому посланнику и другим (см. приложения IV, V, VI).

Библиотечные книги содержались, как и многое другое в Грузине, в образцовом порядке. На переплет книг и дорогие материалы для их украшения граф денег не жалел: с 1 июля по 22 декабря 1815 года на это истрачено 116 руб. 65 коп. (см. приложение VII).

Аракчеев постоянно пополнял свою библиотеку новыми изданиями. В 1816 году вышла книга генерал-майора Писарева «Описание Грузина», а еще через несколько лет свет увидели литографированные виды Грузина на 37 листах, к которым прилагались 6 листов планов с объяснениями, и Аракчеев не мог не приобрести их для своей библиотеки. Даже во время военных действий, будучи за границей, граф посылает в Грузино картины и эстампы, приобретенные там (см. приложение VIII).

После смерти А.А. Аракчеева в 1834 году в его духовном завещании не обнаружили имя наследника. Поэтому император Николай I официальным наследником имущества определил Новгородский кадетский корпус, в организацию которого Аракчеев внес 300 000 рублей ассигнациями. Высочайшим повелением тогда же было принято решение «корпусу сему именоваться Новгородским графа Аракчеева кадетским корпусом и употреблять его герб»[11]. Для приведения этого решения в действие в 1835 году была составлена комиссия под председательством генерал-майора А.А. Петровского. «Когда приступлено было к разбору в Грузине бумаг и библиотеки, комиссия донесла, что, по разнообразию творений, библиотека не может быть полностью передана Новгородскому корпусу, и что находящиеся в ней 3 780 сочинений в 11 184 тома требуют специального пересмотра»[12]. Рассортировка книг была поручена члену Совета военных учебных заведений генералу барону Медему. Просматривая каталоги, последний нашел, что «в аракчеевской библиотеке есть запрещенные и вредные для кадет сочинения»[13], о чем сообщил через полковника Ростовцева Николаю I. Вследствие этого последовало распоряжение: «Дело о пересмотре грузинской библиотеки передать особой специальной комиссии из членов Совета: генерала-от-инфантерии

Довре, генерал-лейтенантов Притвица и Медема»[14]. Но и эти лица не приняли окончательного решения и просили содействия цензурного комитета, которому и были переданы все сочинения, казавшиеся Медему вредными. Только в апреле 1836 года разбор библиотеки был завершен и комиссия донесла, что, назначая книги для корпуса, она имела в виду «дать ему не только сочинения, нужные для преподавания и поучительные для чтения кадетами, но и те, которые могут служить как полезные источники и пособия для учителей и офицеров, которые по отдаленности и уединению корпуса не могут пользоваться теми книгохранилищами, какие находятся в столицах»[15]. Кроме того, комиссия составила особую опись книгам, заслуживающим особого внимания. Великий князь Константин Павлович препроводил ее военному министру, а граф Чернышев представил государю. Император Николай I собственноручно отметил на описи, что должно быть передано в Главный штаб, что – в инженерный архив, в артиллерийский департамент, в морской штаб, в собственную его величества канцелярию и в синодальную библиотеку. Против некоторых книг и рукописей было отмечено: «Показать мне». Отметка «Передать в корпусную библиотеку» последовала против десяти книг, среди которых – Евангелие 1525 года, Молитвенник Петра Могилы 1646 года, План Петербурга 1725 года, «Операционный план действий против турок и татар» 1737 года и другие (см. приложение IX). Всего же из аракчеевской библиотеки было передано Новгородскому корпусу более 10 000 томов.

Позже корпус был переведен в Нижний Новгород, и там в историческом музее до настоящего времени хранится часть библиотеки графа Алексея Андреевича Аракчеева.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Император Павел I и его время: Записки барона Гейкинга //Русская старина. 1887. Декабрь; Малиновский Ф. (протоиерей). Исторические описание села Грузина. М., 1816.
[2] Томсинов В.А. Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996; Ячменихин К.М. Аракчеев//Вопросы истории. 1991. №12. С.37-50.
[3] Папешин В. Граф Аракчеев. Страницы биографии//Родина [газета Чудовского района]. 1989. 15 июля. С.3.
[4] Там же. 18 июля. С.3.
[5] Лашков Н. Андреевский собор села Грузино как хранилище исторических памятников эпохи императора Александра I//Труды XV археологического съезда в Новгороде, 1911. М., 1914. С.317-330, 566-569; Лашков Н.А. Пребывание императора Александра I в селе Грузино Новгородского уезда Новгородской губернии 7 июня 1810 г.//Русская старина. Т.143. 1910. С.108.
[6] Лашков Н.А. «Завещательное распоряжение» графа А.А. Аракчеева, собственноручно написанное на листах напрестольного Евангелия 1833 г. в Андреевском соборе с. Грузино//Русская старина. Т.143. 1910. С.491-492.
[7] Порфиридов Н. Легенды Грузинской колокольни. Новгород, 1923.
[8] Грибовский В. Аракчеев как не герой//Исторический вестник. Т.106. 1906. С.872.
[9] Отто Н. Черты из жизни Аракчеева//Древняя и новая Россия. 1875. №6. С.175.
[10] Андерсон В.М. Граф Аракчеев и его издания// Русский библиофил. 1880. С.226-227.
[11] Карцов П. Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии (ныне Нижегородск. гр. Аракчеева кад. корпус). 1834-1884. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1884. С. 4, 34.
[12] Там же. С. 35.
[13] Там же. С.35-36.
[14] Там же. С.36.
[15] Там же. С.36.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ЕВАНГЕЛИЯ И АПОСТОЛЫ
в служении употребляемые (в Грэзинском соборе)

1. Евангелие в досках без оправы, печатанное в Москве 1759 года на александрийской бумаге самого большого листа. Подарено графу Аракчееву в Москве в 1816 году архиепископом Дмитровским и Свято-Троицкой Сергиевой лавры Августином.

2. Евангелие в лист мерою в 11 1/2 вершков с коваными серебряными и позолоченными досками. Заплачено за него 500 руб. Печатано при Павле I в Москве 1800 года.

3. Напрестольное Евангелие 1815 года, напечатанное в Москве. Корешок, края обеих досок, застежка и ножки на нижней доске переплета сделаны из гладкого серебра. Обе доски переплета обтянуты белым бархатом с затканной четырехконечными крестами широкой гирляндой глюша посредине доски переплета. К кресту верхней доски переплета прикреплено литое серебряное изображение распятого Христа со свитком над головой. Высота книги 11 вершков, ширина – 7. Оклад сделан в Париже в 1817 году. Вес оклада 6 фунтов 20 золотников. Стоимость Евангелия с окладом 700 руб. 83 коп.

4. Евангелие в лист мерою 7,5 вершков, обложенное зеленой материей с золотыми крестами и серебряной позолоченной оправой. Печатано при Павле I в 1798 году.

5. Евангелие в больший лист, мерой в 10 вершков, обложенное голубым бархатом. В середине изображено Вознесение Христа и на углах 4 евангелиста. Снизу крест с 4 наугольниками серебряными весом 1 фунт 52 золотника. Цена – 347 руб. 25 коп. Печатано в Москве в 1763 году.

6. Евангелие в малый лист мерой 6,5 вершков, обложенное фиолетовым бархатом. В середине – Воскресение Христово и 4 евангелиста, снизу – крест с 4 серебряными наконечниками. Печатано в Москве в 1679 году.

7. Евангелие в лист мерой 8,5 вершков, обложенное малиновым бархатом с литым распятием Господним и 4 евангелистов (серебряные и позолоченные, старинной работы). С серебряной и позолоченной оправой и на другой стороне. Печатано в Москве в 1821 году.

8. Евангелие в лист мерой 10 вершков, обложенное черным бархатом с серебряной (с обеих сторон) оправой, весом 73 золотника. Заплачено за оное 175 руб. Печатано в Москве в 1805 году.

9. Евангелие малое мерой в 5 вершков, обложенное со всех сторон серебром с чеканкой. Гладкие места серебряных досок позолочены, весу серебра в оной оправе 2 фунта 58 золотников. Сделано мастером Верховцевым. Надпись: «граф Аракчеев в Грузинском соборе 1832 г.» Заплачено 396,5 руб.

10. Евангелие в большой лист, в длину 12 вершков, в ширину 8 3/4 вершка, оправленное кругом толстыми досками из серебра. Вес серебра 20 фунтов 36 золотников (около 8 кг). На верхней доске – пять образов на финифти, писанные Амалией. Средний – Тайная Вечерь Христа, прочие – 4 Евангелиста: Иоанн, Матфей, Лука и Марк. Бордюр верхней доски составляет в 4-х углах четыре российских двуглавых орла с вензелями императора Александра I. На боковых сторонах этого бордюра между орлами на каждой стороне находится сверху римское число XI, означающее ноябрь месяц. В середине – факелы, а внизу число 19 – день кончины Александра I. Корень Евангелия литой, серебряный, позолоченный. Цена – 3300 руб.

1. Апостол, печатанный в Москве в 1797 г. Сафьянный переплет с золотом.
2. Апостол, обложенный красным сафьяном с серебряной оправой.
3. Апостол, печатанный в Москве в 1809 г., обложенный белым бархатом.
4. Апостол, обложенный черным бархатом с серебряной оправой. Подарен Аракчеевым в собор 30 августа 1816 г.

(Труды 15-го археологического съезда в Новгороде, 1911 г.М, 1914. С.566-569)

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СПИСОК
периодических изданий, выписываемых графом Аракчеевым (в разное время)

газеты:	календари и альманахи:
«Русский инвалид»	«Северные цветы»
«Московские новости»	«Денница»
«Северная пчела»	«Альманах анекдотов»

журналы:

«Сын Отечества»	«Сионский вестник»
«Северный архив»	«Московский собеседник»
«Вестник Европы»	«Лицей»
«Исторический журнал»	«Московский зритель»
«Московский телеграф»	«Друг юношества»
«Христианское чтение»	«Друг просвещения»
«Патриот»	«Дамский журнал»
«Цветник»	«Гений времен»

От книгопродавца Глазунова отпускаются следующие журналы на 1829 год

«Детский музеум»	«Вестник Европы»
«Исторический журнал»	«Московский вестник»
«Детская библиотека»	«Атепей»
«Журнал путей сообщения»	«Русский зритель»
«Сын Отечества»	«Северный архив»
«Дамский журнал»	«Отечественные записки»
«Горный журнал»	«Христианское чтение»

«Магазин натуральной истории»
«Указатель открытий по физике и химии, истории и технологии»
(Отто Н. Черты из жизни Аракчеева//Древняя и новая Россия. 1875. №10. С.167-169.
ОР РНБ, Ф.84, Богословского Н.Г. ед.хр.33)

ПРИЛОЖЕНИЕ III

РЕЕСТР
книгам, взятым из книжной лавки Глазунова для библиотеки графа Аракчеева в течение 1815 года

1. «Жизнь Артемия Араратского»
2. «Мода»
3. «Феатрон»
4. «История тридцатилетней войны» (в 4-х частях)
5. «Училище благочестия» (2-я часть)
6. «Российская иерархия» (5 частей)
7. «Правила гармонические»
8. «Руководство к ботанике»
9. «Чтение в беседе» (3 книги)
10. «Толкование на литургию»
11. «Училище благочестия» (2 части)
12. «Сочинения Н.М. Карамзина»
13. «Сочинения Дмитриева»
14. «Письма русского офицера» (в 8-ми частях)
15. «Стихотворения В.А. Жуковского» (6-й том)
16. «Описание северных лесов»
17. «Гитарная школа»
18. «Четвероевангелие»
19. «Рафаил, или Спокойная жизнь семейства» (в 2-х частях)
20. «Азбука с картинками»
21. «Исторический и политический журнал 1812-го года»
22. «Русский вестник» 1815 г.
23. «Календарь на 1816 г.» – 4 шт.
24. «Душенька» Богдановича
25. «Оперы»:
«Иван Сусанин»,
«Казак – стихотворец»,
«Молодые супруги»,
«Крестьяне, или Встреча незваных»
26. «О пользе чтения священного писания»
27. «О древностях Российских»

Всего на сумму 261 руб. 60 коп.

(ОР РНБ. Ф.29, Д.9, Л.53)

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

ВЕДОМОСТЬ
(сколько находится книг в Грэзинском соборе в 1816 г.)

1. Биографии штаб- и обер-офицеров Гренадерского графа Аракчеева полка:
– в красном сафьянном переплете – 5 экз.
– в зеленом бархатном переплете – 330 экз.
2. Описание генерал-майора Писарева села Грузино – 145 экз.
3. Печатных генеральных планов села Грузино – 20 экз.
4. Биографии штаб- и обер-офицеров на французском языке – 100 экз.
5. Формулярные списки о службе нижних чинов Гренадерского графа Аракчеева полка, умерших от ран и убитых в сражениях в бывшую войну 1812-1814 гг.
– в красном сафьянном переплете и таковом же футляре – 1 экз. (в соборе),
– в бумажных переплётах – 89 экз.

(ОР РНБ. Ф.29, Д.38, Л.24)

ПРИЛОЖЕНИЕ V

СПИСОК ИЗДАНИЙ,
выпускаемых Аракчеевым в типографии штаба военных поселений

1. «Рисунки, изображающие разных видов одежду и простую амуницию артиллерийских служителей»
2. «Доклад графа Аракчеева об артиллерийских гарнизонах со штатами и таблицами»
3. «Опись церковной утвари, имеющейся в Грэзинском соборе», 1818 г.
4. «В Грузине мера саду в различных местах и разстояние деревень», 1818 г.
5. «Указатель в селе Грузине для любопытных посетителей»
6. «Краткие правила для матерей Грэзинской вотчины»
7. «О разделе дорог по деревням Грэзинской вотчины»
8. «Биографии штаб- и обер-офицеров Гренадерского графа Аракчеева полка, положивших жизнь свою, защищая Государя и Отечество в сражениях 1812, 1813 и 1814 гг.»
9. «Генеральный план села Грузина»
10. «Краткая ведомость о числе ревизских душ по последней ревизии, бывшей в 1816 г, о числе душ, платящих оброк и о числе работников, домов семейных, торгующих семейств, рабочих лошадей и коров в Грузинской волости состоящих», 1819 г.
11. «Правила о производстве работ в округах военного поселения 1-й гренадерской дивизии»
12. «Разные акты и положения, принадлежащие селу Грузину». СПб., 1824 г.
13. «Молитвы и церковное пение на Господние и Богородичные праздники». СПб., 1825 г.
14. «О военных поселениях». СПб., 1825 г.
15. «Церемониал к встрече и сопровождению в Новгороде тела в Бозе почивающего императора Александра I». СПб., 1826 г.
16. «Краткое историческое списание древних российских пушек»

и другие издания.
(Русская библиография. 1880. С. 226-227; Андерсон В.М. Граф Аракчеев и его издания)

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

СПИСОК КНИГ,
подаренных разным лицам графом Аракчеевым

1816 год
«Биографии штаб- и обер-офицеров»

Федору Ивановичу Апрелеву
Петру Ивановичу Миллеру
Александру Сергеевичу Танееву
Н.Н. Муравьеву – новгородскому губернатору
генерал-лейтенанту Ермолову
госуд. штатс-секретарю В.Р. Марченко
генералу де Воланту
генерал-майору Сабиру
Василию Николаевичу Гурьеву
Платону Алексеевичу Бровцину
Его Императорскому Величеству (в сафьянном переплете)
генерал-адъютанту князю П.М. Волконскому
и т.д.
«Описание села Грузино»
Александру Сергеевичу Танееву
«План села Грузина»
генералу де Воланту
Платону Алексеевичу Бровцину
Прасковье Ильиничне Мандиной,
ей же «Описание генерал-майора Писарева...»,
«Историческое описание села Грузина протоиреево»

1817 год
«Биографии...» на русском и французском языках
Петру Михаиловичу Канцевичу
статскому советнику Ценнгеру
генерал-майору Вельяшеву
и т. д.

1818 год
«Биографии...»
генерал-лейтенанту Сиверсу
инженер-подполковнику Алексееву
механику Пуадебуччу
датскому посланнику (на франц. яз.),
ему же «План села Грузина»

1819 год
«Биографии...»
генерал-майору Ильину
статскому советнику Мусину-Пушкину
англичанину Берду
генералу Татищеву
статскому советнику Егриапову
графу Аранч Полиа Михиору
и т.д.

1820 год
«Биографии...»
генерал-майору Юзефовичу
А.Л. Неклюдову
генералу Бетанкуру
генералу Сакичу и его зятю
графине А.П. де Броглио
и т.д.

1822 год
«Биографии...»
фельдфебелю графа Аракчеева полка Протопопову
и т. д.

Данный список является далеко не полным, т. е. книг ежегодно дарилось очень большое количество.

(ОР РНБ. Ф.29, Д.38 Л.25-33)

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

СЧЕТ
переписчика Никифорова о переплете книг для канцелярии генерал-инспектора всей артиллерии (графа Аракчеева) с 1 июля по 22 декабря 1815 г.

Во французский переплет с красным мрамором:
«Училище благочестия»
«Разговоры о православии»
«Опыт живописного путешествия»
«Жизнь генерала Моро»
«Труды Общества российской словесности»
«Собрание русских стихотворений»
«Отчеты главнокомандующего Барклая де Толли за 1812, 1813, 1814 гг.»
Наклеено черным сафьяном и поставлены золотые номера:
«Приказы Его Высочества в польскую армию»
и т.д.
Всего на сумму 116 руб. 65 коп.

(ОР РНБ. Ф.29, Д.9 Л.54)

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII

РЕЕСТР ЭСТАМПАМ,
полученным в село Грузино с отсутствия Его Сиятельства с армиею с 6 декабря 1812 г. по 1 января 1814 г.

– Транспарантных картин на полотне на иллюминацию во время французов – 3 шт.
– Картинка, писанная карандашом. Подарок в Грузино из Пруссии, г. Лина – 1 шт.
– Из города Калиша эстампов – 4 шт.
– Из Дрездена картин рисованных – 2 шт.
– Эстампов иллюминованных – 5 шт.
– Виды мест в Саксонии: Призница, Шандау, Дрездена, моста в Плауне, Гиршлей-на, Пирши, Зонненштейна и др. – 10 шт.
– Из Бауцена картин священных – 26 шт.
– Эстампы печатные:
«Ретирада французской армии из Москвы»,
«Бивак французской армии» – 2 шт.
– Эстампы печатные, карикатуры французские – 10 шт.
– Эстампы: «Виды мест в Богемии» – 12 шт.
и т.д. , всего свыше 200 шт.

(ОР РНБ. Ф.84, ед.хр. 25, Л. 6)

ПРИЛОЖЕНИЕ IX

ПЕРЕЧЕНЬ
сочинений, переданных в Корпусную библиотеку по собственноручным отметкам на описи императора
Николая I

1. Евангелие рукописное 1525 г.
2. Молитвенник Петра Могилы 1646 г.
3. Евангелие, напечатанное в Москве в 1634 г.
4. План Петербурга 1725 г.
5. Атлас Молдавии с нанесением движения русских войск
6. Операционный план действий против турок и татар 1737 г.
7. Боевой порядок Российской армии при Вертю
8. План сражения при Прейсиш-Эйлау
9. Книга песней царя Соломона (рукописная)
10. Sur Pordonnance de l'Infanterie

(П.Карцев. Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии 1834-1884 гг. СПб., 1884. С.36, 272-273)

Людмила ПЕТРОВА

БОРОВИЧСКАЯ УЕЗДНАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

страницы истории

Боровичская уездная библиотека

Для второй половины XIX века характерен рост общественной инициативы в области библиотечного дела. С появлением демократических органов местного самоуправления с середины 60-х годов и, особенно, в 70-х годах XIX века начинается движение за открытие публичных библиотек в губернских и уездных городах России, предназначенных для обслуживания более состоятельных слоев населения.

Открытая в 1865 году на средства уездного земства публичная библиотека в Боровичах была первой уездной публичной библиотекой в Новгородской губернии. К этому времени в городе проживало 9589 человек, среди них были дворяне (1,4%), духовенство (2%), купцы (14,6%), мещане (64,4%), крестьяне (3,3%), профессиональные военные (9,6%), остальные (3,3%) – лица других сословий[1].

Библиотека была платной, бесплатно ею могли пользоваться служащие земской управы, а с 1878 года по постановлению уездного земского собрания такое право получили учителя земских школ, а позднее и все служащие в Боровичском земстве.

К 1883 году книжный фонд библиотеки составлял 1250 названий, 1570 томов и 1230 томов периодических изданий. Число подписчиков в библиотеке не превышало 40 человек. Чтобы увеличить число читателей, управа открыла специальную подписку с приглашением жителей Боровичей посетить публичную библиотеку и высказать свое мнение, «какие именно книги и журналы удовлетворяют их интересу и желательны им к выписке в сем 1883 году». Все они были выписаны для библиотеки по выбору публики и израсходовано на этот предмет 200 рублей[2].

Однако в 1884 году книжный фонд библиотеки сократился до 1127 названий (1586 томов), а периодических изданий до 246 томов, что было вызвано распоряжением правительства изъять из обращения 36 томов разных сочинений и периодических изданий прогрессивного содержания: «Дело» (147 томов), «Знание» (29 томов), «Отечественные записки» (241 том), «Русская мысль» (36 томов), «Русское слово» (34 тома), «Современник» (58 томов) – всего 581 том[3].

В 1887 году, как следует из отчета Боровичской уездной земской управы, библиотека помещалась в доме общественного собрания. Открывалась она для публики ежедневно, за исключением первых трех дней Рождества Христова, Пасхи и первого дня Нового года, в воскресенье и праздничные дни с 12 до 3 часов дня и в прочие – с 11 часов утра до 2 часов дня и с 5 до 7 часов вечера, накануне же праздников вечером не работала[4]. В библиотеке было 113 подписчиков, из них большую часть составляли читатели, подписавшиеся на месяц. За годовой билет подписчиками вносилась плата в размере 6 рублей, за полугодовой – 3 рубля 25 копеек, за трехмесячный – 1 рубль 75 копеек, на один месяц – 60 копеек и на одну неделю – 20 копеек. С тех, кто желал приобрести в собственность каталог книг библиотеки, брались дополнительно 70 копеек. За чтение книг в помещении библиотеки вносилось 5 копеек в день, в месяц -50 копеек. В 1887 году библиотекой выручено: абонементной платы и за чтение в библиотеке – 338 руб. 25 коп., от продажи каталогов – 10 руб. 70 коп., штраф за просрочку – 4 руб. 40 коп., от продажи газет и премий – 4 руб. 36 коп., всего – 357 руб. 71 коп. Книжный фонд библиотеки вырос и составлял 1345 названий (1745 томов) и 921 том периодических изданий. Финансовая помощь была оказана тогда городской управой – 30 рублей, и земством – 200 рублей. Итого в фонд Боровичской публичной библиотеки поступило 587 рублей 71 копейка. Израсходовано: на выписку 14 сочинений в 56 томах – 128 руб. 80 коп., жалованье библиотекарше – 144 руб., сторожу и рассыльному – 10 руб. канцелярские принадлежности и почтовые расходы – 16 руб. 41 коп., итого – 499 руб. 71 коп.[5]

В том же году очередное уездное земское собрание в заседании 24 сентября постановило «поручить управе разработать проект особого библиотечного совета»[6]. В совет, помимо представителей уездной земской управы, должны были войти участковые мировые судьи и трое гласных по выбору земского собрания, инспектор народных училищ и смотритель духовного училища. В обязанности совета вменялось:

1. Изменение или дополнение библиотечных правил.
2. Выбор газет и журналов в библиотеку для пользования подписчиками.
3. Выбор книг для выписки на предмет пополнения библиотеки.
4. Составление отчета по библиотеке земскому собранию.
5. Рассмотрение жалоб и недоразумений, возникавших между подписчиками и заведующим библиотекой.
6. Совет собирался по предложению управы, или по заявлению третьей части прочих членов совета, представленных управе.

В сентябре 1895 года Боровичским уездным земским собранием были утверждены новые правила пользования библиотекой, взамен тех, что действовали со времени открытия библиотеки в 1865 году. Согласно этим правилам, все абоненты библиотеки разделяются на четыре разряда. Подписчики по первому разряду вносят за годовой билет 9 рублей, а за один месяц – 75 копеек; по второму – 6 рублей в год, или 50 копеек в месяц; по третьему – 3 рубля 60 копеек в год, или 30 копеек в месяц и, наконец, по четвертому разряду – 1 рубль 80 копеек в год, или 15 копеек в месяц. Кроме того, в случае невозвращения подписчиками книг в срок с них взимался штраф в размере 1 копейки с книги и 2 копейки с периодических изданий. В правилах оговаривались также наказания в случае утери или порчи книг[7].

В 1897 году был издан «Каталог книг Боровичской земской библиотеки», в который вошла литература по тринадцати разделам[8]:

1. Богословие. Философия. Этика. Эстетика. Психология и логика.
2. История. История развития. Археология. Этнография. Биографии.
3. Юридические, социальные, политические науки и земское дело.
4. Математика. Естествознание. Медицина и гигиена.
5. География и путешествия.

6. Сельское хозяйство. Промыслы и ремесла.
7. Словесность. Критика истории литературы и искусства.
8. Педагогика и народное образование.
9. Книги для детского чтения.
10. Книги для народного чтения.
11. Справочные книги и смесь.
12. Книги на французском языке.
13. Периодические издания.

С начала XX века в докладах Боровичской земской управы не уделяется совершенно внимания публичной библиотеке. На это обращает внимание гласный земского собрания, гласный Долговского волостного правления Боровичского уезда А.Т. Пушкин, позже вовлеченный в революционные события 1905-1907 годов. Анализируя доклад на очередном заседании земского собрания 1902 года, он отмечает: «В докладе управы не имеется никаких сведений о таких, в высшей степени важных образовательных учреждениях, как земская публичная библиотека и вновь открытый книжный склад. Нельзя поэтому судить о том, правильно ли функционируют эти учреждения и не замечается какой-либо настоятельной потребности, удовлетворение которой могло бы служить к дальнейшему их развитию. В отчете о библиотеке следовало бы помещать, кроме обыкновенных сведений, и список выписываемых журналов и газет. Иначе откуда же подписчики, особенно уездные, будут знать, какие новые книги появились в библиотеке, так как каталог книг напечатан был давным-давно и дополнение к нему не выпускается вовсе. Обновление библиотеки новыми книгами – одно из главных средств к приобретению большего числа подписчиков. Большинство подписчиков люди, в общем, вполне интеллигентные, и вся старая литература им более или менее известна, и для них библиотека, если ее не обновлять, не будет представлять никакого интереса». А.Т. Пушкин проявляет большую заботу об увеличении числа читателей, в частности он говорит: «К увеличению числа подписчиков Боровичской публичной библиотеки повело бы и уменьшение подписной платы, которая в настоящее время очень высока... если окажется, что библиотека в дальнейшем своем развитии остановилась или развивается слабо, то уменьшить подписную плату и увеличить насколько возможно ассигновку на содержание библиотеки». Он делится своими мыслями и о комплектовании библиотеки: «Составление списка книг, которые следовало бы приобрести, дело очень сложное и требующее знакомства с текущею литературою, поэтому нужно думать, что оно не по силам одной управе. Насколько я знаю, это было уже и предусмотрено ранее собранием, и для составления списка была избрана особая комиссия [особый библиотечный совет]. Действует ли она в настоящее время? Если нет, то настоятельно необходимо вновь ее избрать и при выборе обратить особенное внимание, чтобы выбор пал на лиц, которые будут относиться к делу не ради исполнения одной формальности»[9].

После доклада А.Т. Пушкина была учреждена особая комиссия в составе четырех гласных, которая была уполномочена в случае необходимости снизить абонементную плату в библиотеке[10]. В следующем году было принято решение уездного земского собрания о снижении абонементной платы[11].

Действительно, библиотека в это время не пользовалась, видимо, особой популярностью у жителей города и уезда, так как книжные фонды ее были бедны, а плата за пользование была довольно высока.

С начала 90-х годов прошлого столетия заведующей библиотекой стала Ольга Васильевна Кудрявцева. Жалованье ее много лет было ничтожным. Об этом мы узнаем из ее заявления, написанного в 1903 году на имя председателя Боровичской уездной земской управы: «Вот уже скоро 12 лет, как я состою библиотекаршей при Боровичской земской библиотеке, и все время получала самое ничтожное вознаграждение – 144 рубля в год. В течение этого времени жизненные условия переменились, жизнь стала значительно дороже, а оклад моего жалованья остался все тот же. В настоящее время, за вычетом из жалованья известного процента в пенсионную кассу, приходится получать только 10 рублей с копейками в месяц, что представляется слишком недостаточным даже при самых ограниченных потребностях, а других средств к существованию я не имею. Ввиду всего вышеизложенного, принимая во внимание мою 12-летнюю службу и то обстоятельство, что число подписчиков со времени моего поступления значительно увеличилось, покорнейше прошу г. председателя о прибавке мне жалованья. Сентября 6 дня 1903 года. Заведующая библиотекою О. Кудрявцева»[12]. Учитывая многолетнюю службу в земстве О.В. Кудрявцевой, управа увеличила ее жалованье на 5 рублей в месяц, или в год на 60 рублей[13].

В последующие годы заработная плата заведующей библиотекой возрастала, и к 1 января 1910 года составляла 265 рублей 20 копеек. Увеличивались расходы и на содержание библиотеки. Так, на выписку книг, газет и журналов. Боровичским земством было израсходовано 398 рублей 80 копеек. Всего же расход на библиотеку составил 664 рубля, из них 251 рубль. 05 копеек получено от абонементной платы с подписчиков. Всех же подписчиков в библиотеке было 383 человека, из них 133 – бесплатных. В число последних вошли 100 земских учителей и 33 других земских служащих. Платными подписчиками, по преимуществу, были городские жители. Подписная плата в это время была следующей: по первому разряду подписчики вносят за годовой билет 4 рубля 80 копеек, или в месяц – 40 копеек; по второму разряду – 2 рубля 40 копеек, или в месяц 20 копеек; по третьему – 1 рубль 20 копеек, в месяц – 10 копеек, и по четвертому – 60 копеек, в месяц – 5 копеек. От абонементной платы за чтение освобождались земские учителя, фельдшера земских больниц и заведующая библиотекой[14].

Книжный фонд библиотеки к концу 1909 года составил 2765 названий (7303 тома) на сумму приблизительно 3449 рублей 57 копеек. Наибольшую часть его составляли книги по словесности, критике, истории литературы и искусства – всего 1080 названий (1649 томов), далее шли книги по истории, истории развития, археологии, этнографии, биографии и детскому чтению. Самыми маленькими были отделы: богословие, философия, этика, эстетика, психология (67 названий) и справочной литературы (68 названий).

Книговыдача в 1909 году составила 8090 томов. Наибольшее число выдач приходится на периодические издания (4002 тома), словесность (3357 томов) и книги для детского чтения (473 тома). Меньшим спросом пользовались книги по географии и путешествиям, богословию и справочные издания. А из отдела «книги для народного чтения» не было выдано ни одного экземпляра. Библиотека стала работать и в праздничные дни, с 12 до 2 часов дня[15].

Кроме литературы, выписываемой земством, в 1910 году публичная библиотека пополнилась книгами, пожертвованными княгиней Витковской (227 названий, 760 томов). Из них большая часть книг на русском языке, остальные – на французском. К концу года книжный фонд составил 8280 томов (3112 названий)[16].

Земское собрание выразило благодарность А. А. Витковской «за ее щедрый дар земству 3-х шкафов с книгами на пополнение городской земской библиотеки» и избрало Витковскую почетной бесплатной абоненткой библиотеки[17].

Просматривая статистику прошлых лет, можно увидеть, что в последующие годы в библиотеке рос книжный фонд, увеличивалось число подписчиков и книговыдач. Так, в 1911 году число подписчиков уездной библиотеки составило 474 человека. Наибольшее число – бесплатных (159 человек), далее – по четвертому разряду (156 человек) и по третьему (75 человек). Библиотека пополнилась 122 названиями книг в 254 томах, и к 1 января 1912 года в ней хранилось 3234 названия книг (8534 тома), книговыдача увеличилась до 8824 томов.

Наибольшей популярностью у жителей пользовались по-прежнему периодические издания, книги по словесности и для детского чтения. Наименьшей – книги по сельскому хозяйству (17), справочные издания (39), книги по богословию (43), географии (44), педагогике (45). Интересно, что наибольшая книговыдача падает на летние месяцы: июль (915), июнь (902), наименьшая – на сентябрь (426), декабрь (497)[18].

На очередной сессии 1915 года губернская земская управа под влиянием решений Московского (1911 г.) и Харьковского (1915 г.) общеземских съездов, а также Ярославского совещания 1915 года по народному образованию, поднимает вопрос о реформировании всей системы внешкольного образования и, прежде всего, библиотек.

Боровичская уездная управа внесла постановление: «Цент-

ральную библиотеку по уезду организовать при существующей земской библиотеке в городе» и ассигновать, в дополнение к существующим ассигновкам, еще 500 рублей на оборудование и ежегодно 250 рублей на пополнение[19].

После Октябрьской социалистической революции публичная библиотека возобновила свою работу с 1 июля 1919 года. Она была передана в ведение уездного отдела народного образования (УОНО) и сменила помещение, расположившись на углу Коммунарной и Григорьевской улиц. В «Списке культурных учреждений Боровичского уезда», составленном 21 декабря 1920 года заведующим УОНО, отмечено, что в центральной библиотеке Боровичей имеются детское отделение и иностранный отдел. Книжный фонд библиотеки составлял тогда 12500 экземпляров[20]. В ее задачи входила координация и кооперирование работы библиотек уезда, организация межбиблиотечного абонемента, оказание методической и библиографической помощи библиотекам.

Вероятно, работа библиотеки в этот период, как и по всей стране, приняла принципиально новый характер. Литература, изданная в 1918-1919 годах – это дешевые издания, предназначенные для широких слоев населения. Именно в этот период шла ликвидация безграмотности. Процент грамотного населения в Боровичах в 1917 году составлял 57,4, в 1922 году – 65,69[21].

В 1919 году губернская газета «Звезда» в заметке «Развитие библиотечного дела в губернии» отмечала: «Очень хорошо библиотечное дело поставлено в Боровичском отделе народного образования, здесь введена известная система в деле составления библиотек, каталогов, отчетности, инструктирования читателя»[22]. 14 июня 1921 года в Боровичах открыли зал-читальню «РОСТа». «Помещение обставлено весьма уютно и будет служить местом духовного отдыха тружеников. Доступная для всех новинка уже заинтересовала местных граждан, и особенно по вечерам зал наполняется желающими получить свежие новости и почитать столичные и провинциальные газеты»[23].

После революции библиотека сменила название на «Центральную уездную». В 1922 году в ней насчитывалось 4286 читателей. Книжный фонд составлял 28700 томов, а книговыдача – 31528 экземпляров. Обращаемость книжного фонда была 1,1; читаемость – 7,4. Работало в библиотеке 5 сотрудников[24].

В следующем году библиотеке было предоставлено одно из лучших зданий того времени – бывший особняк купца Соколова, где она размещается по сей день.

В 1924 году библиотека работала ежедневно, кроме вторника, с 5 до 9 часов вечера для взрослых и с 1 до 4 часов дня для детей. При библиотеке были открыты читальни для взрослых и детей, их посетило 9610 человек.

При Центральной библиотеке был сформирован передвижной книжный фонд, включающий 6000 экземпляров книг, из которого комплектовались передвижные библиотечки для 32 избчитален и 58 красных уголков уезда. В городе передвижками обслуживаются, главным образом, красноармейские части, клубы, комсомольские ячейки и Исправдом.

Заведующая библиотекой З. Рахманина отмечает, что с середины 1924 года наступило резкое ухудшение в снабжении библиотек литературой, в связи с чем она перестала отвечать запросам читателей. В этом же году прошла очередная чистка книжного фонда по инструкции Главполитпросвета от 1924 года. Изъятые книги поступили в архив Центральной библиотеки. Кроме того, читателями утеряно около 250 книг. С «зачитыванием» библиотека борется с помощью непосредственного влияния на читателей и через посылку напоминаний.

Постоянно велась работа с читателями: организовано три выставки книг с плакатами, проведена неделя и три вечера книг с докладами и с художественными постановками. С мая 1924 года при Центральной библиотеке организована переплетная артель, которая за несколько месяцев переплела до 2000 книг.

При детском отделении Центральной библиотеки с июня 1924 года начата работа по организации пионерского отряда им. Н. К. Крупской, который к 1925 году насчитывал 40 человек. Этот отряд ставил своей целью привлечение беспризорных ребят. Им издавалась газета «Смена – смене», ставились доклады с волшебным фонарем, устраивались отдельные вечера, спектакли, чтение книг и детских журналов. При отряде организована переплетная мастерская. В детской читальне был уголок пионера, организован политический кружок по работе среди детей.

К 1 января 1925 года книжный фонд библиотеки составил 38724 экземпляра, книговыдача – 33344 экземпляра, число подписчиков – 29084 человека*. Большую часть читателей составляют дети до 13 лет (12570 человек), далее идут взрослые (8355 человек) и подростки от 13 до 18 лет (8155 человек).

В 1924 году над Центральной библиотекой нависла угроза сокращения штатов. Но по согласованию с Союзом Рабпроса отпускаемые на зарплату средства были распределены не на трех, а на пять человек, недостающая сумма была взята из других источников. Таким образом, заработная плата работников Центральной библиотеки распределялась в этом году следующим образом: заведующая получала 25 рублей, заведующая передвижным фондом и отделом обслуживания – по 20 рублей 90 копеек, два библиотечных работника – по 18 рублей 90 копеек и инструктор по работе в отряде юных пионеров, работавший по 3 часа в день – 9 рублей 45 копеек в месяц. Опыт Боровичской центральной библиотеки был рекомендован другим библиотекам губернии[25].

Чрезвычайно разнообразные условия Северо-западной области потребовали ее деления на более крупные административно-территориальные единицы. Вся область (с 1 августа 1927 года – Ленинградская) была разделена на 10 округов. На территории Новгородской губернии было образовано два округа – Новгородский и Боровичский. С образованием округов прекратила свое существование, как административно-территориальная единица, Новгородская губерния. В состав Боровичского округа вошли 13 районов с центром в Боровичах[26]. Центральная библиотека стала окружной для библиотек своего региона. На 15 декабря 1927 года книжный фонд ее составлял 42644 томов, из них 9373 тома – передвижной фонд. В течение года поступило 5346 экземпляров книг. В этот период в библиотеку выписывалось 17 наименований газет и 12 – журналов. Число подписчиков на этот период составило 2935 человек, им было выдано 67463 экземпляра книг. Кроме стационара, библиотека обслуживала 103 передвижки[27].

В библиотеке велся книжный инвентарь, была введена десятичная классификация, имелись алфавитный и систематический каталоги. В этот период библиотека содержалась на средства Уполитпросвета и дополнительные средства получала от Губполитпросвета и Главполитпросвета. Плата за чтение, штрафы и залоги не взимались. Работала она шесть дней в неделю, и в течение года была открыта 263 дня. Режим работы библиотеки остался прежним: детей обслуживали днем, а взрослых – вечером. В вечернее время работала и читальня. На 1 июня 1927 года число посещений составило 10623, наибольшее – в октябре, наименьшее – в июле. В июне читальня обычно закрывалась. В библиотеку выписывались следующие периодические издания: газеты «Правда», «Известия ВЦИК», «Экономическая жизнь», «Беднота», «Труд», «Красная звезда», «Пионерская правда», «Ленинские искры», «Звезда» и др.; журналы «Авиация и химия», «Радиолюбитель», «Наука и экономика», «Огонек», «Панорама», «Красная Нива», «Крокодил», «Суд идет», «Красная новь», «Новый мир» и др.; для детей – «Мурзилка», «Искорка», «Пионер», «Смена», «Следопыт», «Вокруг света» и т.п. При библиотеке работал кружок «Друзей библиотеки», было оформлено пять выставок, поставлено три спектакля и концерта.

Персонал библиотеки состоял из семи человек: шесть библиотечных работников и сторож. Возглавляла работу З.Л. Рахманина, 1899 года рождения, дочь служащего, беспартийная. Библиотекарями работали: С.Н. Вржещ, 1880 года рождения, дочь ремесленника, беспартийная; М.В. Подчекаева, 1886 года рождения, дочь служителя культа. Вместе с З.Л. Рахманиной они проработали в Боровичской библиотеке более чем по восемь лет. Позже пришли в библиотеку К.В. Мартьянова, 1902 года рождения, дочь крестьянина, проработавшая в ней четыре года; О.И. Покровская, 1905 года рождения, дочь учителя, проработавшая три с половиной года, и В.Ф. Ефимова, 1899 года рождения, дочь служащего, проработавшая два года. Сторожем служила М.П. Кузнецова, 1880 года рождения, дочь служащего, проработавшая в библиотеке пять лет. С персоналом постоянно проводилась учеба: по технике работы, по изучению читателя и книги, по пере-

* В отчете, видимо, приводится число подписчиков по всем библиотекам уезда – **прим. автора.**

движной работе и работе с детьми. Библиотека в это время находилась по адресу: ул. Урицкого, д. 26, и занимала не вполне достаточное помещение из шести комнат.

На содержание ее в 1927 году выделено 6025 рублей, из них: 3920 рублей – на содержание персонала, 345 рублей – на подписку периодических изданий, 800 рублей – переплет книг, 200 рублей – отопление, 130 рублей – освещение, 275 рублей – прочие хозяйственные расходы[28].

В 1930 году детская библиотека пополнилась книгами в количестве более 2,5 тыс. экземпляров.

В Центральной библиотеке по сравнению с 1929 годом увеличился на 11 % состав читателей из рабочих. Рабочие-ударники обслуживались книгами на дому. Проведено пять вечеров-лекций на злободневные темы, организован кружок переплетного дела[29].

В последующие годы помощь библиотеке стали оказывать депутаты городского Совета. Они добились расширения площади библиотеки, увеличения ассигнований на ее содержание: в 1931 году на содержание ее выделяется уже 11,6 тыс. рублей, в 1932 году – 12,0 тыс. рублей. Невыполненным остался наказ избирателей о расширении площади центральной и детской библиотек[30].

В годы второй пятилетки библиотеки были призваны еще теснее увязывать работу с политическими и народнохозяйственными задачами, активнее содействовать формированию у трудящихся марксистского мировоззрения. Они активно участвовали в агитационной работе в период выборов в Верховный Совет СССР, принятия новой Конституции СССР и выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» в 1936 году.

В письме Леноблисполкома от 21 января 1939 года «О задачах работы библиотек» на основе постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”», адресованном заведующим Райгороно и библиотекам, предлагалось проводить беседы, систематически информировать читателей о лучших книгах через печать, радио, составлять рекомендательные списки литературы и т.п. Предлагалось укомплектовать книжные фонды библиотек «Кратким курсом истории ВКП(б)», произведениями Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, «общественно-политической литературой с таким расчетом, чтобы не было ни одного отказа читателям в этих произведениях»[31].

В годы Великой Отечественной войны библиотека пополнялась новыми изданиями. Деятельность ее была подчинена задачам военного времени – обслуживанию раненых в госпиталях (всего в городе было 22 госпиталя). В первой половине 40-х годов был сформирован фонд для слепых и слабовидящих детей, ставший основой Боровичского филиала Областной специализированной библиотеки для слепых, открытой в 1979 году в Новгороде.

Проследив историю Боровичской публичной библиотеки более чем за 70 лет, можно сделать вывод, что она во все времена играла важную роль не только в жизни города и уезда, но и всей Новгородской губернии. Библиотека всегда шла в ногу со временем, привлекая к своей работе внимание общественности, искала и находила новые формы работы, привлекая новых читателей и повышая уровень образования населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

[1] Памятная книжка Новгородской губернии на 1864 год / Под. ред. Н.Г. Богословского. Новгород, 1864. С.6.

[2] Городская земская библиотека // Доклад Боровичской уездной земской управы Боровичскому уездному земскому собранию 1883 года. СПБ: Тип. С. Леонтьева, 1883. С. 9-10.

[3] Доклад Боровичской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1885 года. Новгород: Тип. Новг. губ. правд., 1885. С. 24.

[4] Доклад Боровичской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1888 года о ее деятельности и состоянии земского хозяйства. Боровичи, 1888. С. 74.

[5] Там же. С. 75-76.

[6] Постановления уездного земского собрания и доклады уездной земской управы по Боровичскому уезду в сессию 1888 года. Новгород: Тип. А.С. Федорова. 1889. С. 35.

[7] ГАНО. Ф.330. Оп.1. Д.4. Л.9об,10об.

[8] Коновалова Л. Так было//Новгородская правда.1966. 20 июля. С.2.

[9] Журналы Боровичского очередного уездного земского собрания и доклады Боровичской уездной земской управы земскому собранию за 1901 год. Новгород: Тип.А.И. Щербакова,1902. С.357-359.

[10] Доклад Боровичской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1902 года о ее деятельности и состоянии земского хозяйства. Новгород: Тип. А.И. Щербакова, 1902. С. 50.

[11] Доклад Боровичской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1903 года о ее деятельности и состоянии земского хозяйства. СПБ: Тип. Г.А. Бернштейна, 1903. С. 65.

[12] Журналы Боровичского уездного земского собрания и доклады Боровичской уездной земской управы уездному земскому собранию за 1903 год. Новгород: Губ. тип., 1904. С. 238-239.

[13] Там же. С. 239.

[14] Доклад Боровичской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1910 года о ее деятельности и состоянии земского хозяйства. Боровичи: Тип. И.Ф. Новак,1910. С.32.

[15] Доклад Боровичской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1910 года о состоянии начального народного образования за 1909-1910 учебный год. Боровичи: Тип. И.Ф. Новак, 1910. С. 31-35.

[16] Доклад Боровичской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1911 года о состоянии начального образования за 1910-1911 учебный год. Новгород: Тип. И.Ф. Новак, 1911. С. 41.

[17] Журнал Боровичского очередного и чрезвычайного (5 февраля) уездного земского собрания и доклады Боровичской уездной земской управы земским собраниям за 1910 год. Боровичи: Тип. В.С. Талицкого, 1911. С. 2.

[18] Доклад Боровичской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1912 года о состоянии начального народного образования за 1911-1912 учебный год. Боровичи: Тип. И.Ф. Новак, 1912. С. 27-28.

[19] ГАНО. Ф.98. Оп. 3. Д. 1380. Л.5,25.

[20] Там же. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 252. Л. 4; Там же. Д. 114. Л. 1706.

[21] Города и поселения городского типа Новгородской губернии по переписи 1917 года. Новгород, 1922. С. 8.

[22] Развитие библиотечного дела в губернии // Звезда. 1919. 29 октября. С. 4.

[23] Мужичок РОСТа работает // Звезда. 1921. 21 июня. С. 2.

[24] Статистический ежегодник за 1923 год. Новгород, 1923. С. 126-127.

[25] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 583. Л. 87, 87об., 88.

[26] Из истории административно-территориального деления Новгородской области. 1917-1988гг. // Новгородская область: Административно-территориальное деление на 01.01.1989 г. Новгород, 1989. С. 7.

[27] Статистический справочник по Боровичскому округу. Боровичи, 1928. С. 233-234.

[28] ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 159. Л. 114, 116.

[29] Там же. Ф.Р-804. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.

[30] Там же. Д. 9. Л. 126об., 257об.

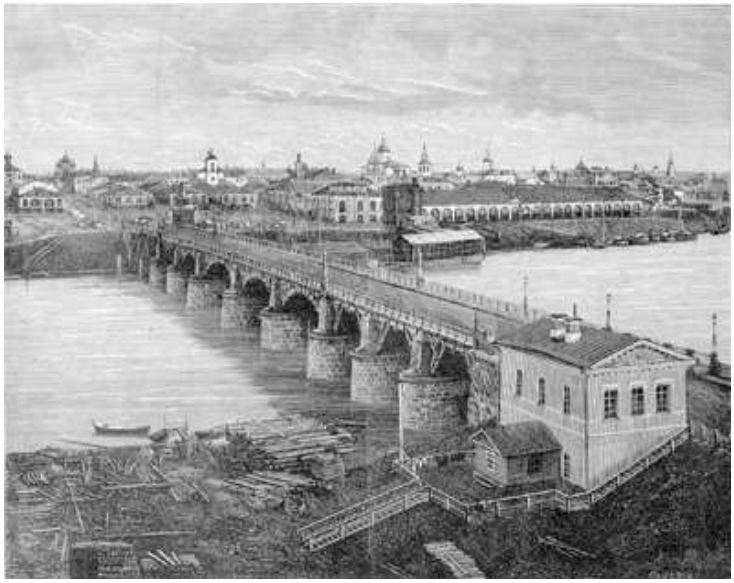
[31] Там же. Ф.Р-207. Оп. 1. Д. 72. Л.4.

Алексей ПШАНСКИЙ

ПРАВНУКИ ВЕЛИКОГО МОСТА

*(Из коллекций Н.А. Козырева)**

На том месте, где сегодня над Волховом изгибается не так давно построенный, но ставший уже привычным «Горбатый мост», в Великом Новгороде мост существовал всегда, – наверное, столько же, сколько и сам город. Иногда чуть выше по течению, иногда – чуть ниже, но всегда именно здесь, связывая собою не просто две стороны, но два центра Новгорода – Кремль и Ярославово Дворище. Он был не только современником и свидетелем, но и местом действия многих бурных событий новгородской истории, и в этом смысле по праву носил тот же титул, что и сам Новгород: Великий. Неполные полвека (от Великой Отечественной до конца 80-х) – самый, пожалуй, длительный период отсутствия моста на этом месте.

Рейхелевский мост. Гравюра М. Рашевского

В летописях Великий мост впервые упоминается под 1133 годом, но он, несомненно, существовал и ранее (что неизбежно в городе, ровно пополам разделенном рекою). Свидетельствует об этом и рассказ из утраченной Иоакимовской летописи (частично дошедшей до нас в изложении В.Н. Татищева) об обстоятельствах крещения Новгорода в 989 году: «...они разметавше *мост великий*, изыдоша со оружием, и асче Добрыня пресчением и лагодными словы увесчевая их, обаче они ни слышати хотяху и вывесше 2 порока со множеством камения, поставиша *на мосту*, яко на сусчия враги своя».

К тем же временам относится и легенда, прямо связанная с Великим мостом. Согласно этой легенде на Перыни, на том месте, где нынче возвышается храм Рождества Богородицы, стоял некогда идол Перуна, «деревянный, с серебряною главою и золотыми усами». Когда же в результате жарких баталий Новгород все-таки был крещен, отставного бога свергли и бросили в воду. Оскорбленный отступничеством бывших своих почитателей Перун, проплывая под Великим мостом, забросил на него свои палицы, сказав: «Сим потешайтесь, дети новгородские», – и уплыл далее по течению. Про языческого бога вскоре забыли, но проклятие его сбылось: значительная (если не бульшая) часть кровавых событий, коими изобиловала новгородская история, происходила именно на Великом мосту.

Своего рода «нейтральная территория» между двумя половинами города, мост частенько служил ареною горячих схваток между приверженцами какого-либо политического курса с одной стороны и их оппонентами с другой. С колами, дубинами и прочими подручными средствами, а иногда даже «въ оружьи, аки на рать», утверждали темпераментные новгородцы свою точку зрения, обильно посыпая зубами и поливая кровью своих сограждан настил Великого моста. Иногда конфликт удавалось урегулировать вмешательством владыки или еще какими-нибудь «политическими средствами», – но не всегда. Кроме уговоров, существовал еще один остроумный способ избежать кровопролития. Если одна из сторон – из соображений миролюбивых, или же сознавая свою слабость – не желала доводить дело до рукопашной, ее представители просто разбирали часть моста, и добраться до них становилось уже значительно труднее. Правда, и этот способ не всегда срабатывал, как, скажем, в 1218 году, когда жители Торговой стороны, которых не остановила нарушенная коммуникация, на лодках перебросили десант через Волхов и атаковали противника на его территории.

Если летописи пестрят сообщениями о разборках на Великом мосту политического характера, то фольклор освещает это явление в несколько ином аспекте. Судя по всему, избыток энергии новгородцев былинных времен постоянно требовал выхода, и, если не было случая побезобразничать в ушкуйных походах, то под рукою всегда имелось более доступное средство – «побитьса, подратьця у чудна креста,/у чудна креста, у жива моста,/у матушки да реки Волхови». И не ради своих убеждений, а так – удаль богатырскую показать

* Начало см. в №12, 13, 14, 16.

да силушку молодецкую потешить. Не случайно ведь одним из ключевых эпизодов эпоса о Ваське Буслаеве является грандиозный мордобой на Великом мосту:

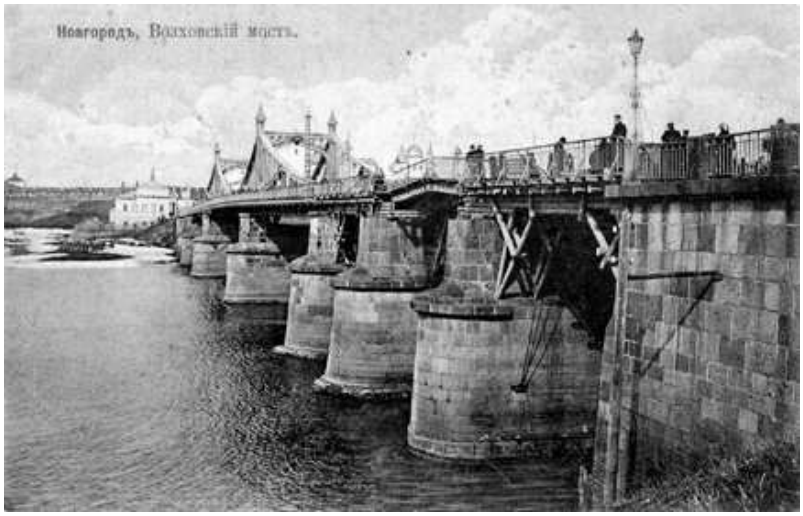
Как скоро шли на мосточек на Волховой,
Как начали они тут биться-ратиться
С тыма-то мужикамы с новгородскима.
Как день бьются они не едаючи,
А другой-то ёны не пиваючи,
И третий день начбли-то биться тут,
Как третий день оны тут, третью ночь.
Как тут-то у дружинушки хоробрыи,
Стали у их головушки были переломаны
Переломаны головушки розбитыи,
Платками тут головки перевязаны,
А кушачкамы-то были переверчены...

Перуново проклятие реализовалось не только в форме массовых побоищ. Великий мост был для новгородцев чем-то вроде Тарпейской скалы, откуда сбрасывали преступников, ибо официальной казнью (т.е. казнью по приговору Веча) в Новгороде являлось чаще всего именно свержение с моста. В Волхов летели и осужденные Вечем «коромолники» (грабители), и «развратники веры христианской» (еретики), и «переветчики» (изменники и шпионы), и поджигатели, и фальшивомонетчики, – вобщем, все: и уголовники, и политические. Такая форма реализации «вышки» невольно наводит на мысль, что древние новгородцы были неважными пловцами, если ныряние с относительно невысокого моста было для них равносильно казни. Хотя иные и выплывали, как, например, посадник Якун Мирославич с братом в 1141 году, или боярин Данила Иванович в 1418-м. Но в большинстве случаев, видимо, все же тонули.

Яркую страницу в кровавую историю Великого моста вписал, конечно же, и Иван Васильевич Грозный. Во время знаменитого «новгородского разгрома» 1570 года, пока державный параноик пытал на Городище «всяких градцких и именитых изрядных людей», его душегубы-опричники тем временем привязывали к саням уже прошедших экзекуцию «мученых и поджареных», волокли их на мост и бросали в Волхов. «А жен их, мужеск и женеск пол младенцы, и сущии млеком питаемии, и всяк возраст повеле государь привозити их на Великий Волховский мост и возводити их на высоту, иже ту устроено место, и вязаху за руце и за нозе опако назад, младенцов к матерем своим и вязаху, и с великиия высоты повеле государь метати их в воду, в реку в Волхов». Если же несчастные жертвы тонули не сразу или всплывали – и это было предусмотрено: возле моста шныряли кромешники на лодках, добивая их топорами и баграми «во глубину речную без милости сурово погружающе, предаяху их горцей смерти». Эта кровавая вакханалия, продолжавшаяся (если верить автору «Повести о походе Ивана IV на Новгород») более пяти недель, оставила неизгладимое впечатление в сознании новгородцев. В результате родилась и легенда, объясняющая, почему Волхов в этом месте окончательно не замерзает даже в самые лютые морозы: потому, что кровь невинно убиенных в те страшные январские дни 1570 года не дает воде замерзнуть.

Но было бы неверно полагать, что Великий мост был неким одиозным объектом, связанным исключительно с кровопролитием. Кроме казней и драк, там происходили еще и торжественные встречи знатных гостей (кстати, того же Ивана IV в злополучную зиму новгородского разгрома), и крестные ходы. На мосту, вероятно, находились торговые лав-

ки, и даже жилые помещения людей, его обслуживающих. Являясь, если можно так выразиться, «центром центров» (т.е. связывая собою два центра Новгорода), Великий мост был одним из самых оживленных мест города. Новгородцы содержали его в порядке, обновляли, ремонтировали и отстраивали. А ремонтировать и отстраивать приходилось довольно регулярно. Чаще всего мост страдал от разливов не сдерживаемого никакими гидротехническими сооружениями Волхова и от весеннего ледохода, когда из него либо выбивало несколько городен (деревянных устоев), либо сносило целиком. Но, как только в летописи появляется известие о каких-либо разрушениях Великого моста, буквально под этим же годом (или, в крайнем случае, под следующим) почти всегда можно найти и сообщения о его восстановлении или строительстве нового. Новый мост обычно строили рядом со старым («по стороне ветхаго»), так что он периодически менял свое местоположение, но всегда в рамках двух центров города. Мост был деревянным и, судя по дошедшим до нас планам Новгорода XVII-XVIII веков, не прямым, а с изломом, тупым углом направленным против течения. Предполагалось, очевидно, что такая конструкция с бульшим эффектом будет противостоять напору воды и льда.

Терпеть приходилось Великому мосту и от противоположной стихии – от огня. Пожары, этот бич деревянных городов, часто не только опустошали целые районы, но охватывали и мост, выжигая его до самой воды: «...по воде огнь горя хожаше и много людии истопи на Волхове». Порой по мосту пожар перекидывался даже с одной стороны города на другую, как это было в 1299 и 1340 годах. Вот так, преодолевая время, бурные события, «лед и пламень», заботливо обновляемый трудолюбивыми новгородцами, веками стоял в Великом городе Великий мост.

Но время шло, инженерные науки развивались, Великий Новгород становился все менее великим, а его Великий мост все чаще называли просто Волховским. В 90-х годах XVII века, в соответствии с новыми градостроительными идеями, была предпринята успешная попытка строительства каменного (хотя и частично каменного) моста. Это был не только первый в Новгороде, но и один из первых на Руси каменных мостов*. Как и прежде, на Софийской стороне он вел к Пречистенской башне Кремля, а на Торговой при въезде на него были построены Проездные ворота. Как долго просуществовал этот мост – неизвестно, но какое-то время спустя его сменил привычный, деревянный мост.

Следующая попытка возведения моста через Волхов была предпринята в 80-х годах XVIII столетия. Простоял он около полувека**. Как выглядел он (а также все вышеперечисленные мосты) мы не знаем, а можем только фантазировать, опираясь на описания, планы и весьма схематичные их изображения на иконах. К сожалению, ни фотографии, ни, тем более, замечательных открыток Доррера, Форселиуса, Коршунова и т.д. в те времена еще не существовало.

А вот следующий каменный мост мы уже имеем возможность видеть в достаточно реалистическом и подробном изображении, – в этой подборке он показан на первой открытке (и, для большей наглядности – еще и на гравюре). Строил его с 1825 по 1830 год инженер Казимир Рейхель. Был этот мост уже прямым, без всяких изгибов. Плотно стоящие мощные быки создают впечатление (особенно в том ракурсе, в каком они сняты на открытке) скорее плотины со шлюзами, перекрывающей реку. Часть этих опор потом исполь-

* Подробнее о строительстве этого моста см. статью Л. Секретарь «Волховский мост: век XVII» (стр.98 настоящего издания).
** Подробнее – в статье Л. Секретарь «Волховский мост: век XVIII» (стр.98 настоящего издания).

зовалась при строительстве следующего моста, а на двух из них и по сей день держится последний представитель славной династии волховских мостов – наш современник, Горбатый мост. Верхние конструкции рейхелевского моста были деревянными. По обеим сторонам его стояли, как на страже, две часовни: с Торговой стороны – св. блгв. кн. Александра Невского (с 1866 года), с Софийской – Чудного Креста (с незапамятных времен). Мост этот, как и предыдущий, являлся частью трассы Санкт-Петербург – Москва, и все наши знаменитости XVIII-XIX веков, путешествующие из Петербурга в Москву или обратно, просто не могли его миновать. В самом конце XIX столетия, в 1899 году начинается строительство предпоследнего Волховского моста по проекту инженера Г. Соловьева, закончившееся в 1902 году*. Мост этот был пятипролетным, разводным, украшенным ажурными металлическими фермами. Именно он показан на всех (за исключением первой) приведенных здесь открытках. Благополучно простояв до Великой Отечественной, он был разбомблен немецкой авиацией в 1941 году (как известно, мосты и переправы принято было бомбить в первую очередь), и до первых послевоенных лет пролежал, разбитый и искореженный, на дне Волхова. После войны некоторое время мусировался вопрос о его восстановлении. Но, очевидно, по каким-то причинам это сочли нецелесообразным, и мост (нынешний мост Александра Невского) был построен ниже по течению, от засыпанного для этих целей Федоровского ручья до улицы Розважи (Горького). Таким образом тысячелетняя связь между Кремлем и Торгом была прервана почти на полвека.

Но – «свято место пусто не бывает», во всяком случае, не должно быть, и в 80-е годы строительство моста – на этот раз исключительно пешеходного – на его традиционном месте все-таки началось. Сдача его в эксплуатацию планировалась, кажется, к круглой дате, – к 70-летию Октябрьской революции. Но открыт он был для пешеходов (для которых и строился) весной 1988 года, в шумные дни празднования 1000-летия Славянской письменности. Тогда же и получил свое народное прозвище: Горбатый.

Благодаря сохранившимся открыткам мы имеем возможность увидеть мост начала века со всех сторон и во всех ракурсах: от Софийской стороны, от Торговой, вдоль настила, сбоку, снизу, сверху. При внимательном их рассмотрении можно, например, понять, какая часть моста являлась проезжей, а какая – пешеходной; можно разглядеть детали нижних конструкций; можно проследить этапы перестройки доныне существующего домика напротив часовни Чудного Креста; можно, наконец, по некоторым снимкам определить время года, и даже время суток, не говоря уже о множестве интереснейших деталей, касающихся не только самого моста, но и тех, кто по нему передвигается, и реки, через которую он переброшен, и берегов, которые он соединяет...

И, как бы ни сложилась дальше судьба города, очень хочется верить, что в Великом Новгороде мост – как бы он ни назывался: Волховский, Пешеходный, Горбатый, или как угодно – будет существовать всегда, и именно на том месте, где когда-то висел над Волховом Великий мост.

* Подробнее – в статье Т. Данько «Последний мост старого Новгорода» (стр.99 настоящего издания).

Людмила СЕКРЕТАРЬ

ВОЛХОВСКИЙ МОСТ: ВЕК XVII

Строительство нового, частично каменного, моста через Волхов, осуществленное в 1690-е годы, явилось частью задуманного городской администрацией и, в частности, воеводой Б.И. Прозоровским, грандиозного плана по реконструкции Новгорода: перестройка Воеводского и Пушечного дворов, Пречистенской башни Кремля, сооружение каменного Гостиного двора и Посольского двора на Торговой стороне, возведение в Деревяницком монастыре ярусного храма в стиле «московского барокко». Для этих целей из Москвы были приглашены два каменных дел подмастерья: Семен Елфимов и Гур Вахромеев. Елфимов работал в Новгороде до 1696 года, Вахромеев задержался на несколько лет дольше.

Возведению нового моста предшествовало разрушение прежнего, деревянного. Причиной порчи моста была построенная посадским человеком Яковом Проезжаловым мельница на судне, привязанном к мосту. Указ о сносе мельницы последовал в 1691 году.

Новый мост строился в 1697 – 1699 годах. Строительные работы осуществляли две артели во главе с подрядчиками: московским стрельцом Семеном Потаповым и крестьянином Ярославского уезда Сергеем Билибиным. От Пречистенской башни к Волхову была сделана каменная отмостка с торговыми лавками по сторонам. В реке устроено 5 каменных столбов на расстоянии друг от друга по 5 саженей (более 10 метров). На столбы опирались сводчатые каменные перекрытия. Столбы были укреплены охватывающими их бревенчатыми обрубами, засыпанными камнем и дополнительно укрепленными сваями. Обрубы «накрепко» были привязаны железными связями («ухватками») к каменным опорам. И в этой части моста на сводах устраивались торговые лавки. Часть моста от Торговой стороны оставалась традиционно деревянной.

РГАДА. Ф.137. Оп. 1. Д.148. 1699 г. Л.2-10.

ВОЛХОВСКИЙ МОСТ: ВЕК XVIII

Великий Новгород. Лубок XVIII в.

Необходимость возведения нового моста в 1782 году была вызвана пожаром, уничтоживших 9 городен (бревенчатых срубов), заполненных камнями и укрепленных сваями, которые служили опорой мостового перекрытия. Разобрали и десятую, не сгоревшую городню. Сохранилась ли к тому времени каменная часть моста XVII века – неизвестно.

Проект моста 1782 года был составлен механиком Ковеновеном, который занимался строительством мостов в Новгородской губернии и постоянно жил в Новгороде. Фамилия выдает иностранное происхождение мостостроителя. В документах встречается и другой вариант написания фамилии – Ковенговен. Судя по контакту, заключенному с олонецким купцом Федором Редуевым на строительство моста, «городни» по проекту предполагалось рубить «рогатым углом», то есть в форме треугольника либо пятиугольника, и оковать их полосовым железом. Мостовое дощатое перекрытие по бревенчатому настилу предполагалось огородить балюстрадой со стойками и накрест уложенными брусьями между ними. Стойки и поручи предусматривалось окрасить в красный цвет, а крестчатые заполнения – в белый.

ГАНО. Ф.528. Оп. 1. Д.59. 1782. Л.1-4об.

Татьяна ДАНЬКО

ПОСЛЕДНИЙ МОСТ СТАРОГО НОВГОРОДА

В 90-е годы XIX века Волховский мост в Новгороде пришел в негодность, и возникла острая необходимость в его реконструкции. Автором перестройки моста был инженер Санкт-Петербургского округа Министерства путей сообщения Г. Соловьев.

По внешнему виду металлические перекрытия нового моста напоминали фермы висячих мостов, и создавались они по типу моста через реку Неккар в немецком городе Мангейме. Проектировщики предложили строительство пятипролетного железного моста общей протяженностью 79.939 саженей на старых опорах – быках; металлическими были и опорные части ферм. Проект предусматривал создание деревянных настилов для экипажной и тротуарной частей моста. Ширина экипажного проезда определялась в 3,857 саженей, причем полотно проезжей части строилось из двойного дощатого настила: верхний настил из дубовых досок, уложенных вдоль моста, и нижний – из сосновых, уложенных поперек.

Еще до начала строительства нового моста рядом со старым был построен временный объездной мост, деревянные конструкции которого служили своеобразными строительными лесами при возведении моста постоянного.

Работы по сооружению постоянного моста в Новгороде начались в ноябре 1898 года, и руководил ими первое время инженер Невинский. Затем, весной 1899 года, на должность производителя работ по устройству постоянного моста через реку Волхов в Новгороде был приглашен инженер Александр Ипполитович Никольский.

После постройки временного моста начались работы по ремонту старых опор: разборке, укреплению и облицовке пяти прежних каменных быков моста. Сначала разбирались верхние надводные, а затем и подводные части быков, проводились замеры. После изъятия старой бутовой кладки, бетона, кирпича и гранитной облицовки стройматериалы сортировали и отвозили на складочные места на берег для дальнейшего их использования, а опоры моста укреплялись новыми стройматериалами. По заявлению Никольского «работы проводились посменно, без перерыва днем и ночью, не исключая праздников».

Безусловно, работы по строительству нового моста были связаны с определенными неудобствами для обывателей города, и здесь постоянную заботу о новгородцах проявлял городской голова Яков Иванович Журавлев. Так, от имени городской управы он просил А.И. Никольского сделать распоряжение об устройстве настила с тротуара на площадь на вновь обустроенном объездном мосту, так как «в этом месте постоянно образуется ухаб и было несколько несчастных случаев, что проезжающая публика вываливалась из саней».

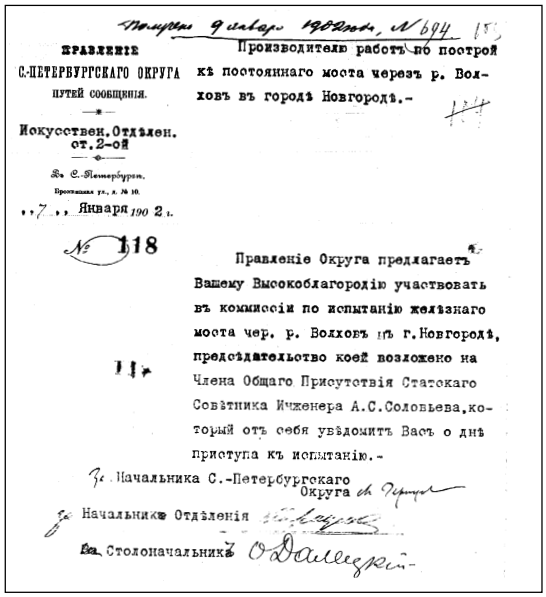
Все подводные работы по разборке старой кладки и обустройству новой проводили специально приглашенные из Санкт-Петербурга водолазы. «Произвожу водолазные работы, – сообщал в Новгород господин Г.И. Веретенников. – Партия водолазов в 5 человек состоит из 1 водолаза, 1 сигналиста, 1 помощника сигналиста и 2 рабочих для накачивания воздуха... При водолазе находятся инструменты: топор, пила, долото, молот, бурав, лопата и лом... Работа производится от 7 ч. утра до 6 ч. вечера, вычисляя из этого времени 2 часа на обед. Все другие инструменты как-то – цепи, блоки, винты, лебедки, канаты, землечерпательные ковши отпускаются на время работ по особой цене... Водолаз должен работать на глубине до 5 сажень по цене 15 рублей в день, а от 5 до 10 сажень глубины цена увеличивается от 20 до 30 рублей в день».

Осенью 1900 года продолжалась работа по ремонту и переделке остающихся без перестройки пяти быков и двух береговых устоев. А в феврале 1901 года Никольский в рапорте в Санкт-Петербургский округ Министерства путей сообщения доносил, что «приступили к работам по разборке верхнего деревянного строения в трех пролетах разводной части моста». Одновременно он просил правление округа о «назначении комиссии для освидетельствования стройматериалов – железа для верхнего строения Волховского ... моста, которое было поставлено доверенным Рязанского машиностроительного завода». Каждую неделю Никольский составлял таблицу-график сборки верхнего металлического строения Волховского моста, при этом сборка и клепка железных, чугунных и стальных деталей обозначались в пудах (всего же вес металлических конструкций моста составлял 35.200 пудов, в том числе железа – 29.500, чугуна – 4.100, стали – 1.600). Металлические конструкции – железные балки для разводной части моста – изготавливались на Путиловском заводе Петербурга, куда А.И. Никольский приглашался для освидетельствования их качества.

В феврале 1901 года непосредственно для производства работ по установке моста был командирован от Рязанского машиностроительного завода инженер путей сообщения Павел Андреевич Киссель. А уже 21 марта в рапорте Никольский сообщал о том, что «верхнее металлическое строение 1-го пролета Волховского постоянного моста сего числа опущено на опоры, а равно преступлено к разборке подмостей».

Фрагмент проекта моста инженера Г.Соловьева.
Ф.301. Оп. 1. Д. 26. Л.1

Правление
С.-Петербургскаго Округа
путей сообщенія.

Искусствен. Отдѣлен.
от. 2-ой

№ 118

Производителю работъ по постройкѣ постояннаго моста черезъ р. Волховъ въ городѣ Новгородѣ.-

Правленіе Округа предлагаетъ Вашему Высокоблагородію участвовать въ коммиссіи по испытанію желѣзнаго моста чер. р. Волховъ въ г. Новгородѣ, предсѣдательство коей возложено на Члена Общаго Присутствія Статскаго Совѣтника Инженера А.С. Соловьева, который отъ себя увѣдомитъ Васъ о днѣ приступа къ испытанію.-

Уведомление Правления С.-Петербургского округа путей сообщений А.И. Никольскому о начале испытаний моста. 7 января 1902 г.
ГАНО. Ф.301. Оп. 1. Д.21. Л.104.

Но не все так гладко проходило на стройке. Среди архивных документов сохранилась и такая телеграмма из Санкт-Петербурга: «...Телеграфируйте правлению: разобраны ли неправильно собранные пролеты». Не обходилось и без несчастных случаев. Об одном из таких чрезвычайных происшествий Никольский сообщал в рапорте министру путей сообщения: «Имею честь донести Вашему Сиятельству о несчастном случае происшедшем 24 сего марта на вверенных мне работах по перестройке Волховского постоянного моста в г. Новгороде, а именно при разборке обществом Рязанского машиностроительного завода подмостей, устроенных раннее для сборки верхнего металлического строения моста. Пострадавший, крестьянин Псковской губернии... Федор Емельянов разбирал доски полового настила подмостей под проезжей частью моста... Дело было уже к вечеру и Емельянов, человек преклонных лет, вероятно, был утомлен работой и необходимостью постоянного внимания среди многочисленных препятствий. Сделав, очевидно, неосторожное движение, он оступился и упал вниз с высоты 4 саж., причем к несчастью своему ударился внизу головой о бревно и ушибся до смерти... Для возможного предотвращения подобных случаев мною предложено представителю Рязанского машиностроительного завода (П.А. Киселю) сокращать для работающих в опасных местах продолжительность рабочего дня, дабы на увеличивать опасности утомления рабочих».

Осенью 1901 года завершились поставки местных лесных материалов для настилов, и уложены они были по всей длине моста как в экипажной, так и в тротуарной его частях.

В конце 1901 года строительство моста близилось к завершению. 7 января 1902 года комиссия под председательством статского советника инженера А.С. Соловьева проводила первые испытания железного моста. Затем испытания несколько раз проходили при участии представителей городской управы в феврале и марте 1902 года. О некоторых «недоделках» при обустройстве моста Никольскому сообщали представители полицейской власти: «Ради предупреждения могущих произойти несчастных случаев, в особенности с детьми, имею честь просить Ваше Высокоблагородие распорядиться устроить откидные на шарнирах решетки для деревянной части моста, близь разводной части, взамен существующих ныне 12 железных крючьев (так в тексте), которые мало предохраняют детей, а также и нетрезвых прохожих».

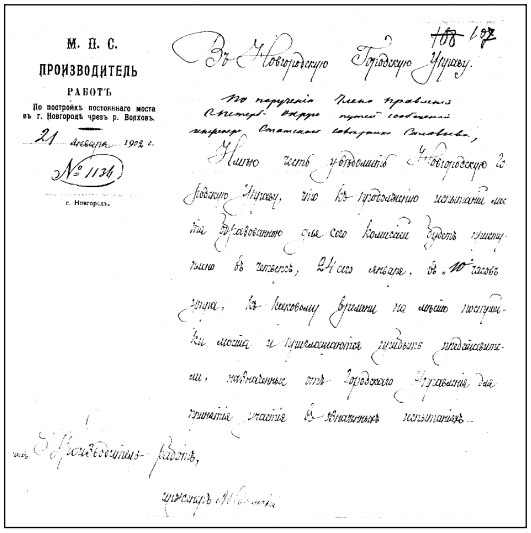
Городской голова Я.И. Журавлев, как заботливый «хозяин города», напоминал об обещании Никольского исправить «при первой возможности повреждения мостовой на откосах Екатерининской набережной вследствие свалки там гранитных камней» в ходе строительства моста. И, поскольку строительные работы близились к завершению, городская управа «покорнейше просит привести означенное Вами обещание в исполнение».

Необычайно ранней весною 1902 года возникла опасность высокого и быстрого подъема воды. Поэтому необходимо было ускорить работы по разборке временного объездного моста и переводу движения на постоянный мост. Никольский несколько раз обращался в Новгородскую почтово-телеграфную контору с предложением «во избежание задержек в работе произвести заблаговременное перенесение проложенных по объездному мосту телеграфных проводов на новый постоянный мост». В связи с приближающейся навигацией проблема разборки временного моста волновала и директора пароходства по реке Волхов. Из-за длительных проволочек со стороны почтово-телеграфного ведомства до навигации успели разобрать только верхнее пролетное строение объездного моста, оставляя разборку опор до осени.

Весной 1902 года были установлены на мосту фонари с канделябрами и кронштейнами и украшения на опорных стойках моста.

Работы по обустройству нового моста завершались, и город готовился к его освящению. Новгородские купцы П. Ширяев и Э. Давидсон занимались поставкой материи для флагов и драпировок, закупали кумач красный и синий, коленкор, черное сукно и бумазею. «Освещение вновь устроенного моста состоялось в присутствии Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича, по случаю мост был украшен посредством расставленных в разных выдающихся местах флагов, нарочно для этого изготовленных, причем поперечные опорные арки были закрыты особыми трехцветными драпировками».

Основание: Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф301. Оп.1. Д. 12, 20, 21, 22, 26, 27.

М. Н. С.
ПРОИЗВОДИТЕЛЬ
РАБОТЪ
По постройкѣ постояннаго моста
въ г. Новгородѣ чрезъ р. Волховъ.
21 января 1902 г.
№ 1134
г. Новгородъ.

Уведомление А.И. Никольского Новгородской городской управе о проведении испытаний моста. 21 января 1902 г.
ГАНО. Ф.301. Оп. 1. Д.21. Л.107

Ирина ЩУКИНА

БЕЛОЗЕРСК ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Города как люди: со своей судьбой, со своим лицом. Люди, отмечая памятные даты, вспоминают и подводят итоги определенного периода своей жизни, а города – своей истории. Судьба города впрямую зависит от людей, в нем живущих, – они, в конечном итоге, и определяют лицо города.

В истории Белозерска (Белоозеро – так назывался город до 1777 года) произошло немало. Он переживал периоды расцвета и упадка, разрушался врагами, горел и отстраивался вновь.

Основа современного облика города была заложена в XVIII веке. В 1778 году был утвержден генеральный план его застройки, которому город и обязан своими прямыми улицами: одни из них расположены вдоль берега озера, а другие перпендикулярно им.

Одно из первых описаний города Белозерска – уездного центра Новгородской губернии – содержит месяцеслов на 1789 год. Он дает краткую историческую справку и сведения об основных строениях Белозерска. Довольно подробно рассказывает о застройке территории внутри земляного вала: «В крепости строения две соборные церкви: Преображения, Василия Великого окружены каменною оградою, и в близости Архиерейский дом с надлежащими службами, семинария, духовное правление, при том доме казенное озерко, в котором немало ловится карасей. От собора на предместие дорога, по сторонам ее каналы с обеих сторон усажены березками: близь дороги на правой стороне каменное строение, состоящее в пяти больших покоях, где прежде была провинциальная канцелярия, а ныне разные суды. В левую сторону от дороги идешь, другая подобная, ведущая к бывшему воеводиному дому с надлежащими службами. Поблизости собора в разных местах у земляного вала находятся небольшие три озерка, архив, тюремный острог и несколько домов».

Преображенский собор, один из интереснейших памятников Белозерска, по одним данным возводится в 1668, по другим – в 1676 году «казною великого государя и подаянием всяких людей». Н. Макаренко в «Путевых заметках и набросках о русском искусстве», опубликованных в 1914 году, описывает иконостас этого храма: «Красивым и уютным полукружием изгибается алтарная преграда у царских врат. Справа и слева у колонн стоят резные из дерева фигуры Ангелов и Апостолов, как бы открывающих путь в алтарь». В настоящее время иконостас Преображенского собора восстанавливается реставраторами Новгорода и Москвы. Их руками возрождается былая красота. Собор многое видел и испытал на своем веку. Теперь, он как человек, перенесший тяжелую болезнь, требует к себе бережного отношения и большого внимания.

Церковь Рождества Христова, 1756 г.
Фото первой четверти XX в.

Храмы Преображения Господня и Василия Великого тесно связаны с историей земли белозерской. Одноименные церкви существовали еще в старом городе – Белоозере, стоящем при истоке реки Шексны. Граждане белозерские перенесли их во вновь заложенный город на южном берегу Белого озера. Это были деревянные храмы, сгоревшие во время нашествия поляков в 1612 году, когда город был выжжен и опустошен. После изгнания неприятеля храмы отстроили вновь. Еще совсем недавно рядом с Преображенским собором стоял «отдельный каменный храм, теплый, во имя святителя Василия Кесарийского, сооруженный усердием граждан в 1736 году...» Храм был домашней церковью для Белозерского духовного училища. В отчете о посещении Высокопреосвященнейшим Феогностом, архиепископом Новгородским и Старорусским, города Белозерска и окрестных приходов в 1899 году упоминается об иконах из Преображенского собора: «Преображение Господне и Владимирская Божья Матерь ценного письма в серебряных позолоченных окладах». Нынешнее место нахождения их неизвестно.

Г. Белозерскъ. Видъ с вала. Belozersk. View from the earthen rampart.

Еще об одной иконе вспоминает в своих записках А.Я. Бунцельман: «В музее г. Белозерска находится ценнейший памятник, икона с изображением города и кремля, обнесенного валом и стенами, изображение относится к началу XVII века и по нему можно реконструировать планировку прежнего города». Автор

записок проживал перед войной в Белозерске, интересовался историей города, вел литературный кружок при редакции газеты «Белозерский колхозник» и был частым гостем музея. В кружке у Александра Яковлевича занимались известные сейчас поэты С.В. Викулов и С.С. Орлов. Этот музей постановлением Совета министров РСФСР от 11 января 1954 года был закрыт, и икона, о которой вспоминает Бунцельман, была, вероятно, утрачена навсегда.

Г. Белозерскъ. Belozersk.

Каждый, кто приезжал в Белозерск, восхищался его многочисленными храмами. Упоминания о многих из них содержатся в записках путешественников. До нас дошел единственный деревянный храм – церковь Ильи Пророка; именно о нем Н. Макаренко написал: «... по скромности, простоте формы – это лучшее архитектурное произведение во всем городе». Храм был освящен в 1696 году, тем же временем датируется иконостас, созданный белозерскими иконописцами и сохраненный в XX веке сотрудниками Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Согласно распоряжению вологодского Управления культуры от 30 января 1954 года иконы из иконостаса Ильин-ской церкви были вывезены в Кирилловский музей, где часть из них хранится и по сей день. Рядом с летним храмом Ильи Пророка в 1740 году была выстроена теплая каменная церковь Покрова Богоматери. О ее убранстве можно судить по заметкам уже упомянутого Н. Макаренко – «внутренняя отделка выдержана в стиле барокко, довольно провинциального характера».

А.А. Бронзов, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, в книге «Белозерское Духовное Училище за 100 лет его существования» указывает, что Белозерск был украшен семнадцатью храмами, а в прошлом существовала еще Михайло-Архангельская церковь, состоящая из двух храмов: каменного и деревянного, которые были сломаны за ветхостью в 1824 и 1834 годах. «Находились они на мостовой улице – на участке нынешнего бульвара, примыкавшего к Ивановской улице, вблизи от нее».

Хорошо известна в городе Ивановская, или Троицкая, церковь. В XVII веке на этом месте, согласно белозерским писцовым книгам 1677 года, существовало два деревянных храма: летний и зимний. Летний был освящен во имя Рождества Иоанна Предтечи, а зимний – во имя Святой Троицы. В XVIII веке на месте деревянных храмов были построены небольшие каменные церкви с теми же названиями. А в 1810 году «с разрешения Высокопреосвященнейшего Амвросия, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, иждевением белозерского купца Ивана Горина с братьями Михаилом, Федором и Дмитрием сооружена каменная пятипрестольная церковь с главным престолом во имя Живоначальныя Троицы». Храм остался недостроенным: каменную колокольню заменила простая деревянная звонница на столбах. В отчете о посещении города владыкой Феогностом в 1899 году указывается, что приход Троицкий малочислен, храм требует больших материальных затрат. «Владыка обратил внимание на потемневшую от времени и попортившуюся в некоторых местах настенную живопись и советовал изыскать средства для ее возобновления». При этом храме раньше находилась церковно-приходская библиотека, книги в которой выдавались на дом. Открыта библиотека была в 1895 году благодаря содействию протопресвитера военного и морского духовенства А.А. Желобовского, он же предоставил для этого средства. В настоящее время храм выглядит по иному: верхняя часть основного объема здания утрачена, появились новые перегородки, пристройки, широкие ворота с восточной стороны, многочисленные протечки кровли разрушают настенную живопись. Н. Макаренко в своих заметках о русском искусстве начала XX века (весьма критичных в отношении Белозерска) одобрительно отзывается об архитектурных достоинствах храма: «нельзя пройти мимо церкви Ивановской, расположенной у самого канала; постройки она сравнительно новой, но массы наружных колонн, широкое приплюснутое покрытие в виде купола на передней части и барабан с куполом на центральной, а также обширность ее – все это говорит за хорошие замыслы, видимо, не выполненные во всем объеме...» Такой отзыв вполне обоснован. Благодаря исследованиям ученого В.П. Выголова, опубликованным в 1983 году, стало известно, что автором архитектурного решения этого храма является известный русский зодчий В. И. Баженов. Постройками по проектам Баженова гордятся столичные города.

Церковь Живоначальной Троицы, 1810 г. Фото начала XX в.

Многие старожилы Белозерска вспоминают «розовую» церковь, стоявшую на бывшей Рождественской улице (ныне угол улиц Коммунистической и Ленина). Храм Рождества Христова, каменный, с очень высокой колокольней, замечательный по архитектуре, был построен в 1756 году. Известно, что в конце XIX – начале XX века в одном из пределов храма

помещалась окружная благочинническая библиотека духовенства 1 округа Белозерского уезда. Этот храм был одной из вертикалей, которая держала планировку города. Недаром «Художественный листок» за 1859 год пишет, что «Белозерск расположен правильно и красиво на склоне большой возвышенности, образующей собою три параллельные берегу террасы; верхнюю террасу составляет улица Воскресенская, на которой соединилась целая группа церквей: Воскресения, Успения (древнее и новое) и неподалеку от них Вознесение и церковь Николая Чудотворца. На этой улице находится замечательная белозерская библиотека, принадлежащая в высшей степени любознательному и просвещенному В.И. Надпорожскому. На второй, средней террасе лежит лучшая и самая оживленная часть города, по ней идет главная широкая улица (Большая или мостовая). Она начинается с каменного моста у церкви Иоанна Богослова; на ней находится каменный гостиный двор (называемый здесь «рядами»), расположенный по обеим ее сторонам; продолжение его составляют два ряда каменных домов, каковы например: здание Городской Думы и Магистрата, городской больницы, дома гг. белозерских капиталистов: Серого, Калинина, Меркушина, Шадриной, Кольбе и других. Нижнюю террасу составляют две улицы: Рождественская набережная Белозерского канала, украшенная целым рядом зданий Путей сообщения и красивым городским садом, расположенным по самому берегу Бела-озера. Первым же местом для гуляний белозерских жителей издавна служит высокий вал... Вид с вала чудный: с одной стороны перед вами целый город с семнадцатью церквями, с другой Бело-озеро, как море с безграничным горизонтом...» Приносим свои извинения за столь обширную цитату, – мы не смогли отказать себе в удовольствии привести ее целиком.

Набережная канала. Фото начала XX в.

Но не все столь приятно отзывались о древнем городе. Уже упоминаемый не раз Н. Макаренко называет Белозерск местом унылым и скучным. И.Ф. Тюменев в статье «пятисотлетие Кирилло-Белозерского монастыря», опубликованной в историческом вестнике за 1897 год, с легким юмором пишет: «Белозерск славится своими снетками и красотою женщин. Снетки настолько повсеместно известны, что русский народ перевел название рыбы, даже называет их белозерскими снетками. Что же касается до красоты здешних женщин, то она в XVI веке бросилась в глаза самому Ивану Грозному... Снетков в городе мы не нашли, красивых женщин также, а потому следует заключить, что Государь Иван Васильевич посетил Белозерск в более счастливые времена».

Провинциальный городок дважды посетил писатель Сергей Голицын, один из представителей знаменитого княжеского рода Голицыных. Впервые – в юности, в 1928 году, и спустя сорок лет. В книге «Записки уцелевшего» он пишет буквально следующее: «Белозерск. Когда мы только подходили к этому самому древнему на севере городу, нас поразило количество храмов и XVII века, и позднейшей застройки. Они высились среди малых домов и старинных особняков, каменных и деревянных... Сразу бросался в глаза вал – былая крепость. А краше всего было озеро, в поперечнике сорок верст; оно напоминало море...

С тех пор прошло сорок лет, и я снова попал в Белозерск... Теперь в Белозерске я увидел два – три уцелевших древних пятиглавика: наверное, стены их оказались столь мощными, что не поддавались разрушению. Уцелела и та деревянная церковка, что когда-то рисовал Андрей, и еще одна, а все древние прекрасные храмы, и высокая колокольня, и часть белых, с колоннами торговых рядов – все было сметено или перестроено до неузнаваемости... И только синее озеро оставалось прекрасным...» Как видно из этих воспоминаний, город многое потерял. Грустно говорить об этом.

Но все-таки «не многие города, подобно Белозерску, с населением несколько тысяч человек жителей могут похвастать таким богатством... что ни дом, то памятник архитектуры», – так отозвался о Белозерске художник искусствовед В. Десятников, справедливо считая, что Белозерск относится к тем городам, которые «лучше один раз увидеть», чем о них «десять раз услышать».

Среди выходцев из Белозерска немало людей, которые любят и заботятся о родном городе. Судьбы города и людей неразделимы. Белозерск изменился, что-то утрачено, что-то появилось новое. Другие люди, другие судьбы, другой город...

Г. Белозерскъ. На Белом озере. Belozersk. White Lake's shore.

Интересно, что напишут об этом древнем городе в XXI веке?

Татьяна ЗОЗУЛЕНКО,
Татьяна ВОЛОДИНА

БОКАЛОВ ЗВОН ХРУСТАЛЬНЫЙ

В 1950-1970-х годах наступило время признания самостоятельной значимости художественного стекла как вида искусства, его огромной роли в организации предметной среды и воздействия на человека. На этом этапе в художественной жизни страны многое зависело от самих художников, их профессионального мастерства, широкой эрудиции, отличного знания технологии производства, умения соединить все это в единое целое для создания гармонии искусства и техники. Критика отмечала, что «в ходе этой важной работы наибольшего успеха добился Ленинград и находящиеся в орбите его художественного воздействия новгородские заводы, которые сумели выработать свой оригинальный стиль».

Влияние Ленинградского завода художественного стекла сильно сказывалось еще и потому, что новгородские предприятия в 1960-е годы входили в объединение стекольных заводов «ленинградского куста» Ленинградского Совнархоза. В 1958 году в научно-исследовательской лаборатории Ленинградского завода художественного стекла технологами А. Кирьениным и Е. Ивановой было изобретено сульфид-цинковое стекло, названное «русским чудом», обладавшее богатейшими возможностями и положившее начало новому направлению в художественном стекле, активно поддержанному и новгородскими художниками.

Проникновение художественного начала в промышленное стеклоделие в послевоенное время связано с приходом на производство талантливой молодежи, в основном выпускников Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В.И. Мухиной. Они были полны решимости все переделать по-новому, найти свой, ни с чем не сравнимый путь в искусстве, переосмыслить творческое наследие предшественников и вытеснить из производства все старое, не содержащее художественной ценности. Именно в это время впервые за многовековую историю отечественного стекла этот материал стал стилеобразующим, оказался во главе развития декоративно-прикладного искусства. Художник становится непременным участником производственного процесса на стекольном предприятии, что послужило формированию собственного отличительного почерка изделий каждого завода.

С 1951 года на стекольном заводе «Восстание» – крупнейшем предприятии Новгородской области, занимающемся выпуском сортовой и художественной продукции из стекла – начинает свою деятельность первый художник завода Е.А. Зверева (Вяхирева). Ее работа была направлена исключительно на увеличение и качественное улучшение ассортимента сортовой посуды – как выдувной, так и прессованной. Наибольшее распространение в практике выпуска изделий массового производства на заводе в 1950-е годы получила резьба по толстому штампованному стеклу. Орнаментальный мотив складывался из простейших насечек, сделанных под определенным углом. В эти же годы было налажено производство цветного стекла, велись эксперименты с оптическим.

Пришедший на предприятие в середине 1950-х годов С.К. Моисеенко продолжил дело Е.А. Зверевой по улучшению массовой продукции. В 1958 году Технический и Художественный совет Управления строительных материалов и стекольно-фарфоровой промышленности Ленинградского Совнархоза одобрил разработанную им новую форму прессованного стакана и в следующем году принял с отличием четыре его работы. В них художник использовал новую для завода технику стекла с нацветом.

Модернизация производства, а также постоянное творческое общение с художниками-стекольщиками Ленин-града изменяет ориентацию новгородских мастеров. Тенденция участия в создании интерьера массового типового жилища стала определяющей в творчестве С.К. Моисеенко и А.А. Аствацатурьяна. Сложная и громоздкая форма изделий из стекла, декоративные налепы уступали место геометрической простоте и цветовому разнообразию.

А.А. Аствацатурьян и С.К. Моисеенко вслед за ведущими мастерами страны начинают работать над комплектами и приборами для десерта, компота, кваса, вина, создавая функциональные и, благодаря точности пропорционального и цветового решения, выразительные произведения. На зональной выставке «Советский Север» в 1964 году С.К. Моисеенко показал три набора, каждый со своим способом декорирования простых форм: «Лучистый» был расписан люстром, прибор для кваса «Ледок» – эмалевыми красками, украшен алмазной гранью.

С.К. Моисеенко, работая на заводе «Восстание», создал за тридцать лет немало замечательных произведений из стекла и хрусталя. Зрелое профессиональное мастерство, чувство материала, постоянный поиск нового и вместе с тем последовательное продолжение лучших традиций русского стеклоделия характеризуют творчество этого художника. Максимально грамотно следуя технологии, художник создает изделия простые по очертаниям, удобные в производстве, но не жертвует пластикой материала, смысловой выразительностью формы и цвета, глубинной образностью.

Художник осмысливает и передает в стекле величие древнего и динамичность современного города (прибор для воды «Волхов», 1972; набор для бара «Невский», 1973; сервиз «Древний Новгород», 1974). В сервизе «Древний Новгород» художник создает штофы, очертаниями напоминающие древние храмы, и завершает их «луковицами» пробок.

Используя гутную технику, дымчатое и цветное стекло, налепы, С.К. Моисеенко создал неповторимые художественные образы, в которых всегда точно найдено решение того или иного мотива (прибор «Белая ночь», 1969; набор «Нива золотая», 1976; свадебные бокалы «Вечерний звон», 1979). Человек, восторженно любящий природу, он внимательно вслушивался и вглядывался в нее, открывая новые формы, цветовые сочетания, самые разнообразные настроения, и стремился передать свои впечатления в цвете, в оптической игре и пластике материала. Его произведения настолько органичны,

что сами становятся как бы частицей природы: то стекло напоминает искрящиеся льдинки (сервиз «Утро», 1979), то разливается, словно золотистый мед по дну сосуда (сервиз «Янтарный», 1980). И это не копия природы, а живописно обогащенный художественный образ, точно передающий эмоциональное состояние человека, его отношение к миру.

Работы С.К. Моисеенко – это «вещи для общения». Они созданы для чуткого, внимательного взгляда человека, рассчитаны на своеобразный диалог с ним. Причем язык художника прост и естественен, богат ассоциациями. Удлиненные конусообразные формы бокалов («Коростынь. Утро», 1985) задуманы так, чтобы наилучшим образом показать все богатые переливы голубого цвета, – от почти прозрачного до густой лазури, – будто солнечные лучи, проникая сквозь легкий утренний туман, играют на светлой воде, уходя в глубину и растворяясь в ее прохладе. Так поэтически передал художник красоту древнего озера Ильмень у живописных берегов старинной деревни Коростынь.

В многопредметном сервизе «Дубрава» (1985) Моисеенко обыгрывает мотив могучих старых деревьев, тишины и покоя дубравы с ее многоликостью, игрой очертаний и цвета листьев. Геометрические формы объемов перекликаются своими вариациями, а налепы маскируют точность их линий, создавая ощущение движения ветвей и листьев: то перед нами брошенный будто невзначай ветром на мокрое от дождя стекло одинокий лист, то густой, с дивным орнаментом ковер из опавшей листвы. Пластические детали декора с «нарисованными» на них «прожилками» листьев, темно-зеленый, почти бурый цвет стекла эффектно дополняют образ.

Неоднократно обращался С.К. Моисеенко и к военно-патриотической теме. Кому, как не ему, бывшему фронтовику, знать, что такое Победа! Он воевал с начала до конца войны, был ранен и награжден орденом Красной Звезды. К 40-летию Победы в Великой Отечественной войне создает он эмоциональные композиции, живо переносящие зрителя в «грозные сороковые». Одна из них – «Полевая почта. Лучшему снайперу фронта». Автор поэтически адресует солдату опущенные в черные сосуды-гильзы нежные цветы с голубыми, желтыми, розовыми лепестками, впитавшими в себя всю его нежность к родной земле, всю обостренную войной жажду жизни. Еще более драматичен «Фронтовой натюрморт». Забываешь, что перед тобой стекло: тусклый свет коптилки, потемневшая солдатская кружка, рядом – видавшая виды фляга. Простые, знакомые каждому вещи волнуют, вызывают тревогу. Художник не выдумывал образ. Создаваемые предметы композиции стали для него символами времени, нашей победы, борьбы за мир. Так стекло, впитав в себя частицу народной души, стало в руках опытного мастера, заслуженного художника РСФСР С.К. Моисеенко, произведением гражданского звучания.

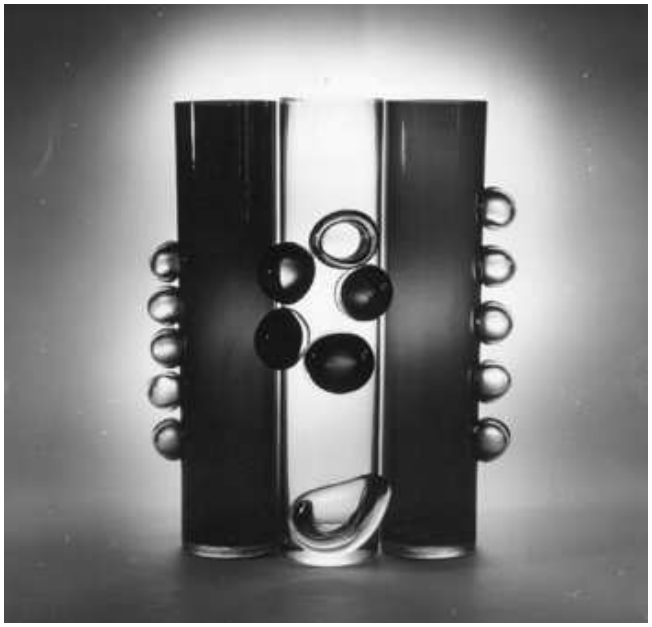
Его жизнь и творчество оказали немалое влияние на молодых художников предприятия, пришедших на завод в 1960-1970-е годы: Ю.В. Жульева, Э.С. Максимова, В.П. Самошкиной, Е.В. Вихровой, Ю.М. Манелиса, В.П. Крюкова. Наиболее последовательно проводил в своих произведениях идею высокой утилитарной целесообразности, ансамблевости, простоты форм, выявления в облике предмета его содержания как бытовой вещи Ю.В. Жульев, ставший в 1967 году главным художником завода «Восстание». При его активном участии завод в 1960-е годы осваивает такие новые технологии, как изготовление многослойного матового стекла, а также приступает к выпуску изделий из гутного стекла и хрусталя. Сам художник плодотворно работает во всех техниках. В целом Ю.В. Жульев в конце 1960-х – начале 1970-х годов примыкал к той линии поисков, которая решала проблему ансамбля стекла, где пространственность осознавалась как особая форма связи между предметами.

В 1967 году художник уверенно заявил о себе на республиканской выставке «Советская Россия», где экспонировался его сервиз «Суздаль», завоевавший признание на промышленной выставке в Лондоне. Образность сервиза строилась на использовании в архитектонике суздальских мотивов, своеобразно преломленных творческим зрением автора. А в 1969 году за строгую четкость формы, продуманную утилитарность, за возможность массового тиражирования в производстве получил первую премию на «Хрустальном конкурсе» журнала «Декоративное искусство СССР» один из его многопредметных сервизов «Полосатый». В этой работе, как и в большинстве других, созданных Жульевым в первое десятилетие его творчества, заметно стремление к четко прорисованной форме, точным пропорциям, гармоничному сочетанию толщин и цвета, ритмичности и лаконизму декора, а в ансамблях – к обыгрыванию одного основного приема (сервиз «Чудово», 1967; набор «Крестецкая строчка», 1967; сервиз «Прозрачный», 1968). Это отвечало цели, которую ставил в то время перед собой художник: создать эстетически полноценные и целесообразные бытовые предметы. Произведения Жульева из бесцветного стекла отличались выразительностью, оригинальной интерпретацией, высокой культурой форм.

В.П. Крюков. Графины для вина «Островок» (варианты). 1982 г.

В золотой фонд российского стеклоделия вошел набор для соков «Легенда» (1969) Ю.В. Жульева. Он привлекает внимание своеобразным соотношением декоративности предметов и их функциональности. Мягкие оплывшие формы при полном отсутствии орнамента сами по себе декоративны, чисты и выразительны. При наполнении их жид-

Ю.В. Жульев. Декоративная композиция «Весна», 1978 г. Цветное стекло

костью полусферические предметы начинали искриться и источать свет, фокусируя лучи. Дополнительный игровой эффект состоял в том, что, переворачивая предмет, можно было, например, превратить стакан в вазу для цветов.

Ю.В. Жульева всегда привлекала область эксперимента, позволяющая открывать все новые и новые возможности стекла. Относясь к художникам, мыслящим проблемно и обладающим немалой интуицией, он создает предметы не просто неожиданные, а порой и спорные, но и намного опережающие тенденции развития этого вида искусства в ближайшие годы. Так, в начале 1970-х годов Жульев рядом гротескных произведений откликается на многочисленные споры искусствоведов и критиков об утилитарности и декоративности современных предметов. Это в дальнейшем было активно поддержано многими художниками. Один из сервизов так и назван – «Гротеск» (1972). В нем налепы превращают утилитарные предметы в абсолютно бесполезные емкости. Таким шаржем в стекле был его «Чайник с тремя запаянными носиками», посвященный художнику В.А. Смирнову и блестяще демонстрирующий талант Жульева как пародиста по отношению к предметам искусства.

Создавая цикл произведений, посвященных 30-летию Победы советского народа над фашистской Германией, художник одним из первых обратился к идее плаката в стекле (декоративные композиции «Цветы – победителю», «Знамя Победы», ваза «Гвардия», все 1975). Развивая при этом традиции агитационного фарфора в художественном стекле, Жульев тем не менее остается тонким лириком (декоративные композиции «Солдатская память», «Никто не забыт...», обе 1975). Художник создает также и утилитарные предметы, придавая им особую торжественность. Таким стал его сервиз «Гвардейский» (1975), где простота и ясность форм подчеркнута черно-золотой лентой отводки золотом.

Художественная ценность тематических произведений Ю.В. Жульева обусловлена прежде всего высоким мастерством и яркостью художественного мышления, способностью создавать в стекле образы монументальной значимости («Факел», «Россия», обе 1987; «Дружба», 1989).

Работа с хрусталем потребовала от художника развития других качеств. Не отказываясь от ансамблевости, от манипуляций со строгой геометрической формой (кубки «Зимняя Олимпиада», 1979), художник начинает интересоваться разработкой соотношений внутреннего и внешнего объемов, предмета и окружающей среды. Решающими теперь становятся ритмические, светооптические и фактурные средства выразительности (ансамбли ваз «Оптический хрусталь», 1981; «Контраст», «Оттепель», обе 1979). Он использует линзу, широкую грань как средство выражения образно-пространственных замыслов. Гравированные изображения, украшающие поверхность, обрели пластический характер, иллюзорно вошли в цветные прозрачные объемы (декоративные вазы «Космос», «Мое Нечерноземье», обе 1981). Если в вазе «Космос» оптический эффект создает иллюзию бесконечно удаляющегося пульсирующего пространства, пронизанного холодным искрящимся блеском, то в вазе «Мое Нечерноземье» линзы овальной формы делают ее похожей на колос.

Экспериментирует Жульев и с цветным хрусталем, стремясь добиться единства цвета, света и пластики (ваза «Болдинская осень», 1979; ансамбль ваз «Ильмень», 1982).

В 1980-е годы его поиски привели к истокам стекла, которое лепили, а не выдували, заглаживали, давили, а не гранили колесами. Он ищет красоту в цельности пластической формы, текучести и переливе материала, добиваясь ощущения полноты внутренней жизни и певучей гармонии предметов. Многие из них восходят к скульптуре из прозрачного стекла В.И. Мухиной. Теперь он буквально «лепит» свои композиции из горячего многоцветного стекла, создавая яркие запоминающиеся образы (декоративная пластика «Элегия», 1980; декоративная композиция «Археология», 1985; декоративная ваза «Грация», декоративная пластика «Стригунки», обе 1986; декоративные композиции «Северная легенда», «Коми-нефть», обе 1989).

На протяжении многих лет заслуженный, а с начала 90-х – народный художник РСФСР Ю.В. Жульев выступает с новаторскими произведениями, получившими признание и высокую оценку общественности. Среди видных мастеров советского декоративно-прикладного искусства в Большой Советской энциклопедии было названо и его имя.

Творчество других мастеров художественного стекла Новгородской области не столь многогранно. Каждый из них тяготеет к какой-либо одной технике, но в ее рамках проявляет себя как интересный художник.

Чистота форм, ясность пропорций гладких объемов тонкостенного стекла представляли большой простор для кисти живописца. И снова стало возрождаться стекло, крытое люстром, расписанное силикатными красками, черными и белыми эмалями. В такой манере работали на заводе «Восстание» Е.М. Щапова, затем – Е.В. Вихрова (Рылькова), на Большевишерском заводе имени 1-го коммунистического добровольческого отряда – Б.А. Четков, Н.И. Андреева, Е.Н. Приходько.

Своеобразны произведения Е.М. Щаповой, чьи опыты по восстановлению сюжетной и тонкой цветочной росписи искусствоведы называли «многообещающими» еще в начале 1960-х годов. Растительные мотивы, выполненные люстровыми красками, словно «обнимали» предметы, сливаясь с ними. Плавный ритм линий, рисунка, изысканность колористического решения и одновременно его простота привлекали внимание к работам Е.М. Щаповой.

Росписи Е.В. Вихровой (Рыльковой) гораздо сложнее по композиции. Она отталкивается от богатства и многообразия растительного мира, в различных временах года и состояниях природы находя мотивы, перекликающиеся с душевной жизнью человека. Отказавшись от крупных рисунков, характерных для Е.М. Щаповой, она стала создавать композиции, вклю-

чающие в себя более мелкий и более условный цветочный узор (набор для вина и фруктов «Розовый ситец», 1975). Использованное при этом бесцветное стекло словно тает, оставляя лишь блеск отражений и давая возможность рисунку будто повиснуть в воздухе.

Росписи художницы изящны и изысканны. Тончайшие стебли, листья и цветы сплетаются на стенках сосудов в венки или сплошным цветочным полем покрывают весь предмет, оставляя прозрачной лишь ножку бокала (композиция «Летний вечер», 1980). Цветы невольно настраивали художницу на мысль о саде, о поющих птицах. Так появилась роспись набора для вина «Восточный» (1977), где птицы, всплеснув крыльями и распустив огненные хвосты, будто летят в прозрачном, дрожащем воздухе. Разного оттенка розовые квадраты на другой стороне напоминают тончайшие восточные шелковые шали и, словно двигаясь, усиливают ощущение реальности птичьего полета. Своими нежными, удивительно красивыми росписями Вихрова не раз доказывала, что именно ручное декорирование очень современно и придает ни с чем не сравнимую прелесть даже изделиям массового производства.

Художница редко работает с цветным стеклом, чаще – с бесцветным и молочным, свойствами и возможностями которого пользуется смело и уверенно. Она первая из художников завода «Восстание» стала использовать для своих работ молочное стекло, до нее употреблявшееся на предприятии лишь для изготовления плафонов. Вихрова поняла, что это благодатный материал для росписей, ведь даже самая нежная краска, едва намеченный цвет, узор будут на нем видны, как на листе белой бумаги (декоративный комплект «Немое кино», 1982; декоративные композиции «Радость», «Театральный букет», обе 1983; декоративный набор «Цикламены», 1985). Ее росписи рассчитаны на выявление объема предметов, на возможность разглядывать их с разных сторон. Чаще всего роспись начинается как бы размытым цветовым пятном, из которого прорастают, подобно водорослям, отливающие золотом и серебром листики и веточки, похожие на мираж (декоративная композиция «Осенний сон», 1978; «Сентябрь», 1977; набор «Поляна», 1982).

В 1980-е годы художница стала использовать тонированное молочное стекло: розовое, голубое, сиреневое, нежно-зеленое (в его разработке художникам завода помогали специалисты Всесоюзного института стекла). Теперь она пишет цветы в три приема, чем достигает почти стереоскопического эффекта («Подарочные кубки», «Туалетный набор», оба 1987). Использует она и кобальтовое стекло (композиция «Зимний пейзаж», 1986).

В росписях Вихровой «строгость и четкость... органически соединились с женственностью, даже мечтательностью и целомудрием ее цветочных композиций. Они ассоциируются с блоковским Петербургом, «с шелками и туманами», с его прекрасной Незнакомкой... Каждая из ее легких нежно-прозрачных росписей оставляет ощущение законченности и гармонии», – писал о ее творчестве доктор искусствоведения Н.В. Воронов.

Разработки и поиски Вихровой в живописи люстровыми красками и эмалями по стеклу выдвинули ее в ряд заметных фигур в художественном стеклоделии страны. Когда в 1982 году в городе Нови-Бору (Чехословакия) проходил международный «Интерглассимпозиум», в числе нескольких российских художников была приглашена и Вихрова. Созданный ею на чешском заводе «Кристалекс» декоративный набор «Золотой мак» побывал на многих выставках в нашей стране и в Пражском музее прикладного искусства.

В 1990-е годы Е.В. Вихрова изменила стиль своих росписей по стеклу. Широкий золотисто-розовый и серебристый мазок преобразился в тончайший, изысканно-ювелирный, графический, чаще цветочный рисунок на декоративных вазах, бокалах, целых стекольных сервизах, открыв тем самым новую грань таланта художницы. Ее произведения последних лет – это настоящие «дворцовые» ансамбли: столько в них красоты, аристократизма, удивительного мастерства.

Роспись люстром по бесцветному или глушеному стеклу стала одной из характерных черт «фирменного» стиля Чудовского завода. Причем вырабатывались различные приемы: орнаментальный пояс у Ю.В. Жульева (собственно, именно он первый на рубеже 1960-1970-х годов, обратившись к тонкостенному стеклу, ввел в употребление люстровые краски), как в сервизах «Полосатый» и «Гвардейский»; тонкая графичная прорисовка в произведениях Е.М. Щаповой (набор «Зеленая роща»); легкий живописный декор у Е.В. Вихровой (набор «Цветение») и у Ю.М. Манелиса (декоративная тарелка «Старый парк»). Совсем другую игру со стеклом затевал В.П. Крюков. Его увлекала форма шара. Он любил изготовлять также двустенные сосуды один в другом (декоративный набор «Роднички», 1988; туалетные флакончики, 1989; декоративные вазы-подвески, 1990).

Ю.В. Жульев. Декоративный ансамбль «Россия», 1972 г. (фрагмент). Сульфидное стекло (опал), цветная нить, гутная техника, металлизация

Ограниченные возможности стекольного завода имени 1-го коммунистического добровольческого отряда затрудняли искания художников в области создания уникальных малосерийных произведений. В 1970-1980-е годы достойно представляли свой завод на художественных выставках Б.А. Четков, Н.И. Андреева, И.М. Дикий, В.А. Рукавишников, Е.Н. Приходько.

Одним из первых начал опыты по созданию чисто декоративных предметов Б.А. Четков (ансамбли «Цветомузыка», «Барокко», оба 1975; сервизы «Движение», 1976, «Юпитер», 1977). Ему принадлежат интересные произведения камерного характера: затейливые бокалы, кубки, декоративные натюрморты.

Н.И. Андреева тяготела к созданию декоративных форм для организации интерьеров с росписью черными и белыми эмалями на бесцветном и молочном стекле. На прозрачных цилиндрах с серо-голубыми разводами декоративной композиции «Облака Севера» (1981) поместились чуть сплюснутые шары, напоминающие одновременно и земной шар, и светящуюся преувеличенных размеров каплю воды, которая отражает в себе окружающий мир с солнечными зайчиками в окнах домов. В куполообразных сосудах декоративной композиции «Конец зимы» (1982) художница поэтически передает состояние пробуждения природы, когда зима отступает и ветер играет обнаженными ветвями деревьев, отражающимися в почти оттаявшем лесном озере. Используя прозрачность бесцветного стекла и черную эмаль, Андреева пишет пейзажи, портреты, натюрморты, создавая свой микромир и населяя его образами людей и предметов (декоративные композиции «Встреча», 1983, «На веранде», 1984). Эти произведения Н.И. Андреевой, как и многие другие, носят, пожалуй, станково-графический характер, но в самой объемности форм, возможности менять местами предметы, двигать их, словно наблюдать в действии, есть что-то сценическое; причем сама роспись приобретает при этом неожиданный эффект пространственности.

Е.В. Вихрова. Композиция «Белая вуаль», 1983 г. Бесцветное стекло, роспись эмалью, гутная техника

После отъезда Н.И. Андреевой в Калининскую область ее поиски в живописи по стеклу с 1987 года продолжила на Большевишерском заводе молодая художница Е.Н. Приходько. Ее больше привлекала роспись цветными эмалями по бесцветному и однотонному стеклу, отчего рисунок делался то четким и контрастным (композиция «Травы», 1988), то будто размытым, сливающимся с основным цветом форм, как оранжевые листья на желтом фоне шаров-ваз в декоративной композиций «Последние листья» (1989).

В конце 1980-х годов заметными на областных выставках стали произведения молодых авторов. Ученики ведущих мастеров художественного стекла Новгородской области стремились по-своему осмыслить и отразить в своем творчестве усвоенные традиции.

Развиваясь под влиянием ленинградских школ, фарфор и стекло Новгородской области в 70-80-е годы не только приобрели статус художественных произведений, но и широко экспонировались на всех крупных смотрах в нашей стране (так, из пятнадцати новгородцев, участников республиканской художественной выставки «Советская Россия», в 1985 году большинство составили художники стекла и фарфора), а также стали оказывать влияние на стилеобразующие процессы в отечественном декоративно-прикладном искусстве.

Среди других видов декоративно-прикладного искусства в Новгороде получили развитие ручное ткачество и ювелирное искусство.

Большие по размеру гобелены В.А. и Р.Г. Бабиковых отличаются фантазийностью сюжетов, естественностью подобранных тонов, мастерским исполнением. Гобелен «Птица Сирин» (шерсть, лен, 1979) был показан на зональной выставке «Советский Север» в Сыктывкаре. В нем раскрывается тема народного творчества, где причудливо соединяются и протяжная русская песня, и залихватский танец. Образ Птицы счастья, загадочной и близкой каждому – невероятная выдумка народа, смешавшего были и небылицы – захватила художников. Музыкальность гобелена достигнута ритмом не то на лету, не то в танце переплетенных фигур: веселое и волшебное зрелище.

В гобелене «Плодородие» (ручное ткачество, шерсть, лен, 1985) Бабиковы развивают тему ожидания праздника. Они связывают его с плодородием земли, дающей сочный виноград, душистые травы, алые ягоды. В фигурах двух виноградарей подчеркнута связь поколений, когда от прадедов к потомкам передается по наследству и земля, и ремесло. Крепкие мускулистые руки их кажутся особенно сильными рядом с гибкой фигуркой девушки, несущей корзину с фруктами. Ее волосы украшены венком из цветов и трав с вплетенными яркими ягодами. Зеленые, голубые, желтые тона гобелена вызывают ассоциации с осенним садом, а продольное плетение дает ощущение необъятности простора полей и лугов, воздушного, полного солнца пространства.

В середине 1980-х годов обратились к ручному ткачеству художники А.И. и Д.А. Завьяловы. На областной выставке в 1986 году они показали гобелен «Древний Новгород» (шерсть, синтетика), отличающийся романтичностью образа, плавностью линий рисунка, нежными, словно рассветными, тонами. В этой работе заметно увлечение художников народными ремеслами.

Древний Новгород с его золотыми куполами, старинными монастырями, величественным кремлем, простором окрестных полей и лугов стал главной темой творчества Н. В. Дзюбы. Она работает в двух техниках: гобелена и горячего батика (роспись горячим воском по ткани). Ее произведения очень красивы и поэтичны. Она использует естественные краски, близкие к натуре, добиваясь подлинного мастерства. Небольшие по размеру, гобелены Дзюбы носят камерный характер. В ее творчестве преобладают мотивы, навеянные родным городом: «Колокола», «Вечерний звон» (шерсть, люрекс, 1990). Пытаясь со-

здать ощущение древности новгородской истории, художница использует предметы, похожие на те, что находят археологи на раскопках: кусочки ткани, дерева, камешки, бересту.

В ее батиках, сложных по технике исполнения, очень живописных и лиричных, особенно звучны растительные мотивы. Художница находит особую поэзию в красоте северного края. Она работает обычно с тонкой прозрачной тканью, чаще с шелком, что придает воздушность естественным краскам, делает их ярче и звонче. Иногда Дзюба вводит в фон батиков крупное цветовое пятно, обогащая его трещинками – кракелюрами, благодаря чему роспись не уступает в привлекательности и живописности фону древней фрески.

К сожалению, этот красивый, но очень трудоемкий вид декоративно-прикладного искусства развивается в Новгороде очень медленно, хотя гобелены уже украшают интерьеры многих общественных зданий.

Ювелирное искусство стало возрождаться в Новгороде с появлением художников Н.И. Коробейникова, С.А. Сдобнова, В.Е. и В.Н. Цветковых, работавших вместе на Новгородском опытно-экспериментальном заводе металлоизделий около двадцати лет. Они занимались изготовлением изделий массового производства, а также уникальных малосерийных, представленных на многих областных и зональных выставках «Советский Север» в 1979, 1984, 1989 годах.

Произведения Н.И. Коробейникова носят декоративный характер, они не функциональны, в них заметно тяготение автора к дизайну в ювелирном искусстве. Отсюда эффектные, но простые формы и линии. Так колье «Гривна» (мельхиор, кварц, 1985) он строит на контрасте граненого камня и полированного металла, а полированного металла в свою очередь – с фактурным.

В другом колье «Иллюзион» (медь, германий, 1984) Коробейников использует декоративные свойства самого камня, его зеркальной, хорошо отражающей плоскости. Впечатление циркового трюка, иллюзии создается и изящным движением рук с волшебной палочкой, условно изображенных в центре, и магическим шаром между ними. Использует художник в своих работах и традиционные растительные мотивы (подвеска «Моряна», мельхиор, янтарь, 1979).

С.А. Сдобнову ближе мелкая пластика в ювелирных изделиях, стремление в изящных миниатюрных фигурках людей, зверей и птиц передать реалии то лесной, то деревенской жизни (подвеска «Деревенька», мельхиор, 1979). Изъеденный гусеницей лист, весь в паутинках, создан из латуни с помощью мельчайших напаек, рельефов, прорывов (подвеска «Лесная», 1979). В ней тонко передано ощущение дыхания и звуков леса, его полнокровной разнообразной жизни. Блеск металла в сочетании с тонировкой дают впечатление еще большей выпуклости рельефов, создают поэтичный образ.

В отличие от С.А. Сдобнова В.Н. Цветков создает очень простые, лаконичные, но тщательно и скрупулезно выполненные изделия с использованием ковки, пайки и т.д. (браслеты «Контакт», «Отражение», мельхиор, 1979). В.Е. Цветкова, напротив, тяготеет к изысканности, женственности в ювелирных изделиях, сообщая им лирический настрой. Ее произведения, в основе которых лежат растительные и музыкальные мотивы, более традиционны, чем у других художников. Часто она включает в изделия камни – янтарь (гарнитур «Вечерний», 1985), нефрит (подвеска «Селена», 1979), александрит (подвеска «Сирень», 1985). И все же С.А. Сдобнов наиболее творчески активный художник-ювелир. Так, на зональной художественной выставке «Советский Север» в Мурманске в 1989 году он один представлял ювелирное искусство Новгорода, а в 1991 году в Мурманском музее современного искусства состоялась его первая персональная выставка.

Появление ювелирных работ на областных и зональных выставках последнего десятилетия дает возможность надеяться на дальнейшее развитие этого вида прикладного искусства, имеющего давние традиции в Новгороде, на возникновение своего отличительного стиля как в изделиях массового производства, так и в уникальных произведениях, над чем сейчас и трудятся художники.

К сожалению, 90-е годы стали роковыми для старейших стекольных заводов России на новгородской земле. Более чем столетний Чудовский стекольный завод «Восстание» и Большевишерский стекольный завод имени 1-го коммунистического добровольческого отряда (завод братьев Курженковых) были перепрофилированы и больше не выпускают стекло, в том числе и художественное. Мастера и художники вынуждены были покинуть предприятия, которым отдали десятки лет жизни и творчества, и заняться другой деятельностью. Некоторые, к счастью, преподают в художественных учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга, тем самым передавая свой уникальный опыт молодежи. Правда, этого слишком мало, чтобы традиция изготовления современного художественного стекла не умерла на новгородской земле.

Фарфоровым заводам Новгородской области удалось удержаться, сохраняя свой профиль. Но и здесь ситуация крайне тяжелая. И это сразу стало заметно на областных художественных выставках, всегда ранее ярких прежде всего экспозицией художественного стекла и фарфора. Теперь этих разделов практически на выставках нет.

И тем ценнее те коллекции, которые за последние десятилетия были собраны заводскими музеями, Новгородским государственным музеем-заповедником. Теперь они бесценны. Ибо неизвестно, когда теперь на новгородской земле возродится производство художественного стекла и достигнет такой же высоты производство фарфора.

Но то, что создано руками и фантазией художников, останется в истории российского фарфора и стеклоделия уникальной страницей, которая никогда не перестанет восхищать людей. Теперь это по праву можно считать высшей точкой мастерства новгородских художников.

И мы рады, что своими рукописями, публикациями, фотоиллюстрациями смогли удержать и сохранить хотя бы частичку прекрасного мира высокого искусства. За это низкий поклон редакции журнала «Чело».

Надежда ДЗЮБА

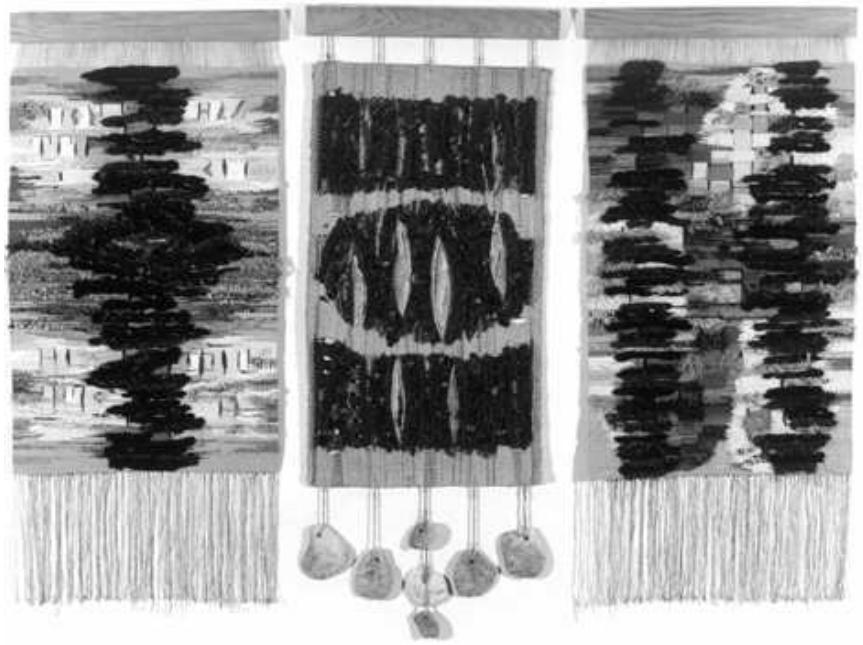
РУСЬ ТКАННАЯ

Главная тема моего творчества – тема Древней Руси, Древнего Новгорода. Работаю в основном в технике ручного ткачества (гобелен).

Великий Новгород, его древние улицы и мостовые, перезвоны колоколов рождают желание передать свои чувства восхищения и волнения перед великой историей нашей земли.

Я освоила разные исполнительские техники, стараясь найти свой художественный стиль. Для меня это гладкий фон с использованием фактурности, сложной техники и различных материалов: нитей (утук) различной толщины и структуры, бичевы, тесьмы, люрекса. В некоторых работах нашла свой ход – подвешиваю к гобелену различные предметы, отвечающие теме (камни, ракушки и т.д.)

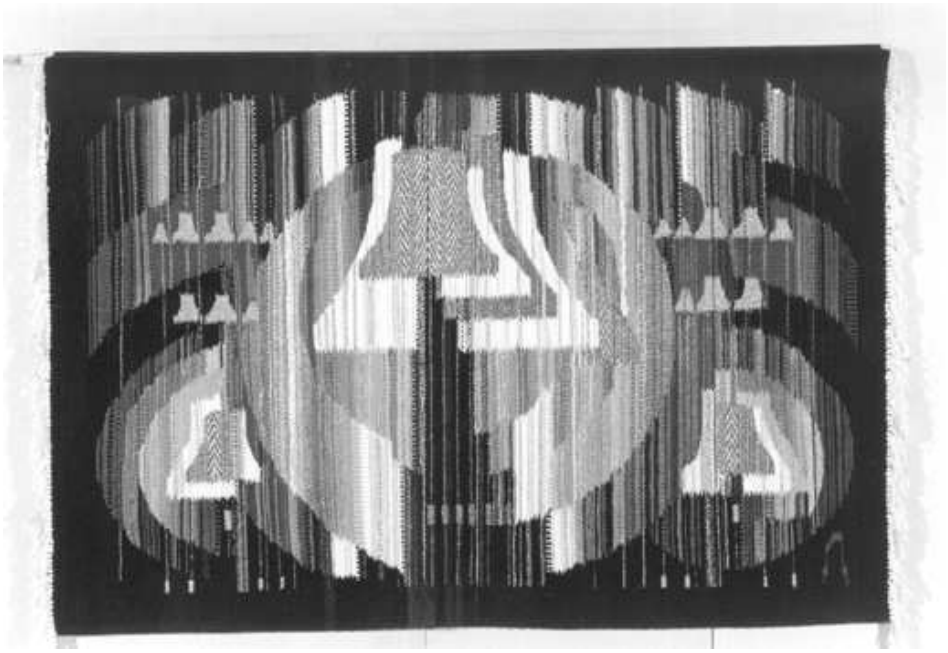
ТРОИЦКИЙ РАСКОП
триптих, гобелен

Во всех трех панно прослеживается тема древних мостовых. Сквозь вековую толщу земли, между досок и бревен древних настилов, проступают из глубины веков остатки берестяных грамот, плетеные из бересты предметы быта и т.д. В центре – грузила из раскопа.

ЛЕСНЫЕ ЗАРИСОВКИ

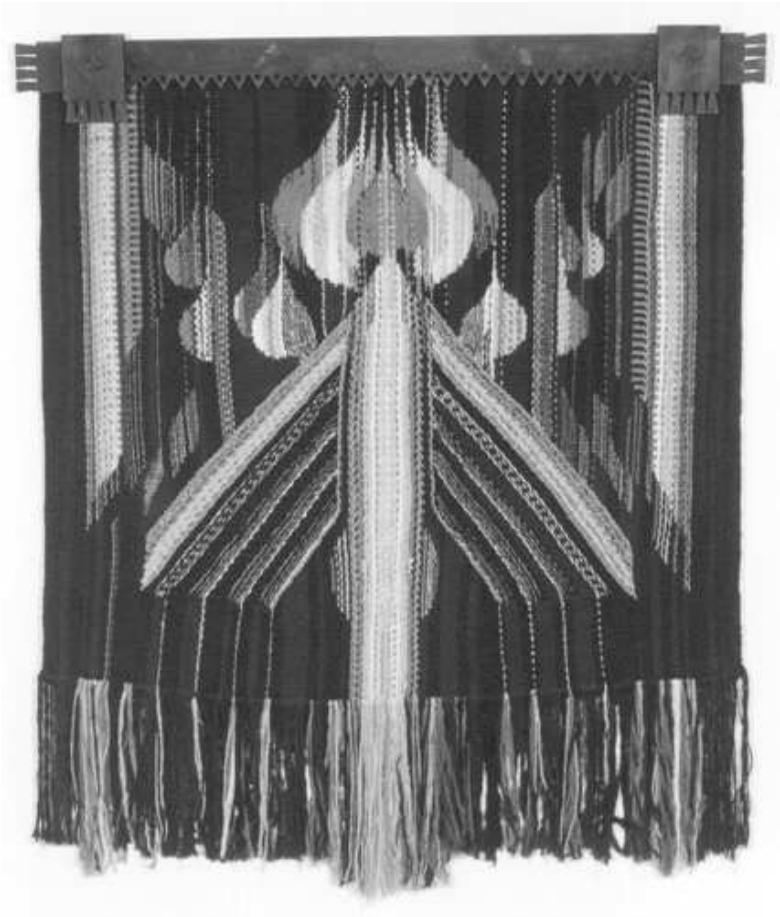
Работы выполнены в технике *батик* – «рисование горячим воском» на ткани. Процесс батикования очень трудоемкий и требует от художника жесткой дисциплины исполнения. Когда я стала работать в этой технике (легкой, прозрачной), то тема природы появилась сама собой. В этих работах я отразила свое отношение к теме. Сам материал (батист или крепдешин) нежный и прозрачный, предполагает обращаться к природным мотивам – цветам, растениям, лесным зарисовкам.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН,
гобелен

Тема Древней Руси, средневекового города. Здесь я использовала, помимо шерстяной пряжи, много люрекса. Применила саржевую технику в колоколе, чтобы гобелен был праздничный, торжественный, напоминал золотое шитье.

ВИТОСЛАВЛИЦЫ
гобелен

Древний храм, крестьянская изба, мельница, амбар – образцы народного строительного искусства. От древних деревянных срубов веет мощью, возникает образ древнего северного селения.

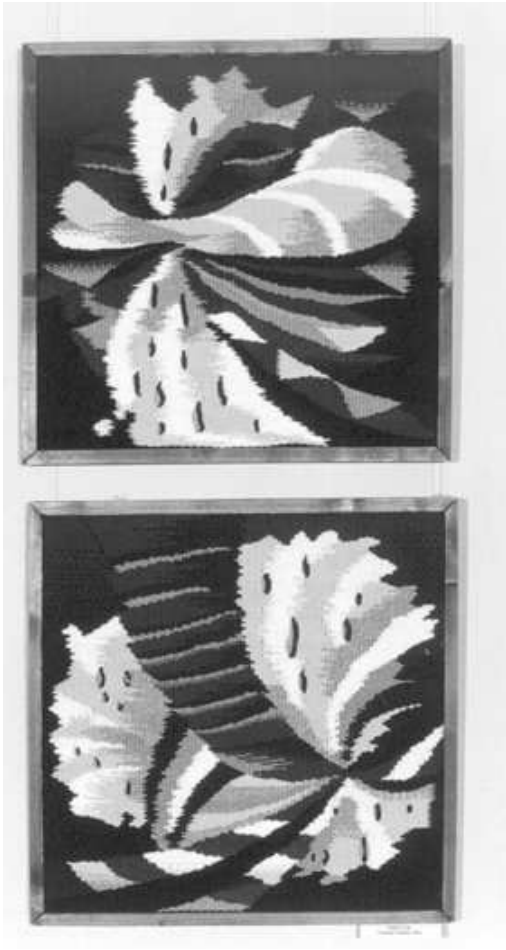
РУССКОЕ ПОЛЕ
триптих, гобелен

Выполнен целиком *изо льна.* Сам материал определил тему работы – колосятся поля, переливается золотом и серебром на солнце русское поле.

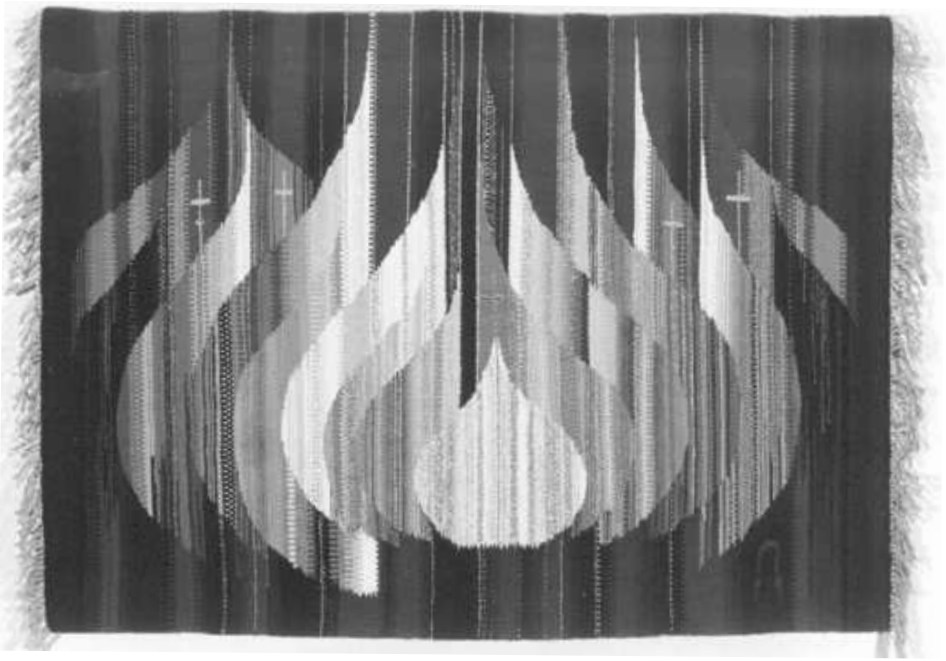
ДОВМОНТОВ ГОРОД
гобелен

Замысел родился после поездки во Псков. Была просто очарована его белокаменным кремлем, северной сдержанностью красок и легендарной жизнью литовского князя Довмонта, правящего в Плескове в средневековье. Имя князя живет в памяти потомков, в названии кремлевской башни, в руинах древнего города на территории кремля.
Композиция гобелена – часть разрушенной стены с чуть заметными очертаниями города и подвешенные ключи и замки от домов, уже несуществующих.

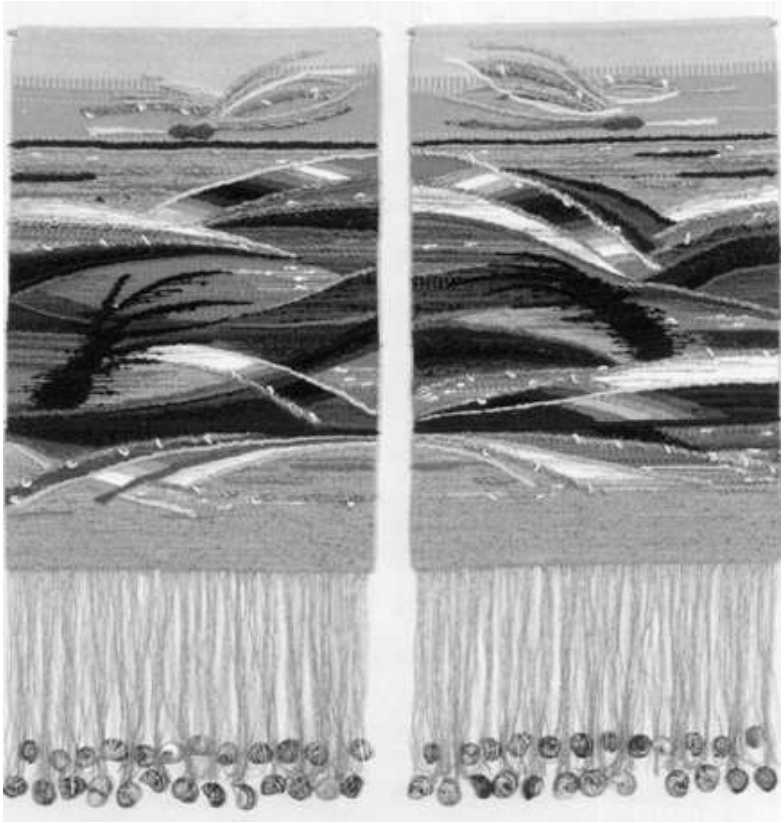
РАЗВИТИЕ
диптих, гобелен

Это тема космоса, зарождения новой цивилизации, новой жизни. Из «ничего» возникает «что-то» живое, теплое по цвету на холодном темно-синем фоне.

РУСЬ
гобелен

Русь святая, Русь Православная – для меня это мерцание и переливы золотых куполов на фоне темного бирюзового неба. Купола постепенно светлеют, переходя от темного цвета к чистому белому. Так и наша Русь очищается от тьмы и невежества.

ЗНОЙНОЕ ЛЕТО
гобелен

После того, как мне пришло в голову подвесить к одной из работ камушки, мне стали дарить ракушки, камни, металлические предметы и т.д. Так у меня появился целый пакет с ракушками виноградной улитки. А поскольку в это лето стояла необычайная для нашего региона жара, то я решила соткать гобелен на эту тему, используя улиток.

ТАЙНА ДУШИ БЕССМЕРТНА

«Мне нравится,как пахнут краски!» – Ольга берет в руки баночку с гуашью, улыбается и шутит: «Какой цвет! А запах! Еще бы на вкус попробовать». Рядом – акварель: Оля любит работать в смешанной технике. В комнату врывается свежий аромат распустившихся листьев: за распахнутым окном ликует весна.

ЛЕБЕДЬ

И вот на палитре – аквамарин неба и легкая пена облаков, прозрачная зелень леса и ледяная глубина ручья, золото солнечных бликов и тепло розовых лепестков... А в душе – Тайна. Тайна, которую она доверит краскам, наполнив чудесно перевоплощенные образы зримого мира внутренним светом, теплом, радостью бытия, воплотив в цвете музыку души. Работы на мольберте, на столе, на подоконнике... Ольга подходит то к одной, то к другой. Пишет быстро и решительно. А душу переполняют все новые и новые образы...

И не удивительно, что на выставках люди будут подолгу, как завороженные, стоять перед картинами этой хрупкой жизнелюбивой девушки, ощущая особую ауру добра и умиротворения. Вот он, мир гармонии и согласия, мир, омытый волной любви, непорочный и светлый, уносящий в ослепительную бесконечность неба, согретый трепетным чувством Двоих. Вот оно, счастье. Огромное, как душа лебедя, вобравшая в себя вселенную влюбленных. Вселенную, о которой Оля могла лишь мечтать («Верность»).

А вот другой – черный – лебедь, одинокий и гордый, со светлой страдающей душой. Он, вольная птица, будто тоскует по небу, но не может расправить крылья и подняться над переливающимися в лучах заходящего солнца водами, и, вытянув тонкую шею, слушает тишину («Лебедь»).

ВЕРНОСТЬ

И вдруг – запела свирель. Человек, сидящий на камнях у самой воды, исполняет сказочно прекрасную мелодию. И – о чудо! – дельфины танцуют и улыбаются. «Как же мне показать, что и черепаха ***тоже*** слышит музыку?» – задумывалась Ольга. И изобразила ее неподвижной, застывшей в оцепенении, внимающей звукам проникновенной мелодии. Мокрый после дождя песок, камни и бескрайняя бухта... Есть слегка уловимое сходство с озером Балхаш, на берегу которого Оля Солонина выросла («Танец дельфинов»).

Удивительно тонкие оттенки... «Где ты краски такие берешь?» – спросили ее однажды на выс-

тавке. – «На палитре». Сияла, когда подходили со словами благодарности за подаренную радость, а когда говорили, что она талантлива, отвечала: «А что такое талант? Это труд. Египетский Труд. Просто надо много работать, двигаясь к своей цели».

МЕЛОДИЯ. ТАНЕЦ ДЕЛЬФИНОВ

И она трудилась, не жалея ни сил, ни здоровья, преодолевая грусть и плохое настроение. Днем занималась в художественной школе, вечером – дома, с нежеланием отходила от мольберта ночью и с трудом поднималась утром, чтобы снова нести в мир добро. Улыбалась сквозь слезы, преодолевая физическое страдание – последствие перенесенной в детстве болезни. И шла вперед. Шаг за шагом. «Я чувствую, что многое могу, но не успеваю...» – говорила она маме. – «И все-таки у меня в жизни будет свой звездный час!»

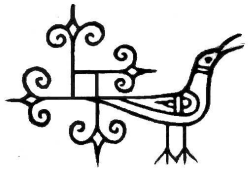
ЭЛЕГИЯ

И он, безусловно, был. И не единожды: ее картине «Танец дельфинов» присужден главный приз в конкурсе «Краски Новгородчины», в Дни Рахманинова шесть работ Оли Солониной радовали посетителей выставки в Доме культуры Профсоюзов. Как юная художница был счастлива, когда состоялась ее персональная выставка в «Читай-городе», где были представлены 18 картин. А настоящие яркие единственные звезды зажглись однажды, когда в Русском музее Санкт-Петербурга на праздновании 100-летия Великого Музея в Зеленой гостиной открылась людям Олина работа «Танец дельфинов».

За два года учебы в художественной школе Ольга создала более 100 работ акварелью, гуашью, пастелью, сангиной, тушью, в карандаше. И ни дня не прошло, чтобы она не сидела за мольбертом. Оля училась и тут же привносила в работы нечто свое, постигала теорию и смело, следуя свободе духа, воплощала в художественных образах вдруг снизошедшее откровение. Особая техника наложения мазка, цветовое и композиционное решение работ придавали им неповторимую индивидуальность.

В 1998 году Ольга поступает в Новгородское областное училище искусств имени С.В. Рахманинова на отделение батика. Но видно не суждено было белому лебедю достать облака. 17 сентября 1998 года Оля ушла в Вечность. Остались картины, в которых – вся душа ее.

Наталия ПУНЖИНА

В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ:

Георгий АКИМЧЕНКО, главный специалист отдела археологии гос. управления охраны памятников.
Леонид БАРАНОВСКИЙ, поэт.
Владимир ВИКТОРОВ, поэт (1948-1999).
Татьяна ВОЛОДИНА, искусствовед.
Анатолий ГАВРИКОВ, президент НовГУ им. Ярослава Мудрого.
Инна ГРИГОРЬЕВА, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории НовГУ.
Татьяна ДАНЬКО, зав. отделом использования документов ГАНО.
Надежда ДЗЮБА, старший преподаватель кафедры ИЗИ НовГУ.
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО, редактор «Экспресс-радио» НГТРК, член Союза журналистов и Союза художников России.
Геннадий КОВАЛЕНКО, заведующий отделом истории НовгородаС.-Петербургского филиала Института российской истории РАН.
Марк КОСТРОВ, писатель.
Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ, реставратор.
Ирина ПАВЛОВА, учитель истории (г. Санкт-Петербург).
Валентин ПАПЕШИН, краевед (г. Чудово).
Людмила ПЕТРОВА, главный библиотекарь Новгородской областной научной библиотеки.
Наталия ПУНЖИНА, редактор отдела альманаха «Чело».
Алексей ПШАНСКИЙ, член Союза театральных деятелей России, старший редактор альманаха «Чело».
Николай САЛОНИКОВ, аспирант кафедры Всеобщей истории, ведущий библиограф НБ НовГУ.
Людмила СЕКРЕТАРЬ, старший научный сотрудник НГОМЗ.
Тамара СИГАЛОВА, член Союза журналистов России, главный редактор альманаха «Чело».
Илья СМИРНОВ, заместитель директора по научной работе Кирилло-Белозерского музея-заповедника.
Ольга СОЛОНИНА, художница (1976-1998).
Александр ХОДЯКОВ, учитель истории (г. Чудово).
Ирина ЩУКИНА, научный сотрудник художественного отдела Кирилло-Белозерского музея-заповедника.
Владимир ЯДРЫШНИКОВ, старший научный сотрудник Отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ.